

ОГОНЁК

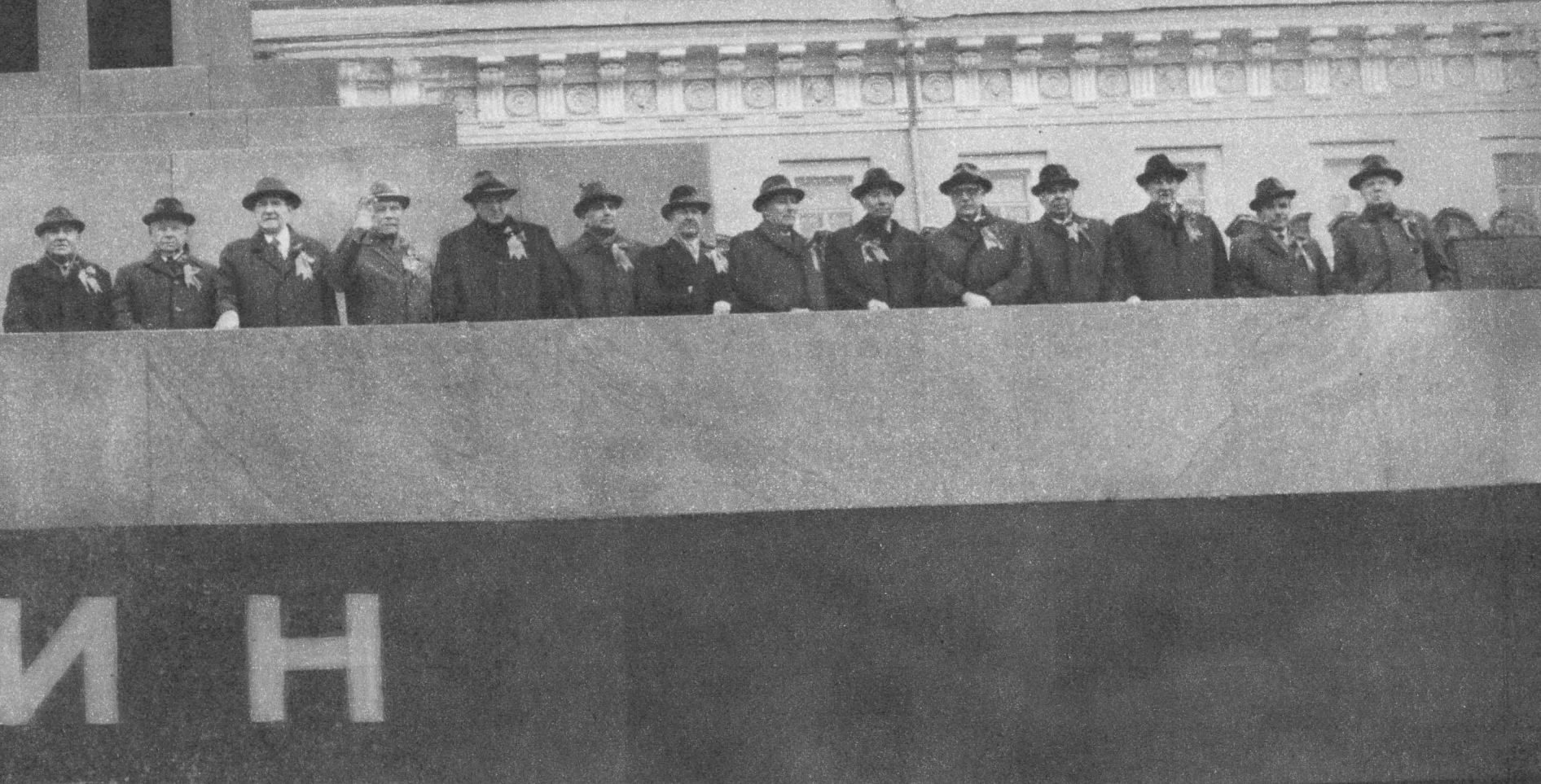
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 МАЙ 1982

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

1 МАЯ 1982 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЬЯН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 19 (2860)

8 МАЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

ЛЕНИНГРАД.

КИЕВ.

П Е Р В О Е М А Я

МИНСК.

БАКУ.

МОСКВА.

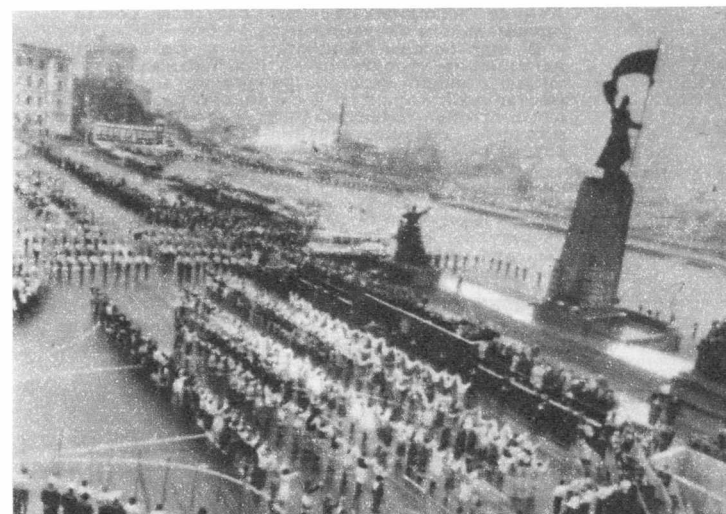
1982 ГОДА

Телефото ТАСС

ТАШКЕНТ.

ВЛАДИВОСТОК.

Перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 4 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыла государственная делегация Республики Никарагуа во главе с членом Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), координатором Руководящего совета правительства национального возрождения команданте революции Даниэлем Ортегой Сааведрой.

На Шереметьевском аэродроме гостей тепло встречали член

Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

4 мая в Кремле состоялись советско-никарагуанские переговоры.

С советской стороны переговоры вели Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Прези-

диума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

С никарагуанской стороны — член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), координатор Руководящего сове-

та правительства национального возрождения команданте революции Д. Ортега, член Национального руководства СФНО, министр планирования Республики Никарагуа Г. Руис, секретарь Национального руководства СФНО Р. Нуньес, министр иностранных дел Никарагуа М. Д'Эското.

Во время переговоров, проходивших в дружественной, сердечной обстановке, были рассмотрены вопросы двусторонних отношений между СССР и Никарагуа, а также актуальные вопросы международного положения.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

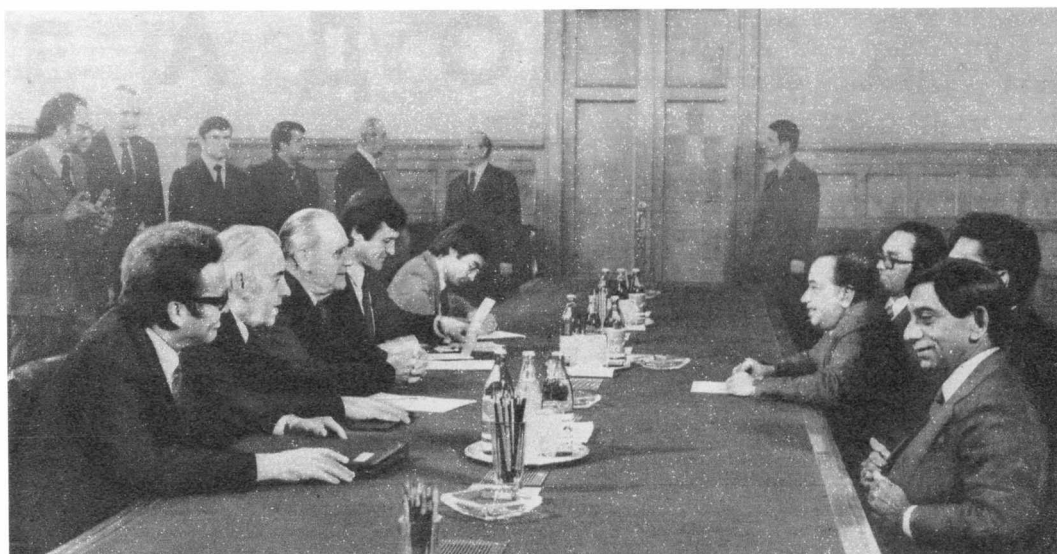
27 апреля Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле министра иностранных дел Демократической Республики Шри Ланка А. К. Шахул Хамида, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

В ходе беседы было отмечено, что советско-ланкийские отношения на протяжении четверти века своей истории неизменно носят дружественный характер и стабильно развиваются в различных областях на основе принципов мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества.

В беседе, прошедшей в обстановке взаимопонимания, приняли участие заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирибин, посол Шри Ланки в СССР Р. К. Алгернон Джонпулле, секретарь министерства иностранных дел Шри Ланки В. Тудор Джаясингхе, другие официальные лица.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Великжанина
(ТАСС)

СЪЕЗД КОММУНИСТОВ ЛАОСА

30 апреля во Вьентьяне завершил работу III съезд Народно-революционной партии Лаоса. Впервые лаосские коммунисты собрались на свой высший форум легально, в условиях, когда партия стала правящей и страна приступила к строительству основ социализма.

С политическим отчетом Центрального Комитета Народно-революционной партии Лаоса выступил Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Премьер-Министр ЛНДР Кейсон Фомвихан.

Съезд обсудил и единодушно одобрил политический отчет ЦК, доклады об основных направлениях социально-экономического развития страны, а также об изменениях в уставе партии. Съезд избрал руководящие органы партии. Генеральным секретарем ЦК НРПЛ избран Кейсон Фомвихан.

Участники съезда тепло приветствовали зарубежных представителей, прибывших на съезд.

С большим вниманием было выслушано выступление главы делегации КПСС члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова.

Состоялась дружеская встреча делегации КПСС во главе с Г. В. Романовым с Кейсоном Фомвиханом, членами Политбюро ЦК НРПЛ Нуханом Пхумсаваном и Кхамтаем Сифандоном.

III съезд НРПЛ стал важным политическим событием в жизни страны, а также международное коммунистическое и рабочее движение.

На снимке: выступает глава делегации КПСС член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов.

Телефото ТАСС

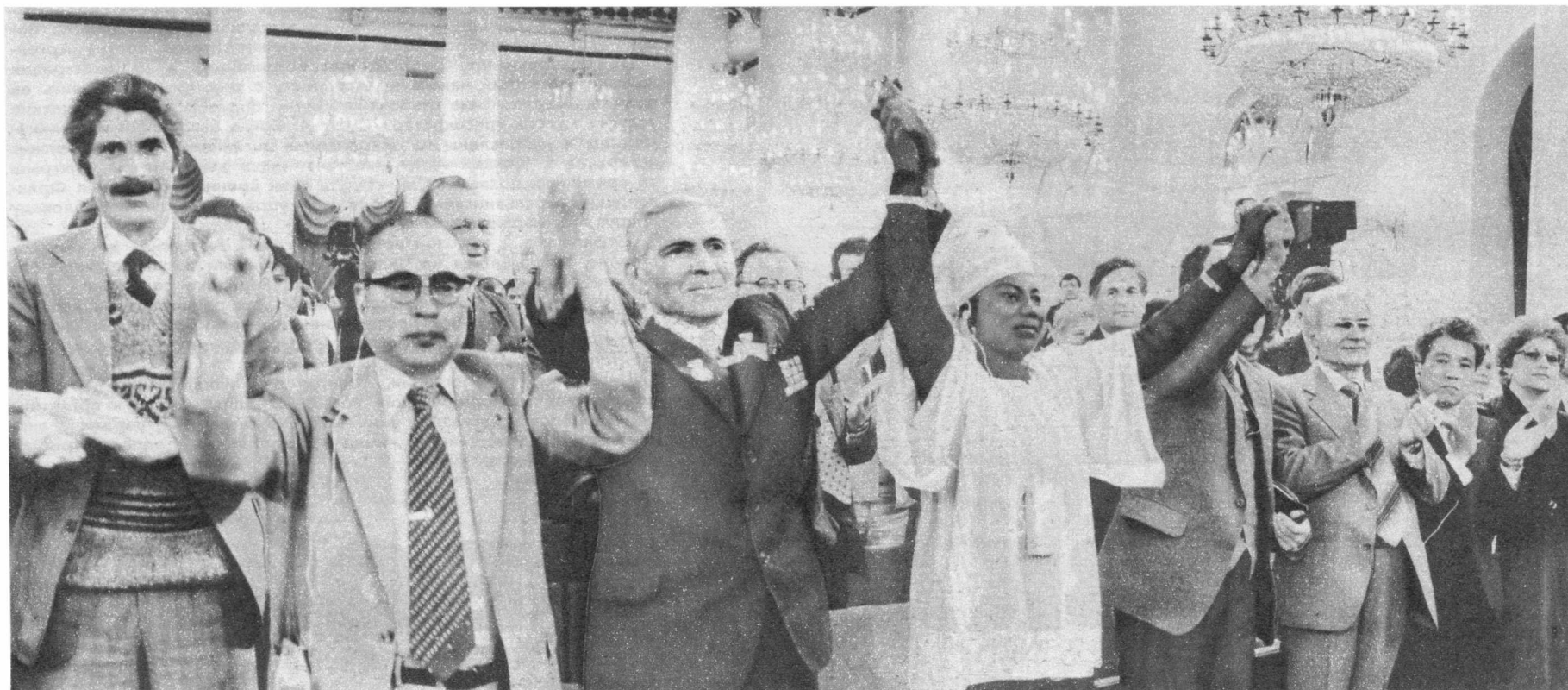

Фото М. СКУРИХИНОЙ

М И Р - П Л А Н Е Т Е!

2 мая в Колонном зале Дома союзов состоялся митинг трудящихся Москвы, посвященный Дню международной солидарности трудящихся. В нем приняли участие многочисленные представители зарубежных профсоюзных организаций, прибывшие в столицу на первомайские торжества.

Приветствуя москвичей и гостей из-за рубежа, председатель ВЦСПС С. А. Шалаев отметил, что солидарность людей труда — это безмерно великая сила, могучее средство поддержки народов в их борьбе за лучшее будущее.

Мы, сказал оратор, вновь обращаемся к трудящимся и профсоюзам всех континентов с призывом теснее сомкнуть ряды, до конца использовать огромную мощь международного профсоюзного движения в борьбе за мир, за разоружение и разрядку, за устране-

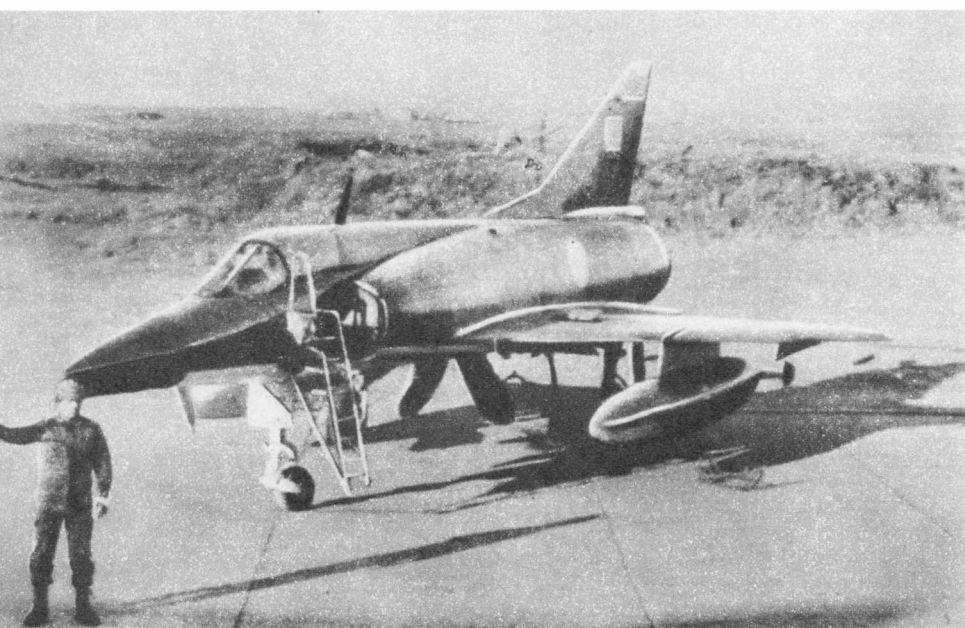
ние военной угрозы, за запрещение ядерного, нейтронного и химического оружия.

В митинге приняли участие первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, представители общественных организаций.

Британские десантники готовятся к боевым действиям.

ВВС Аргентины приведены в состояние боевой готовности.

«Лучшие результаты на переговорах можно получить, лишь ведя переговоры с позиции силы», — сказал министр иностранных дел Великобритании Ф. Пим. Заявление довольно циничное, учитывая, что английские стратегические бомбардировщики типа «Вулкан», а также базирующиеся на авианосцах истребители «Харриер» совершили налет на оборонительные позиции аргентинских войск на Фолклендских (Мальвинских) островах.

Военные действия между Аргентиной и Англией с каждым днем становятся все более ожесточенными и упорными. Напомним, что 150 лет назад сильная и агрессивная Британская империя отобрала у только что появившейся на карте мира независимой Аргентины Фолклендские (Мальвинские) острова. Стремясь сохранить архипелаг в качестве своего колониального владения, правительство М. Тэтчер полагается прежде всего на силу и, по существу, отказывается от конструктивных дипломатических поисков взаимоприемлемых решений для урегулирования англо-аргентинского конфликта.

Однако простые англичане решительно выступают против военных амбиций премьер-министра Тэтчер. О своем решительном несогласии с действиями правительства заявили Коммунистическая партия Великобритании, представители левого крыла лейбористов, ряд общественных организаций Англии. Даже в кругах консерваторов начинают сознавать, что открытый военный конфликт с Аргентиной вызовет серьезные политические потрясения прежде всего в самой Британии и вина за них ляжет в первую очередь на правительство М. Тэтчер. Некоторые министры пытаются трезво оценивать сложившуюся обстановку, а один из них, по сообщению английской газеты «Обсервер», даже заявил: «Когда к нам начнут поступать гробы, то Англия переживет ужасный шок».

Открытый переход США на сторону Англии в ее конфликте с Аргентиной как бы подлил масла в огонь, позиция правительства тори стала еще более непримиримой и воинственной. Белый дом объявил о введении экономических и торговых санкций против Аргентины и выразил готовность оказать материальную поддержку Англии в случае возникновения вооруженного конфликта. Военно-экономические санкции Соединенных Штатов против Аргентины, подчеркивает Си-би-эс, рассматриваются в администрации Рейгана как новый нажим на Аргентину с тем, чтобы заставить ее принять американские требования. Таким образом, «посреднические услуги» миссии госсекретаря США А. Хейга были циничным лицемерием и направлены на закрепление английских и американских интересов в Южной Атлантике. Они лишь дали Англии выигрыш во времени и позволили ей стянуть свои военные корабли к Фолклендским (Мальвинским) островам и установить военную блокаду вокруг этого архипелага.

Сталкиваясь с угрозой войны с Англией, Аргентина должна постоянно оглядываться на Чили. Радиолюбители из расположенного на юге Аргентины населенного пункта Барилоче сообщают, что с территории Чили организуются помехи для радиопередач «специальной сети», созданной после возникновения конфликта с Великобританией. Об этом известило государственное информационное агентство ТЕЛАМ.

Чилийские радиостанции, говорится в сообщении, нарушают международные юридические нормы и подключаются к аргентинским передачам, вставляя в их текст «ругательства, передачу английского государственного гимна и оскорбления в адрес патристических слоев Аргентины».

В. ДУНАЕВ

СТАВКА НА ВОЙНУ

Массовая манифестация протеста против авантюристического курса правительства консерваторов, сделавшего ставку на военную силу в англо-аргентинском конфликте, состоялась в Лондоне.

Применение Англией силы в конфликте с Аргентиной вызвало волну протестов в Буэнос-Айресе.

Фото ТАСС и журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»

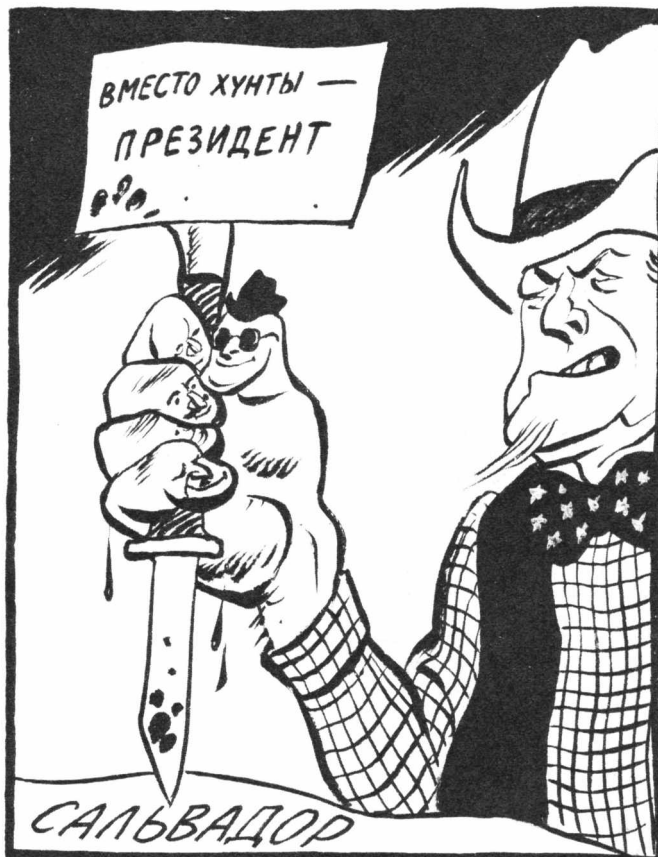
Кто странам несет
Угнетенье и мрак,
Кто злобно сжимает
Разбойный кулак?

«КУЛАЧНОЕ ПРАВО»

Владелец колоний,
Охотник до драк
В Атлантике поднял
Имперский кулак.

Свободы Ливана
Неистовый враг
Заносит над ним
Сионистский кулак.

Убрали с постов
Сальвадорских вояк —
Остался все тот же
Кровавый кулак.

Идет Пентагон
На рискованный шаг:
Над миром вздымает
Жандармский кулак.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Дер. 82.

Но, как ни беснуется
Злая орава,
Потерпит фиаско
«Кулачное право»!

ДЕМЕНТИЙ ШМАРИНОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Нет, ты посмотри, что за луна... Ах, какая прелесть!» — восклицает Наташа Ростова. И в этом возгласе вся свежесть юного ощущения природы, когда спать невозможно, когда кажется, что еще минута и сама полетела бы к звездам, стала частью этого дивного спящего мира.

Тишина. Все кругом будто окаменело в бесстрастном сиянии полнолуния. Кажется, что слышишь дыхание Наташи.

«Ты спи, а я не могу», — лепечет она.

Этот полный лирического трепета эпизод из романа Льва Толстого «Война и мир» запечатлел художник Дементий Шмаринов. Его серия иллюстраций к эпическому творению великого русского писателя принадлежит к шедеврам отечественной графики. Образы Андрея Болконского, Наташи и Пети Ростовых, Пьера Безухова и других героев — поистине жемчужины нашего современного искусства. Трудно себе представить, как художнику-иллюстратору удалось создать изобразительный ряд, столь тонко и точно восстанавливающий дух времени, сам голос эпохи, когда целый народ встал на защиту Родины. Масштабность толстовского романа нашла адекватное выражение в удивительных композициях академика, народного художника СССР Дементия Алексеевича Шмаринова.

Значительность иллюстрации «Наташа в Отрадном» в том, что художник смог передать редкое слияние человека и природы, когда сам образ Наташи, кажется, излучает волшебный свет. Но в этой умиленности и очарованности девушки проскальзывает нотка тревоги, ожидания — словом, всего сложного комплекса чувств, составляющих человеческий характер. Главное в этом рисунке — ощущение чистоты, духовной целостности, и эта юная вера в величие матери-природы, в свою маленькую судьбу отражается в широко открытых блистающих очах Наташи — внешне хрупкой и тонкой, но, как выясняется со временем, обладающей несгибаемой волей и твердым характером. Это редчайшее сочетание столь разных примет и составляет неповторимую прелесть наташиного образа, напоминающего по обаянию и очарованию пушкинскую Татьяну.

Перелистайте тома изданий шедевров нашей отечественной классики — Пушкина, Льва Толстого, Лермонтова, Некрасова, иллюстрированные Шмариновым. Перед вами раскроется богатый мир образов любимых литературных героев, вы ощутите атмосферу тех давних времен, услышите биение сердец знакомых людей, вошедших в нашу жизнь с юности раз и навсегда, сделавших наши души богаче и добрее.

Какое счастье вот уже полвека запоминать и накапливать в памяти бесконечные выставки с их шумными вернисажами, либо встречи с художниками и их творчеством в тихих, иногда очень одиноких мастерских, восстанавливать по записям забытые разговоры и споры с мастерами о живописи, графике, скульптуре. Основное то, что всегда при тебе — это непрерывная панорама картин, рисунков, скульптур с их внутренней жизнью, духовностью, борьбой и страстью, словом, всем тем, что носит высокое имя — Искусство.

Больших мастеров не так много, и встреча с ними оставляет след неизгладимый, ибо, как правило, значительный художник — это интереснейший человек, ярчайшая личность. Вот почему никогда не забуду беседы с Александром Дейнекой, Юрием Пименовым, никогда не уйдут из памяти мудрые слова, сказанные Игорем Грабарем. Очень немногим художникам дано стать как бы вехой в искусстве своей страны. Среди них можно смело поставить имя крупнейшего рисовальщика нашего времени — художника Дементия Алексеевича Шмаринова.

Каждый большой художник сам по себе — существо непокорное, в этом-то и смысл его первичного, особого видения мира. Соблюдая все условности и правила искусства, он все же ощущает совершенно оригинально суть бытия, природу, человека. И вот представьте себе такого крупного мастера в роли иллюстратора произведения литературы. Это акт глубочайшей перестройки всего хода творчества. Ведь в жизнь мастера властно вторгается кто-то другой, предлагая свой строй образов, свой свет и тени, свои звуки... История искусств знает несколько примеров, когда великие художники прошлого — Делакруа, Домье или Врубель принимались за иллюстрации, но если говорить точно, то это был лишь эпизод в творческой судьбе, который нисколько не противоречил ходу развития генеральной линии их искусства, ибо и гетевский «Фауст» в рисунках Делакруа, и сервантесовский «Дон Кихот» в полотнах Домье и «Демон» Врубеля лишь углубили и обогатили оригинальную художническую концепцию живописцев.

Другое дело, когда художник, обладающий неподдельным высоким даром, вдруг отказывается от радостей станковой живописи или станкового рисунка (лишь иногда позволяя себе уделять им время) и в основном кладет свой талант на алтарь так называемой прикладной графики. Художник, ставший иллюстратором, начинает жить особой, сложной, как бы двойной жизнью. С одной стороны, над ним довлеет его личный дар, полученная им школа, традиции, — с другой стороны,

каждый раз он как бы начинает свою жизнь сначала, вторгаясь в мир образов, созданных писателем или поэтом.

Дементий Алексеевич, как правило, никогда не начинает работы над отдельными иллюстрациями, не осмыслив, не прочувствовав всю книгу, не собрав весь нужный материал, а главное — не создав макета будущего издания. Поэтому некоторые высказывания не в меру ретивых дизайнеров о том, что Шмаринов создает станковую графику, то есть творения, не подчиненные конструкции книги, являются лишь мифом, выдуманным людьми, пытающимися подменить всю сложность психологической ткани книжной иллюстрации, ее глубину декоративными решениями: заставками, буквицами, оригинальными спусками, что, конечно, нужно, но никак не может заменить основную плоть книги — пластического выражения действия, времени, аромата литературного произведения, образов ее героев — иллюстрацию.

Интересно то, что Шмаринов, создавая десятки иллюстраций, начисто лишен какого-либо шаблона, приема в решении листа. Его рисунки к пушкиниане поражают своей прозрачностью и ясностью языка, иллюстрации к «Преступлению и наказанию» предельно напряженны и динамичны. Шмаринов умеет подчинить свою «гордыню» великолепного рисовальщика композиционному решению всего произведения — так расставить акценты, так скомпоновать макет книги, что нас чарует полная гармония текста и изображения. Таков «Петр Первый» Алексея Толстого, шедевр графического искусства, причем новаторство шмариновской пластики заключается в глубочайшем использовании и проникновении в самые сокровенные традиции русской графики, давшей миру целую плеяду мастеров мирового класса.

Как разгадать истоки темперамента художника, где заложены основы его таланта, как утверждалось дарование? Ответ на эти вопросы, как правило, следует искать в детстве мастера, в тех первых мигах ощущения природы, людей, быта, которые определены были ему судьбой. Дементий Шмаринов родился в 1907 году в Казани. Но мальчиком переехал вместе с семьей в Уфу, где сразу же оказался в предгорье Урала, в нетронутой глубинке, на родине Михаила Нестерова. С юных лет будущий художник был очарован красотой тихих летних вечеров, звонким разноголосьем цветущих лугов, навсегда запомнил бег вольных коней, полет птиц, одним словом, все то, что зовется Родиной. Когда началась первая мировая война, судьба забрасывает Дему и его близких в Киев. Туда он привозит с собою бесценный запас наблюдений природы, чувство общения с прекрасным, которое осталось с ним на всю жизнь. Не забудет мальчуган и первых книг с картинками (а читать он начал в четыре года), которые познакомили его с загадочным миром искусства. Уже в Киеве будущий мастер начнет копировать иллюстрации к сказкам Билибина, а некоторое время спустя по совету друга семьи, художника, рисовать с натуры. Но эти усилия не скоро принесут желанный успех. Начались годы учебы в гимназии, а вместе с тем и знакомство с историческими картинами, выпускаемыми издательством Кнебель, где сотрудничали такие мастера, как А. Бенуа, Б. Кустодиев, С. Иванов, Д. Кардовский, А. Васнецов, В. Серов, и другие. Эти репродукции расширяли художнический кругозор мальчика, воспитывали его вкус. Великолепен, конечно, был сам Киев с его древностями, окруженный легендами. Дементий Шмаринов не раз любовался дивным пейзажем старинного города, открывавшегося с Владимирской горки, где был особенно хорошо виден Днепр и заднепровские дали. Знакомство со старинными храмами и соборами, с прекрасными фресками и мозаиками, чтение книг по истории Руси увлекло юношу. Не меньшую роль в формировании таланта Дементия оказал момент, когда будущий художник увидел росписи Виктора Васнецова и Михаила Нестерова, которые предстали перед его восхищенным взором во время посещения Владимирского собора, и этот прямой контакт с живописью больших мастеров, а также изучение работ Михаила Врубеля, созданных им в Киеве, оставили неизгладимый след в его впечатлительной душе. Еще одно немаловажное событие произошло в жизни гимназиста Шмаринова. Он приобрел монографию Игоря Грабаря о Валентине Серове, и произведения этого прекрасного мастера покорили душу Демы настолько, что Серов стал его любимым творцом на всю жизнь.

Так неспешно, но основательно, в увлечении Врубелем, Серовым, Виктором Васнецовым и Нестеровым обретал свои привязанности в искусстве молодой Шмаринов. Эта первая школа и создала благодатную почву для становления дарования с самых первых шагов тянувшегося к вершинам мастерства.

Особую роль в развитии таланта подростка сыграла семья известного искусствоведа и археолога Адриана Викторовича Прахова. Сама атмосфера, царившая в его доме, преданность искусству, богатейшее собрание картин укрепили стремление Дементия овладеть мастерством художника. Этому же способствовало и занятие в студии сына А. Прахова — Николая.

Д. Шаринов. ЮНЫЙ ПЕТР НА ПЕРЕСЛАВСКОМ ОЗЕРЕ. Иллюстрация к роману А. Толстого «Петр Первый». 1945 г.

Д. Шмаринов. НАТАША В ОТРАДНОМ. Иллюстрация к роману Л. Толстого «Война и мир». 1953 г.

Взглянем на автопортрет шестнадцатилетнего Демы. Крепко сколочен этот рисунок. В уверенных штрихах наброска чувствуется влияние Врубеля и Валентина Серова. Поражают энергия и фундаментальность, подчеркивающие твердый характер и далеко не школярскую уверенность молодого художника. Дата исполнения—1923 год... Далеко, далеко глядит этот юноша с внимательными, настороженными глазами, с четкой линией рта и жестко очерченным подбородком. Да, видно, немало повидал и передумал он. Вспомним, сколько пришлось пережить Дементию лишь в одном Киеве в трудные восемнадцатый, девятнадцатый и двадцатые годы.

Думал ли я, когда взбирался по стертým ступеням на мансарду старого семизатжного дома на улице Горького (рядом с Моссоветом), что через полвека мне придется вспомнить об этой мастерской в связи с юбилеем нашего крупнейшего графика Дементия Алексеевича Шмаринова, который, создав свой неповторимый стиль в иллюстрации, является одним из основоположников современной школы живописи и графики, рядом с такими художниками, как Дейнека, Пименов, Сергей Герасимов, Кибрик.

В мансарде помещалась студия Кардовского, в которой прошли школу многие большие художники нашего времени. Когда восемнадцатилетним юношей в 1935 году я пришел в эту школу, ею руководил Ксаверий Павлович Чемко — обаятельный и интеллигентный человек. Частенько в студии бывал Петр Митрофанович Шухмин, блестящий рисовальщик, автор известного полотна «Приказ о наступлении». В памяти навсегда запечатлелась атмосфера вечеров, когда к художникам приходили большие артисты, музыканты, композиторы, поэты. Звучали чудесные романсы, читались стихи... По стенам были развешены многочисленные репродукции с рисунков классиков — Микеланджело, Рафаэля, Леонардо, а также оригинальные листы Александра Яковлева, Шухаева, Кардовского. Между этими шедеврами, помню, экспонировался чудесный рисунок мужской головы, исполненный сангиной. Когда я спросил у Ксаверия Павловича, чей это рисунок, он ответил, что одного из лучших учеников Кардовского — Дементия Шмаринова.

Это имя в середине тридцатых годов уже было достаточно известно по многочисленным рисункам, публиковавшимся в журналах, а также по иллюстрациям к произведениям современной литературы и творениям Горького. Но, конечно, тогда я и не догадывался о той встрече, которая предстает мне в 1936 году в Музее изящных искусств...

Итак, 1936 год. Музей изящных искусств. Выставка, посвященная пятилетию советской книжной графики. Никогда из памяти не уйдет вернисаж, на котором я столкнулся с произведениями Шмаринова к «Преступлению и наказанию» Достоевского.

Человек замер... Кровь стучала в висках.... Вот темная арка ворот. Двор. Глухие стены с подслеповатыми окнами. Узкая крутая лестница с кривыми, обгрызенными временем ступенями. Наконец, эта дверь... Сердце, казалось, вырвется из груди, так реально вдруг предстала перед художником сцена из книги. Вот старый звонок и оборванная клеенка... Только откуда-то доносится глухой гул города, и автомобильные гудки вдруг возвращают тебя в тридцатые годы нашего века.

Неповторим был этот миг озарения. Страницы из романа мгновенно ожили и оказались увиденными чеканно, стереоскопически ярко, художник почти услышал, как шелестит платье старухи, как скрипнула дверь, и увидел, да, увидел, как из сумрака на него уставились два острых и недоверчивых глаза. Он будто близко разглядел жиденькие, тщательно прилизанные, промасленные и собранные в крысиную косичку полуседые волосы старухи, ее морщинистый лоб и еще раз ощутил на себе пристальный, тяжелый, злой взгляд.

Процентщица из «Преступления и наказания» Достоевского — этот лист только часть из большой серии рисунков, ставших ныне хрестоматийными. В те годы сама манера их исполнения — свободная, острая, напоминающая офорт по густоте игры света и теней, акцентированная углем, поражала полнотой реалистического видения автора иллюстраций, его глубокого проникновения в текст произведения.

Вся грозная, удушливая атмосфера романа, Петербург, слепые брандмауэры, темные подворотни, выбитые пыльные мостовые, а главное, люди, герои, данные крупным планом с обезоруживающей достоверностью проникновения в духовный мир «Преступления и наказания». Вся эта огромная по объему работа исполнена в непривычной манере живописного крайне экспрессивного, но великолепно построенного рисунка, раскрывшего саму плоть генального произведения русского романиста. Это была новация... Помню, что ушел с вернисажа с ощущением чего-то впервые увиденного.

Иллюстрации к «Преступлению и наказанию», исполненные Шмариновым в 1936 году, увидели свет и были напечатаны только через двадцать лет, в 1956 году. Так сложно воспринимался некоторыми людьми Достоевский в то время. Но уже этой своей первой серьезной работой Шмаринов сразу заявил о себе, как о фигуре первого плана.

...Попробуем заглянуть в его мастерскую. Вы увидите на мольберте портрет юноши, написанный в 1931 году, в годы влияния «ОСТА», рядом на полу стоят стенкой великолепные пейзажи, и там чуть вдали — рисунки натурщиков, сделавшие бы честь даже Дейнеке. Такое многообразие творческого языка, такой беспредельный поиск, неутомимость в разработке вариантов представляют нам тяжелейший труд этого немногословного человека.

Он больше похож на ученого-исследователя, чем на художника, — огромный лоб, внимательные глаза, твердая линия рта.

Рисунки Шмаринова, его станковая графика — предмет особого разговора. Портфель художника заполнен превосходными натурными и композиционно построенными листами, он свободно владеет акварелью, гуашью, темперой. Он живописец со своим своеобразным видением природы... Но вернемся к рисункам. Казалось, что может быть проще по затрате материала и объема работ, чем рисунок? И однако

белый лист бумаги и свинцовый карандаш, уголь, сангина составляют основу жизни изобразительного искусства, ибо без рисунка нет и самого изображения. Рисунок определяет конструкцию и огромного станкового полотна и миниатюрной гравюры на дереве. Художник раскрывает все свои личные качества — оригинальность взгляда, свежесть и первичность ощущения натуры именно в рисунке. Рисунок — альфа и омега искусства. Это аксиома. И надо признаться, что Шмаринов владеет рисунком в совершенстве, что позволяет ему с такой внешней легкостью решать самые трудные задачи. Но за кажущейся простотой — огромная школа, культура и самодисциплина труда этого на редкость волевого и устремленного художника.

Сам мастер, его всегда собранная, подтянутая фигура, корректность сочетаются с железным характером и упорством в достижении цели. Дементий Алексеевич крайне вежлив и деликатен, но порой жесток и непримирим, когда разговор заходит о принципах высокого реалистического искусства. Его полувековое служение в мире нашей графики стало во многом некоей константой, призывающей соблюдать законы творчества, чувствовать пропорцию, гармонию человека и природы. Шмаринов в юности изучал музыку, играл на фортепиано — музыкальность, чувство ритма остались у него на всю жизнь.

И еще одна поразительная по своей простоте истина. Хороший рисунок, исполненный мастером-реалистом, будь то Гольбейн или Дега, Александр Иванов или Валентин Серов, понятен любому зрителю, слесарю, академику, и не натуралистичностью вовсе, а потому, что такой рисунок прежде всего ясен, конструктивен и четко выражает объем, движение, состояние.

Рисунок, по существу, это одна из форм общения, разговора художника с натурой, школа мастерства. Мы восторгаемся рисунками Леонардо, Тициана, других великих живописцев Ренессанса, но, как правило, рисунок служил тогда лишь этапом к подготовке холста либо фрески. Но сегодня мы воздаем должное Микеланджело или Тинторетто за ту мощь, раскованность и очарование, которые несут их рисунки. Рисунок уже сам по себе является произведением искусства. Начало этому было положено давно такими мастерами, как Гольбейн и Рембрандт, Гойя и Энгр, Кипренский и Александр Иванов. В наше время станковый рисунок получил широкое и оправданное развитие.

Вопросы профессионализма, умения, мастерства необычайно остро стоят в наши дни, когда дилетантизм и пустое формотворчество пустили свои корни не только в живопись, но и в графику. Не избежала этой беды нашего века и иллюстрация. Личный пример Шмаринова как носителя высоких традиций русской культуры, его умение рисовать, а также его мастерство в создании психологических образов, полных поэзии и экспрессии, — все это сделало его имя и его искусство одним из образцов русской советской книжной графики, а его серии к нашей классике — примером высокого стиля и вкуса. Самое главное, что динамизм иллюстраций Шмаринова достигается без каких бы то ни было потерь в полной реалистической форме. Наоборот, лучшие листы художника поражают своей прозрачностью и гармонией. Манера мастера, новаторская по существу глубинного постижения и проникновения в текст литературных шедевров, радует мелодическим единством с замыслом романов и повестей. Искусству Шмаринова абсолютно чужды какие-либо диссонансы или деформация, столь модные в наше время и выдаваемые порою за новации.

В зеленом зеркале Переславского озера неторопливо плывут пышные облака с синими донышками. Только чайки, пролетая между стрелчатыми мачтами фрегатов, кричат пронзительно и весело. На верфи — на стапелях четыре осмоленных корабля, с резными разукрашенными носами и покрытыми затейливой резьбой кормами. По утрам над водой стлался туман, и казалось, корабли будто плыли, поблескивая черными лакированными бортами, рассекая узорными носами дымную, туманную мглу. Но всходило солнце, мираж пропадал, и наступал день, до краев насыщенный круговертью стройки, жаркого труда. В самой гуще работы был Петр...

«Юный Петр на Переславском озере». Этот лист из серии рисунков к роману Алексея Толстого создан в 1945 году, и в этом рисунке, столь мирном по антуражу, звенят фанфары Победы в Великой Отечественной войне... Высоко вздымается фигура молодого человека над окрестным пейзажем. В белой рубашке с засученными рукавами, с веслом и топором в жилистых руках, сам как символ молодости, задора, мечты, он возвышается — знаком добра и созидания. Его лицо — открытое всем ветрам, со взором сияющим, устремленным вдаль, означает, что юный Петр видит все, всю огромную Русь: и грядущую Полтаву и сказочный лик «Северной Венеции» — Петербурга. Он верит в белопарусную мощь русского флота.

Художник ощутил патристический пафос текста Алексея Толстого и создал высокохудожественный, вдохновенный образ. Манера исполнения реалистическая, но ракурс, композиция делают рисунок монументальным, глубоко зрительным. Именно это свойственно огромной серии в двадцать пять листов, в которой раскрывается история петровской России. Удивительны массовые сцены сюиты, где часто живописное мастерство, умение владеть светом и тенью заставляет нас видеть в маленьком рисунке пластическое решение, достойное большой станковой картины.

Дидро как-то сказал: «Хороший стиль кроется в сердце». Этот афоризм позволяет нам найти ключ к феномену искусства Шмаринова — многоликому по жанру, но сразу узнаваемому по удивительному чувству меры, такта и гармонии. Живописные картины, этюды, бесчисленные рисунки с натуры, плакаты, графические серии эпохи Великой Отечественной войны, сотни иллюстраций к произведениям мировой, русской и советской классики... Каждое создание Дементия Шмаринова узнается с первого взгляда — так точен, остр, объемен и строг язык его искусства.

ПОМНИТ МИР

С великим праздником — Днем Победы поздравляем мы сегодня наших фронтовиков. Многие из них получают 9 мая поздравления из тех стран, которые они с оружием в руках освобождали от фашизма. Помнят и чтят подвиг наших солдат в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии. Свидетельство этому — высокие правительственные награды братских стран воинам Советской Армии. С кавалерами иностранных орденов вас познакомит на этих страницах корреспондент «Огонька» Н. Крылова.

8 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ
ОТ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА

ГЕНЕРАЛ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

«ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ В ЗОЛОТЕ» — так называется один из высших орденов ГДР. В год десятилетия республики ее первый рабочий президент Вильгельм Пик подписал указ о награждении этим орденом гвардии генерал-майора Ивана Созоновича Колесниченко.

Был третий день мира, когда члена Военного совета 3-й гвардейской армии, с которой прошел он от Волги до Влтавы, вызвал в Берлин маршал Жуков: генерал Колесниченко назначался начальником управления советской военной администрации земли Тюрингия.

Так Иван Созонович стал «генералом по гражданским делам». Пять лет провел он в Тюрингии. Это были трудные годы созидания на развалинах фашистского рейха новой Германии.

...День этот в календаре значился будничным — понедельник, 15 октября 1945 года. Но в городе Йена он был объявлен нерабочим днем. Транспаранты и плакаты придавали улицам праздничный вид. Утром в Народном доме собрались представители общности города, рабочие, студенты. Советскую военную администрацию представлял В. И. Чуйков. Прозвучала торжественная мелодия, и обер-бургомистр города поздравил всех с торжественным событием — открывался университет, первый в Германии после войны. От Народного дома к зданию университета двинулась торжественная процессия. Впереди шел ректор с массивной цепью на груди, профессора в мантиях и шапочках, президент земли Тюрингия во фраке и цилиндре. Люди, заполнившие тротуары, были одеты во все лучшее.

Советская военная администрация видела свою задачу не только в том, чтобы контролировать выполнение Германией условий безоговорочной капитуляции, но чтобы возродить на немецкой земле экономическую, общественную и культурную жизнь на новых, демократических началах.

С особой теплотой вспоминает Колесниченко активистов первого часа — немецких коммунистов, антифашистов, приступивших к строительству новой Германии сразу же после освобождения ее Советской Армией.

...В кабинет генерала вошел худощавый человек с живыми глазами, с висками, густо посеребренными седой, и на хорошем русском языке представился:

— Георг Шнайдер, член Коммунистической партии Германии, прибыл в Тюрингию по заданию ЦК КПГ для оказания помощи окружному комитету партии в развертывании работы в массах и восстановлении партийных организаций на местах.

— Где это вы научились так хорошо говорить по-русски?

— В Советском Союзе.

После прихода фашистов к власти биолог Георг Шнайдер вместе с женой Шарлоттой эмигрировал в Советский Союз, работал в Академии наук СССР, а во время войны — в советском госпитале. Георг познакомил Колесниченко с Эрнстом Буссе, членом КПГ с 1919 года. Он прошел все муки фашистского ада. В Бухенвальде был членом лагерного комитета и, работая в санитарном бараке, спас жизнь многим узникам. Сразу же после освобождения товарищ Буссе стал вождем коммунистов земли Тюрингия и ее первым вице-президентом. Он лично возглавлял всю работу по подготовке и проведению земельной реформы.

Прежде чем ее провести, правление земли Тюрингия должно было принять соответствующий закон. В правление входили представители четырех партий: КПГ, СДПГ, ЛДПГ и ХДС. Две рабочие партии были за реформу, две буржуазные — против.

— Когда товарищ Буссе пришел ко мне и стал возмущаться поведением представителей ЛДПГ и ХДС, я успокоил его: реформа все равно будет проведена, потому что она является жизненной необходимостью для Германии, — рассказывает И. С. Колесниченко. — После ухода Буссе я пригласил к себе представителей этих двух партий. Они держались смирно.

— Господа, — сказал я, — ваше поведение было реакционным. Я пригласил вас для того, чтобы сообщить наше мнение о вашей ошибочной позиции. Больше ничего сказать не имею. До свидания, господа.

А потом была беседа с президентом земли Тюрингия. На словах он был весьма лоялен, а на деле всячески тормозил демократические преобразования, тем более что боялся потерять собственное поместье. На другой день президент собрал представителей всех четырех партий, и они высказались за земельную реформу. В конце концов закон о ней был принят. Хотя реформу прово-

дили немецкие органы управления по инициативе коммунистов, советские военные власти не считали себя посторонними в этом деле и потому тщательно проверяли ее осуществление на местах. Иван Созонович вспоминает такой случай.

Ему сообщили по телефону, что в одной общине крестьяне и батраки отказались делить помещичью землю, решив работать на ней сообща. Подозревая, не скрывается ли тут намерение бывшего хозяина сохранить имение (а такие случаи бывали), Колесниченко сам поехал туда. Его встретил крестьянин лет пятидесяти. Оказывается, это он сагитировал своих односельчан. Этот человек побывал перед войной в Советском Союзе, и ему очень понравились наши колхозы. «Если можно разделить помещичью землю и мелкий инвентарь, то как разделить трактор, сенокос, молотилку? И как применить машины на маленьких клочках земли?» — рассуждал он.

— А как оплачивается работа? — поинтересовался генерал.

— Как у вас, по трудовым.

— Но все ли довольны?

— Спросите сами, герр генерал. — И руководитель хозяйства подвел его к группе женщин, занятых очисткой зерна. Перебивая друг друга, они стали доказывать, что лучшего решения не может быть.

— Раньше мы все работали на помещика, а теперь вместе на себя работаем. Чем же это плохо?

— Как советский человек я был убежден, что будущее немецкой деревни связано с коллективной формой хозяйства, и все же у меня было сомнение, не кроется ли за этим хитрая попытка сохранить имение для бывшего хозяина, — продолжает Иван Созонович. — Когда я доложил обо всем по начальству, мне позвонил Соколовский и начал «допрос с пристрастием», не сам ли я насаждаю колхозы в Тюрингии. Я обстоятельно все объяснил, и было решено передать этот вопрос на усмотрение немецких властей.

Особое внимание советская военная администрация уделяла пуску промышленных предприятий. Не хватало рабочей силы, сырья, электроэнергии. Новые руководители предприятий — из антифашистов — часто не имели профессиональных знаний, им не хватало опыта.

Генералу Колесниченко и его сотрудникам приходилось часто ездить на предприятия, чтобы помочь на месте.

На фабрике искусственного волокна директор сказал, что запасов серы хватит всего на три месяца.

— Откуда вы раньше ее брали? — спросил Иван Созонович директора.

— Привозили с Сицилии.

— А сейчас можно там заказать?

— Конечно, дайте только пропуск и соответствующее распоряжение.

Я дал пропуск. Через три недели директор появился у меня: «Сера уже плывет на пароходе морем в Росток, на днях мы ее получим».

С какими только просьбами не обращались жители Тюрингии к советскому генералу! Епископ просил разрешения водрузить на купол замка Вартбург крест, который разбился, когда фашисты стали снимать его. После того как замок принял свой первоначальный вид, епископ не упускал случая подчеркнуть, что фашисты сломили крест, а большевики-безбожники помогли его снова установить.

Однажды пришел к Ивану Созоновичу представитель недавно созданного Союза свободной немецкой молодежи и пожаловался, что у работников ССНМ нет никаких средств передвижения. Слушая его, Колесниченко вспомнил, как в 1927 году он, будучи секретарем райкома комсомола, добирался до отдаленных сел, проделывая в день по 15—18 километров пешком. Только в базарные дни иногда удавалось воспользоваться попутной подводой.

— Ну что же, дорогой товарищ, — сказал Иван Созонович своему посетителю, — могу выделить сотню велосипедов. — Тот обрадовался, будто сто автомобилей получил.

Делегация артистов Веймарского театра, здание которого было повреждено американской бомбой, просила разрешения открыть сезон в другом помещении. А чтобы собрать средства на восстановление театра, они решили выпустить серию почтовых марок. Но, конечно, этих средств было мало. И тут не обошлось без помощи советской военной администрации: поворотный круг для сцены Колесниченко доставал у своего коллеги в земле Саксония. Театр открылся «Фаустом» Гете. Был восстановлен и дом поэта.

Запомнился Ивану Созоновичу день 4 февраля 1946 года, когда на металлургическом заводе Максхютте была задута первая домна. Этот день памятен еще и потому, что на торжественном митинге выступил один рабочий и под бурные аплодисменты собравшихся заявил, что заводские партийные организации КПГ и СДПГ приняли решение слиться в единую организацию. Новая партия рабочего класса была создана в апреле 1946 года — Социалистическая единая партия Германии.

А в 1949 году родилось первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле — Германская Демократическая Республика. И первым актом Советского правительства была передача правительству ГДР всех функций управления. 10 октября 1949 года в здании управления советской военной администрации собрались все министры земли Тюрингия, и генерал Колесниченко торжественно огласил официальный документ о передаче всех функций управления земельному правительству.

В 1950 году он уехал на родину. В доме на Карл-Александр аллее, где жил «герр генерал», теперь общекитие студентов-строителей из африканских стран. Они учатся в социалистической Германии. Чтобы эта страна появилась на карте, и нес свою службу в Тюрингии гвардии генерал-майор Иван Колесниченко.

СПАСЕННЫЙ

Словакия, ноябрь 1944 года. Советские партизанские командиры А. Н. Асмолов (с п р а в а) и И. И. Скрипка.

**9 МАЯ НАРОДЫ
ЧЕХОСЛОВАКИИ
ОТМЕЧАЮТ СВОЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРАЗДНИК
ОСВОБОЖДЕНИЕ
СТРАНЫ
ОТ ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ**

НА ПАРТИЗАНСКИХ ТРОПАХ СЛОВАКИИ

Четыре ордена ЧССР имеет Иван Иванович Скрипка. Самый высокий из них — орден Белого льва ему вручил в Пражском граде Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Густав Гусак в год тридцатилетия победы над фашизмом.

Это была не первая встреча. Впервые Иван Иванович и товарищ Гусак встретились в сентябре сорок четвертого, в Банска-Быстрице.

— Вот в этом здании, здесь тогда находился штаб повстанческой армии. Иван Иванович показывает мне пожелтевшую от времени открытку. Я послал ее своему трехлетнему сыну, которого еще ни разу не видел.

21 июня 1941 года политрук Скрипка вернулся из театра. Он служил на самой границе, в Рава-Русской. Ночью его разбудил дежурный — боевая тревога! Началась война. Не раз выходил из окружения. Прошел горькими дорогами отступления до Сталинграда. Потом по заданию командования был заброшен в тыл врага, к партизанам.

В сентябре 1944-го майор Скрипка получил новое назначение.

...Ночью 6 сентября с полевого аэродрома под Перемышлем, где базировались словацкие летчики, перелетевшие на нашу сторону, поднялся в воздух старенький «фокке-вульф». В густой облачности он пересек линию фронта, которая угадывалась по разрывам снарядов. Два «мессершмитта» издали приветственно покачали ему крыльями. Если бы они летели поближе, то смогли бы разглядеть, что люди в кабине «фоккера» были в советской и словацкой военной форме. Вели самолет словаки — пилот Юрай Сливка и штурман Йозеф Мейо. На борту находились два советских офицера. У одного из них в полевой сумке лежал мандат, подписанный маршалом Коневым. В бумаге значилось, что майор И. И. Скрипка направляется представителем штаба 1-го Украинского фронта для координации советской помощи Словацкому восстанию.

Оно разрасталось необычайно быстро. По просьбе Клемента Готвальда в Словакию были забро-

шены партизанские группы, подготовленные в Советском Союзе. И началу сентября только с воздуха высадились десять таких групп во главе с опытными партизанскими командирами. Словацкий народ с восторгом встречал советских партизан. И ним присоединились местные жители, солдаты словацкой армии. В ночь на 30 августа повстанцы заняли Банска-Быстрицу. Власть перешла к Словацкому национальному совету, куда входили руководители коммунистической партии Н. Шмидне, Г. Гусак, Л. Новомеский. Было создано командование 1-й повстанческой чехословацкой армии.

«Фокке-вульф» приземлился на партизанский аэродром «Три дуба». Первыми, кого увидел Иван Иванович Скрипка, были партизанские командиры Алексей Егоров и Евгений Волянский, с которыми он воевал вместе в тылу врага зимой 1942/43 года.

— Тогда они знали меня под другой фамилией — Студенский, — рассказывает Иван Иванович. — Чтоб не получилось недоразумения, порвал я мандат на имя Скрипки и стал опять Студенским.

Под этой фамилией его знали и чехословацкие друзья. Она стоит и в наградном листе, который ему вручили вместе с Орденом Словацкого национального восстания в Банска-Быстрице 29 августа 1945 года, когда отмечалась первая годовщина этого исторического события.

Иван Иванович Скрипка помогал командованию повстанческой армии разрабатывать боевые операции, готовил инструкции партизанским отрядам. И все время поддерживал связь с Коневым, который очень внимательно следил за событиями в Словакии. Чтобы помочь повстанцам, Советская Армия начала мощное наступление.

Гитлеровцы бросили на подавление восстания крупные силы. Началась оккупация Словакии. Повстанцы уходили в горы.

— Это были трудные дни, — вспоминает Иван Иванович. — В горах выпало очень много снега,

ударил морозы, начались метели. Мы шли в сплошной снежной мгле. Спину впереди идущего не видно было. Целая дивизия фашистов преследовала нас, вооруженных лишь легким оружием, плохо одетых, измученных трудными переходами. Люди замерзали.

Там, на горе Хабенец, погиб Ян Шверма, герой Словацкого национального восстания, видный деятель Коммунистической партии Чехословакии. Памятник ему стоит в Ломнистой долине, где после тяжелого перехода расположился партизанский штаб.

— Борьба продолжалась. Партизаны взрывали мосты, дороги, военные склады. Руководил действиями штаб, который помещался вот в этом доме лесника. Иван Иванович показывает на фотографии домик. — Мы знали, что каждый день приближает нас к победе. Наступил сорок пятый год. От Готвальда и Украинского штаба партизанского движения был получен приказ нашему штабу соединиться с частями Советской Армии. Девятнадцатого февраля мы перешли линию фронта под Брезно.

Потом были освобождение

Польши и штурм Берлина. А 9 мая застало его в Праге, куда он вошел вместе с танковой армией Рыбалко.

В сентябре 1945 года в Праге генерал Свобода вручил ему чехословацкий военный крест.

После войны И. И. Скрипка много раз был гостем своих боевых друзей.

25-ю, 30-ю, 35-ю годовщины Словацкого восстания И. И. Скрипка отмечал в столице повстанцев Банска-Быстрице. Здесь, в Музее Словацкого восстания, висит его кожанка, та самая, которую носил в далеком сорок четвертом начальник партизанского штаба.

А возле аэродрома «Три дуба», где советский майор первый раз ступил на землю братской Словакии, 29 августа 1969 года Людвик Свобода вручил ему чехословацкий орден Красной Звезды.

СЕНТЯБРЬ, СТАВШИЙ МАЕМ

Этот снимок из архива кавалера болгарских орденов «9 сентября» и «Народна свобода» Владимира Александровича Чернова.

Фотография сделана 8 сентября 1944 года в городе Кюстендил, у ворот тюрьмы. Там встречали болгары вышедших на свободу узников фашизма. Человек, которого несут на руках, — Владимир Чернов. Советский радист вместе с болгарскими товарищами был заброшен в Болгарию, чтобы в глубоком тылу гитлеровцев развернуть диверсионную работу. Полгода охотилась за ними полиция. Часть группы погибла, а оставшихся в живых прятали в селах крестьяне. Из деревни в деревню, из дома в дом переводили болгарские патриоты советского радиста. 18 марта 1942 года полиция окружила и подожгла дом, где скрывался Чернов. Его схватили.

Фашистский военно-полевой суд вынес ему смертный приговор, который не привели в исполнение из-за молодости «преступника» — Владимиру было 19 лет, а по болгарским законам людей, не достигших 21 года, нельзя было приговаривать к смертной казни. Ее заменили тюремным заключением на пятнадцать лет. Но оно кончилось значительно раньше — в сентябре сорок четвертого, когда в Болгарию вступила Советская Армия и в стране установилась народная власть. Сейчас кандидат технических наук Владимир Александрович Чернов работает в институте горного дела имени Сночинского.

«ЛЕТАЮЩИЙ КОМИССАР»

Орден «Виртути милитари», «Серебряный крест», медаль «За Варшаву», медаль «Одер, Ниса, Балтика» — этих наград Польской Народной Республики удостоен Винтор Иванович Васюн.

В годы войны он был заместителем командира 2-го авиаполка ночных бомбардировщиков «Кракков», входившего в состав Войска

Польского и участвовавшего в освобождении Варшавы, Берлина и других городов. Полк этот начал формироваться в 1943 году под

Кончилась война. Командир полка ночных бомбардировщиков «Краков» майор Воробьев провожает на родину польского солдата. Третий слева «летающий комиссар» В. И. Васюк. Крайняя справа — Марыся.

Рязанью. А когда бои шли уже на польской земле, перебазировался на аэродром в Воля-Равскую, это напротив Сандомирского плацдарма, в 12 километрах от Вислы. Днем и ночью в полку шла боевая учеба польских летчиков, которые горели желанием поскорее принять участие в боях. В числе их боевых наставников был В. И. Васюк, по профессии учитель физики, по призванию — авиатор (до войны окончил в Омске педагогический институт и получил в аэроклубе удостоверение летчика-инструктора).

— Помню свой первый вылет с польским штурманом, — рассказывает Виктор Иванович. — На подходе к Варшаве нас встретила сплошная стена зенитного огня. «Собьют нас, пан капитан», — слышу в наушниках голос штурмана. «Не бойся, — говорю, — прорвемся».

И они прорвались. Так было не раз. Более ста вылетов совершил Васюк. Чтобы пробиться через огонь зениток, он придумал «звездный налет»: сначала вылетал один самолет, над целью он давал ракету, и с разных сторон к цели устремлялось одновременно несколько боевых машин.

Во время Варшавского восстания полк «Краков» перебрасывал повстанцам оружие, боеприпасы, продовольствие. Советские и польские летчики сбросили 156 минометов, 500 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41 тысячу гранат, 3 миллиона патронов, 113 тонн продовольствия, 500 килограммов медикаментов.

Случалось, Виктор Иванович Васюк вылетал по шесть раз за ночь. Пройдет 37 лет, он придет в Варшаву в гости к ветеранам войны и будет рассказывать о тех ночах. И в зале поднимется женщина и скажет: «Я Данута Чалкова, участница Варшавского восстания. Эти грузы попали к нам. Они помогли нам выжить». Но все это будет позже, значительно позже.

Польские и советские летчики вместе сражались в варшавском небе. Больше всего боевых вылетов было на счету Юзефа Яцевиша. С ним Виктор Иванович встретился в 1965 году, когда отдыхал в Румынии. Им было что вспомнить, боевым побратимам.

Однажды Васюк возвращался с боевого задания. Зенитным огнем было повреждено шасси его машины. Это обнаружилось, когда он приземлился на промежуточном аэродроме и самолет неожиданно развернуло. Взлететь он не мог. Дело было ночью, а до рассвета нужно обязательно вернуться с этого аэродрома на основную.

— Я был так измотан, что едва вошел в землянку, повалился и заснул, — рассказывает Васюк. — Когда встал, оказалось — польские механики починили шасси...

В сорок четвертом Васюк видел польскую столицу только с воздуха, да и то ночью, всю в заревах пожаров и взрывов. Первый раз Виктор Иванович прошел

по ее улицам в 1977 году. С делегацией Советского комитета ветеранов войны он приехал на празднование 60-летия Октября и встретился со многими однополчанами.

Он сидел в гостях у одного из них, когда раздался телефонный звонок.

— Пан капитан, это я, Марыся! Очень хочу вас видеть. Как я рада, что вас нашла. Никуда не уходите, сейчас приеду.

Это была Марыся Шиманская. Теперь у нее стала другая фамилия, она вышла замуж за одного из летчиков польской дивизии. А тогда...

В Гостомеле, под Киевом, в расположении полка «Краков» пришла девушка-полька. Она жила на Украине. Фашисты убили ее отца и мать, а ее ранили в ногу. «Хочу у вас служить, возьмите меня к себе». Ей дали форму солдата Войска Польского, и она стала секретарем в штабе полка.

Теперь у Марыси уже взрослые дочери. Они знают пана капитана по фотографии: «Нам ее часто показывала мамуся, говорила: «Очень храбрый и добрый человек. Старайтесь быть на него похожими».

В тот приезд в Польшу у Васюка было много волнующих встреч. Командующий ВВС прислал специальный самолет, который доставил советских гостей — ветеранов полка «Краков» Н. М. Китаева и В. И. Васюка в расположение их родного полка. Весь личный состав торжественно построился, и командир представил гостей. Им показали хозяйство полка. И, конечно, ветеранов окружили молодые летчики. Один из них спросил Виктора Ивановича, за что он, заместитель командира по политчасти, получил боевой польский орден. Когда Васюк назвал число боевых вылетов, которые совершил он лично, молодой офицер снял со своего кителя знак летчика 1-го класса и протянул его ветерану.

— Тебе же попадет за это, — сказал ему «летающий комиссар».

— Ничего, вам приходилось труднее.

А потом гостей приветствовал секретарь комсомольской организации части.

— В полку «Краков» сегодня исторический день, — сказал он. — К нам приехали ветераны, которые создали славу нашей части. — И вручил советским летчикам билеты Союза социалистической молодежи Польши.

Так ветеран стал почетным комсомольцем той части, в которой сражался до самой победы.

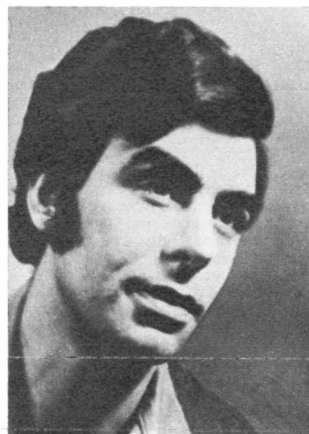
Победу Виктор Иванович Васюк встретил в Германии. Он оставил свой автограф на рейхстаге, и сам маршал Жуков вручил ему орден Красного Знамени.

ПЕСНИ

Айман Абу-Шаар, видный представитель прогрессивной арабской поэзии, родился в Сирии в 1948 году. Рано столкнувшись с суровой реальностью капиталистического мира, он с юных лет приобщился к труду и борьбе. Шестнадцати лет вступает в Коммунистическую партию Сирии. Неоднократно подвергается арестам, томится в тюрьмах. Реакция пытается уничтожить поэта-пропагандиста, в 1975 году во время публичного выступления на него совершается покушение.

В странах Арабского Востока он пользуется заслуженной любовью как поэт и исполнитель своих песен, песен борьбы и веры в счастье человека. Его перу принадлежит почти десяток поэтических сборников, несколько пьес, переводы из советской поэзии. Его стихи переводились в Венгрии, Болгарии, Чехословакии и других странах.

Айман Абу-Шаар — глубоко национальный поэт, но он всегда остается интернационалистом, о чем бы ни писал. А пишет он о борьбе угнетенных, о страданиях палестинцев, лишенных родины, о мужестве защищающих свою отчизну вьетнамцев... Пишет он об Иране, о Чили, об Анджеле Дэвис, о Гаване, о Назыме Хикмете, и язык его «политического плаката» эмоционален и красочен.

Айман АБУ-ШААР

и в ритмах его кружится
страх потаенный
вокруг огня...

Анджела...
Над морем парящая птица,
белая чайка,
среди бела дня
рисующая боевой девиз
на волне, летящей
то вверх, то вниз...

Анджела...
Дракон огнедышащий
совести чистой,
крылья свои распростерший
неистово
над кораблями 7-го флота,
берущими в клещи кого-то...

Анджела...
Бутылкою красных чернил
опрокинулась ты
на документы Белого дома,
на сургучи клеветы,
на печати погрома!

Анджела...
В сумрачном зале
собак бешеных свора.
Но правду не запереть на ключ,
не убить молотом приговора!
Голос твой —
ослепительный луч,
блеснувший во мраке,
истины факел!

...Ослепительный свет
наполнил
надеждой и верой
зал,
и каждый в зале
затрепетал,
даже ночь в испуге
закрывает глаза свои,
и приговор,
липкий от страха,
спрятался в рот судьи...

Анджела пела.
Да, просто пела!
Фотовспышка истории
выхватила из темноты
алмазный лик красоты,
выявив истинное и вздорное,
никому уступок не делая,
и оказалось:
все судьи — черные,
и только Анджела — белая!
Белоснежная чайка смелая!

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ

Чем гуще растет
виселиц лес,
тем больше цветов
для тех, кто исчез...
Мы роим траншеи
под грохот пальбы —
как флаги,
над бруствером
светятся лбы...
Чем больше заводов —
силы упругой
больше у тех,
кто пылок и молод,
тем крепче сжимают
в объятьях друг друга
крестьянина серп
и рабочего молот!

ЧЕРНЫЙ АЛМАЗ

Посвящается
Анджеле Дэвис

Анджела...
Анджела...
Бьет барабан,

БОРЬБЫ И НАДЕЖДЫ

СТАТУА СВОБОДЫ

Немало в Америке
всяких чудес,
там разные говоры,
разные стили...
Говорят, что в Америке
памятник есть,
который «шагающим»
все окрестили...

Когда над страной
опускается ночь,
огромная статуя
вдруг оживает
и будто,
чтоб всем угнетенным
помочь,
сойдя с пьедестала,
в путь отбывает...

Обходит трущобы
и гетто она,
стучится в бараки
песней мятежной
и в Чили видна,
в Палестине слышна,
во взорах борцов
пламенеет надеждой.

Как призрак ночной,
на виду сторожей
она проникает
во все казематы —
и цепи невольничьи
рвутся уже,
в Родезии черной
оковы разъяты!

То вдруг превращается
в тайну чернил —
и зреют в подполье
стихи, словно гроздь,
и, гневом наполняясь,
взлетает, стокрил,
чарующий гимн
революции грозной!

И слов,
гуманизмом рожденных,
поток —
«Свобода!» —
лучами струится...
Но лишь засветлеет
под утро восток,
и статуя вновь
к пьедесталу стремится.

А ею все полнятся
теплые сны
и песни печальные
в детских приютах,
ее ожидают,
как чудо весны,
как листья в окошке,
на кованых прутьях...

Америка, слыша
шагов ее звук,
глядит исподлобья
и злобы не прячет,
но если случится,
что хохот вокруг,
— скорбящая статуя
горестно плачет...

МОНОЛОГ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

Тук-тук...
тук-тук...
Постылый звук!

Чужие пальцы —
как дубинка,
и сер и скучен
мир вокруг,
и я в нем —
жалкая машинка.
Моим страданиям нет конца,
девичьим мукам
нет предела —
так нагло
руки подлеца
мое
обшаривают
тело!

Вся грудь моя обнажена —
сосут слова,
что станут вестью...
Вся грудь моя обожжена
и ненавистью к ним
и мстью...

У власть имущих я —
раба,
стучу:
то цифры без боязни,
то объявленья (о судьба!),
то приговор
о смертной казни!
Я их по пальцам узнаю,
характер,
почерк различаю —
кто нежность не щадит мою,
кто бьет,
меня не замечая,
кто горд
и кто самовлюблен,
а кто
(ему в ту пору спать бы!)
юлит и шепчет:
любит он,
но только чтобы все...
без свадьбы...

Я презираю их любовь
и всю их пишущую стаю!
Я ценность
буквочки
любой
в зависимость от слова
ставлю.
Вот буква «в»:
смела, дерзка,
устремлена к заре багряной!
Пусть пули свищут
у виска,
зияет солнце
раной рваной...
Какая мощь,
какая стать
и стойкость перед силой
злю!
Воспрянуть,
встать,
восстать...

«Восстать!» —
несется грозно
над землею.

Я буквой «в» покорена,
жить без нее душа не может,
но любит
не меня
она,
ей буква «л»
других дороже!
То следует за ней,
как тень,
то, к ней прижавшись,
смотрит в очи,
без буквы «л» («любовь»)
и день
для «в» чернее
черной ночи.

Но буква «к» («казарма», «казнь»)
влюбленных,
выследив,
схватила,
их имена
втоптала в грязь,
решеткой их разъединила.

Любовь Восстанием жива...
Восстание Любовью живо...
Любовь — Восстанию жена...
И рану Сердце
обнажило!
Рыдала горько буква «с» —
«стенанья»,
«слезы»,
«скрежет» улиц,
но со штыком наперевес
«р» («революция»)
взметнулось!
О, если б все любить могли,
как я,
под синью небосвода,
то стало б лозунгом Земли —
«Любовь,
Восстание,
Свобода!»

Увы!
Пока едва-едва
сквозь трусость
вдаль идти рискую.
Я безутешна, как вдова,
по узнику,
по «в» тоскую...
Тук-тук...
тук-тук...
Постылый звук!
Но миг настанет
долгожданный,
придут тепло
и свет,
и вдруг —
во мне под сердцем
трепет странный...
Я стану матерью...
Я жду!
Рука борца коснулась твердо,
и зреет
подлым на беду
во мне зародыш буквы
гордой!

Приливом чувств
полна душа,
я пью вино победы милой,
я жду Зарю,
едва дыша,
в Надежду верю
с новой силой!
Тук-тук...
тук-тук...
Победный стук!
Тук-тук...
Крестьянин и рабочий...
Тук-тук...
тук-тук...
Над лесом рук
«Р» —
«Революция» —
рокошет!

КРЕПЧЕ ОБЪЯТИЙ

И вот
я увидел тебя
на пути...
Мечта моих глаз —
эта встреча!
Случайная встреча,
чтоб снова уйти,

чтоб, может,
расстаться навечно...

Стояли,
и не было близких
родней,
а встреча —
минутная малость,
рука твоя
тихо дрожала
в моей,
как зыбкий туман,
растворялась...

И щеки горели твои,
каж зоря:
как будто
из дальнего края
вернулись мечты мои,
нежно паря,
и к ним прикоснулись,
пылая...

О смерч ураганный
смятенной души,
едва тебя грудь
удержала!
Лишь «Ах!...»
еле слышно
слетело в тиши,
лишь тело
неслышно дрожало...

Молчанье —
как зеркало
огненных слов,
что нас захлестнуло
лавиной,
скрывало
страстей заглушаемый зов
под этою паузой
длинной...
Я тут же ушел...
Но поймет ли она,
что завтра
мы встретимся снова?
На нежных губах ее
цвета вина
застыло
прощальное слово.

«Как быстро ушел ты!
Куда? И к кому? —
ей сердце
вопросы терзали. —
Ушел и не обнял меня,
почему?
Друг другу
двух слов
не сказали!...»

Любимая,
не упрекай, не казнись!
Никто на земле
так не сможет
любить тебя крепко,
сильнее, чем жизнь —
лишь ты всех на свете
дороже!
И все же
есть что-то,
что сердце мне жжет —
ты завтра
узнаешь об этом!
Товарищи ждут,
революция ждет —
ты завтра
узнаешь об этом!

Перевел с арабского
Анатолий МАМОНОВ.

Бой за деревню. 1941 год.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Представленные здесь фотографии Дм. Бальтерманца можно объединить и объяснить модным иноязычным словом «ретро». Это как бы остановка в пути и попытка разом окинуть взглядом пройденное. Пройденное не только самим фотомастером, но в известной степени и страной. Само имя Дм. Бальтерманца заставляет с пристрастием всматриваться в каждую его очередную фотоработу еще и потому, что имя это известно нашим читателям очень давно, и потому, что Дм. Бальтерманц занимает заметное место в советском фотоискусстве. Помнится, что канун своего шестидесятилетия Дмитрий Николаевич провел в длительном и многотрудном пути от истоков Оби в предгорьях Алтая до заполярного Салехарда. Дорога в четыре без малого тысячи километров — это в стиле его жизни: даже красная дата для него никакой не юбилей, а дорожная веха. С тех дней минуло еще десять лет... Прошли они, как и любые другие, в дорогах, перелетах, переживаниях, естественных для художника и вообще для человека мобильного, деятельного. Жизнь фотокорреспондента — целеустремленное и постоянное передвижение в пространстве. И во времени! Так вот, по работам Дм. Бальтерманца можно воссоздать не только прекрасные мгновения жизни страны, типические образы современников, но и моменты для Родины исторические. Война, события Великой Отечественной — одна из самых впечатляющих страниц фотолетописи, создаваемой Дм. Бальтерманцем почти полвека. С годами течение времени убыстряется, а что остается берегам? «Минувшее проходит предо мною...» Остаются дела людские. Фотография — дело жизни Дмитрия Николаевича. Тем интереснее рассматривать фотографии из архива фотомастера.

Дм. Бальтерманц.

Александр Фадеев.

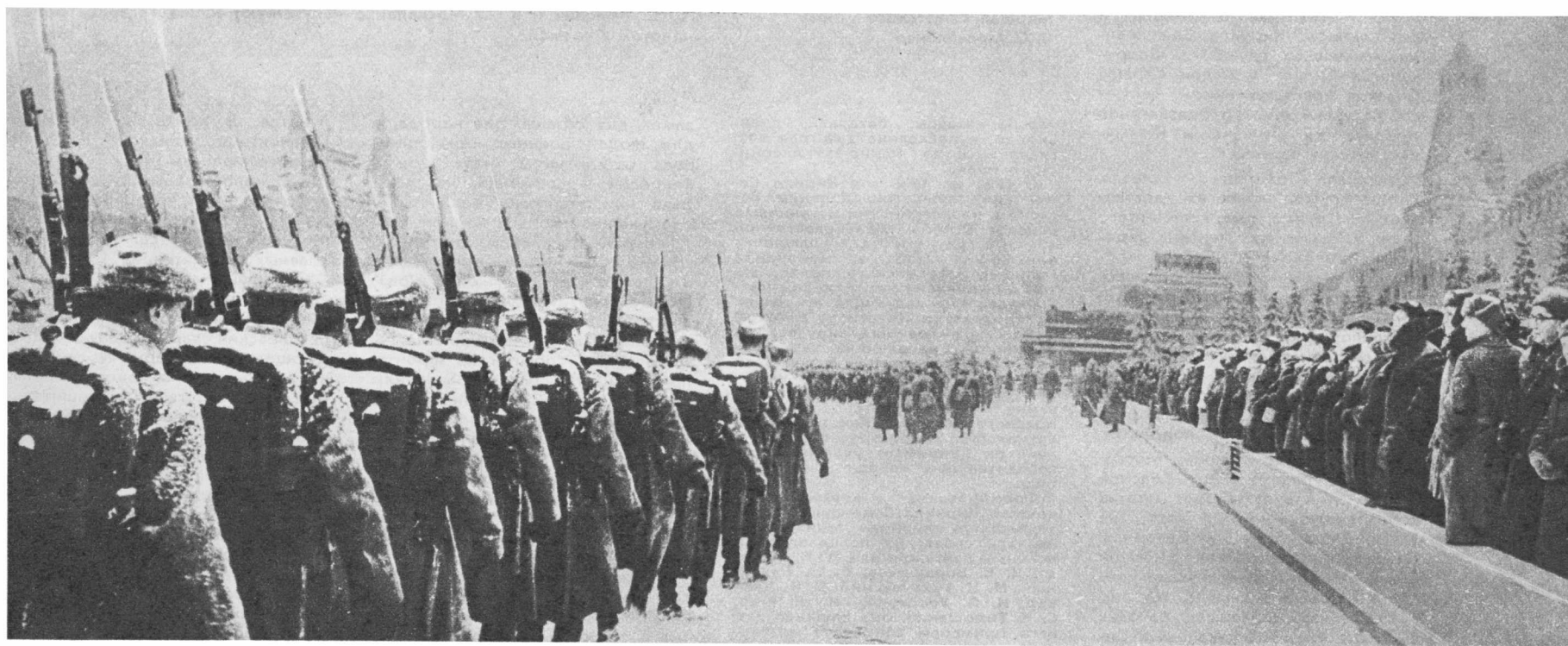

М. И. Калинин выступает перед учителями.

Юрий Гагарин и Любовь Орлова.

Парад 7 ноября 1941 года в Москве.

В гостях у Фиделя Кастро.

Чарли Чаплин с супругой.

ВСЕГДА В СТРОЮ

К 80-ЛЕТИЮ МАРШАЛА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
К. С. МОСКАЛЕНКО

В нашей стране в ходе борьбы за Советскую власть и при защите завоеваний Великого Октября выросла славная плеяда военачальников. Выходцы из рабочих и крестьян, воспитанные Коммунистической партией, они возглавили войска Красной Армии на полях гражданской и Великой Отечественной войн, были поставлены во главе Вооруженных Сил, призванных охранять мирный созидательный труд нашего народа. К их числу принадлежит дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко. Вся жизнь и деятельность Кирилла Семеновича, начавшего службу в Вооруженных Силах молодой Страны Советов красноармейцем, являют собой яркий пример беззаветной преданности Отчизне и Коммунистической партии.

Маршал Советского Союза... Ратная служба немногих удостоивает такого высокого и почетного звания. Разве мог мечтать деревенский паренек из бедной крестьянской семьи в жестоких условиях царской России и помещичьего насилия стать военачальником? Пределом его желаний было помочь матери поднять на ноги малолетних детей, рано оставшихся без отца. И только Великий Октябрь открыл широкую дорогу пятнадцатилетнему подростку.

В 1920 году комсомолец Москаленко вступает в ряды Красной Армии, участвует в боях против контрреволюционных банд на Украине, на Дону и Северном Кавказе, в составе Первой Конной армии громит врангелевские войска в Таврии и Крыму. С тех пор вся его жизнь неразрывно связана с Советскими Вооруженными Силами.

Хорошо понимая, что нельзя быть настоящим командиром, не овладев в совершенстве наукой победить, К. С. Москаленко настойчиво учится военному делу. Его направляют в Харьковскую артиллерийскую школу, потом он учится в украинской объединенной школе красных командиров, заканчивает артиллерийские курсы усовершенствования командного состава РККА и факультет усовершенствования высшего командного состава Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского. Но для военного человека учеба не заканчивается в классах училища или в академических аудиториях. Она продолжается в повседневной жизни войск, где военная теория и практика сливаются воедино. Здесь действует сурововский девиз «Тяжело в учении — легко в бою». Этого принципа Кирилл Семенович придерживался и придерживается всегда, какие бы посты ни занимал. Он постоянно совершенствует свои знания, глубоко изучает военный опыт, расширяет военно-политический кругозор, много читает по истории войн.

В довоенные годы К. С. Москаленко занимал разные командные и штабные должности. Почти одиннадцать лет он прослужил в прославленной 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии Первой Конной армии, командуя последова-

Маршал Советского Союза
К. С. Москаленко.

тельно взводом, батареей, дивизионом, а последние два года возглавлял штаб конно-артиллерийского полка.

С 1932 по 1936 год Кирилл Семенович служит на Дальнем Востоке в кавалерийских и танковых войсках Особой Дальневосточной армии, где занимает должности начальника штаба и командира конно-артиллерийского полка, затем он начальник артиллерии мехбригады. Последующая его служба проходит в Киевском, а потом в Одесском военных округах. В должности начальника артиллерии 51-й Перекопской стрелковой дивизии К. С. Москаленко участвует в советско-финляндской войне, награждается орденом Красного Знамени. Как начальник артиллерии 35-го стрелкового корпуса он принимает участие в освободительном походе в Бессарабию.

Формирование командирских качеств Кирилла Семеновича проходило под влиянием таких выдающихся советских полководцев и военных деятелей, как М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, С. К. Тимошенко. Они служили для него примером воинского мастерства, верности Родине и творческого подхода к ленинскому стилю работы в решении задач обороны Советского государства.

Великую Отечественную войну К. С. Москаленко встретил, будучи уже генерал-майором, командиром 1-й моторизованной противотанковой артиллерийской бригады РККА. К этому времени он был зрелым командиром, обогащенным опытом и военными знаниями. И не случайно его фотография помещается в первом томе «Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.» среди тех, чьи имена стали широко известными в нашей стране, кто стал славой и гордостью народа. Следует также подчеркнуть, что первые бои показали его личное мужество и героизм. В первый же месяц войны Кирилл Семенович был удостоен ордена Ленина. Награждали тогда скупой, и, возможно, это самая памятная награда боевого маршала.

Полководческий талант Кирилла Семеновича с особой силой проявился и совершенствовался в суровые годы Великой Отечественной войны. Война всегда эк-

С. П. Королев и К. С. Москаленко напутствуют Юрия Гагарина перед стартом в космос.

замен для страны, для народа, а для людей военных тем более. Ведь в конечном счете судьба операций и сражений, их выигрыш или проигрыш решаются в вооруженной борьбе на поле боя.

Генерал Москаленко был незаурядным мастером организации и ведения боев и сражений в различных условиях. Он с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны находился в гуще военных событий на фронте, причем на главных направлениях. Сперва Кирилл Семенович командует стрелковым, кавалерийскими корпусами, конно-механизированной группой, затем с марта 1942 года последовательно — 38-й, 1-й танковой, 1-й гвардейской, 40-й армиями, а с октября 1943 года и до конца войны — вновь 38-й армией.

С именем командарма К. С. Москаленко связаны многие операции Великой Отечественной войны. В военной истории зафиксировано, что руководимые им войска отличались в оборонительных боях под Владимир-Волыньским, Ровно, Киевом, Черниговом стойкостью и упорством, а в боях под Москвой, Харьковом, на Дону, в битве под Сталинградом, в Острожско-Россошанской, Воронежско-Касторненской, Белгородско-Харьковской операциях, в битве на Курской дуге и при форсировании Днепра — наступательным порывом и настойчивостью. Большая заслуга принадлежит войскам 38-й армии в освобождении Киева, Житомира, Жмеринки, Винницы, Львова, в успешном проведении Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дуклинской, Моравско-Остравской и Пражской наступательных операций, в изгнании немецко-фашистских войск с территории Польши и Чехословакии.

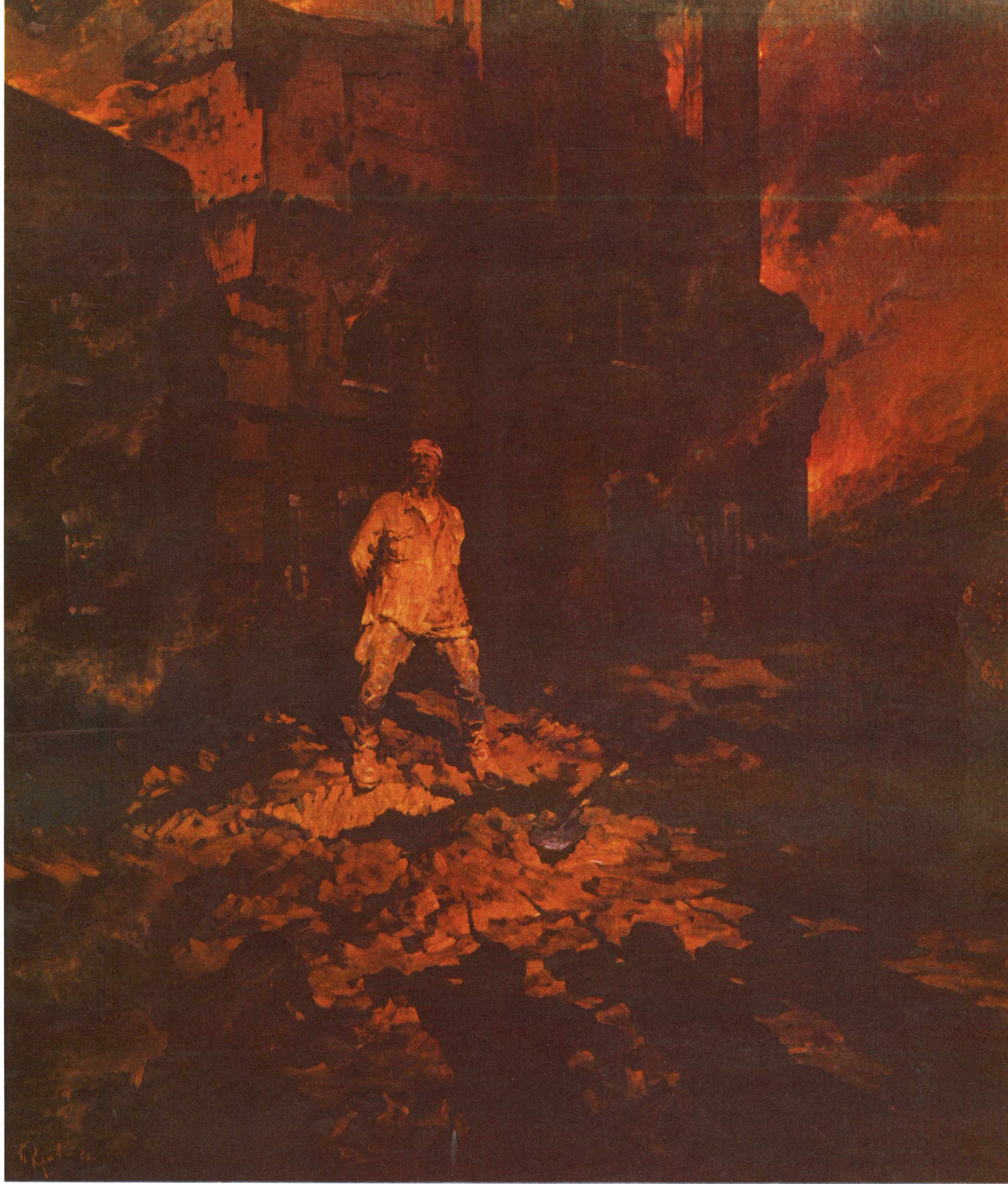
Разумеется, это лишь краткий перечень этапов боевого пути войск под командованием К. С. Москаленко. В общей же сложности 38-я армия прошла с боями по дорогам войны почти две тысячи километров, освободив более десяти тысяч населенных

пунктов. В приказах Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина восемнадцать раз объявлялась благодарность войскам К. С. Москаленко за их успешные боевые действия, и столько же раз в Москве гремели салюты в честь славных победителей.

О боевых делах 38-й армии и ее командарма написано немало. Маршал Советского Союза А. М. Василевский, характеризуя командующего 38-й армией, в своих воспоминаниях писал: «Практический опыт, знания, решительность и настойчивость, свойственные Кириллу Семеновичу, как правило, приводили к успешному выполнению заданий, ставившихся перед его войсками. Его полководческое дарование наиболее полно проявилось как раз во время командования 38-й армией, которая победоносно сражалась за освобождение Украины, Польши и Чехословакии. Вот почему не случаен дальнейший служебный путь этого командующего...»

Успешно руководить войсками — это прежде всего умело использовать все материальные и моральные ресурсы войск, которыми располагает командарм. Успех, как правило, достигается тогда, когда командующий обладает способностью глубоко анализировать сложную, быстро меняющуюся обстановку, делать правильные выводы, оперативно принимать обоснованные решения, твердо проводить их в жизнь, а в своих решениях и действиях опирается на штаб, на командующих родами войск, на Военный совет армии в целом. Командарм К. С. Москаленко этого правила придерживался постоянно.

В то время, с октября 1943 года до конца войны, членом Военного совета армии был генерал-майор А. А. Епишев, ныне генерал армии, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Будучи опытным партийным и политическим работником, он умело осуществлял руководство партийно-политической ра-

П. Кривоногов, КОМИССАР КРЕПОСТИ. 1946.

А. Лопухов. ПОБЕДА. 1973—1975.

М. Шишко. ПОБЕДНЫЙ 1943 г. 1972.

ботой в частях и соединениях армии, направленной на укрепление политико-морального состояния войск, на то, чтобы коммунисты и комсомольцы были примером в бою.

В войне не бывает схожих боев и сражений, как не бывает и легких побед. В одной из бесед я спросил маршала: какую из битв он считает для себя наиболее трудной и наиболее значительной?

— Сталинградская битва была и самой трудной и самой важной. Прошло почти сорок лет, но нам, участникам боев, никогда не забыть драматические и героические события тех дней! 22 июля 1942 года меня назначили командующим 1-й танковой армией, которая еще только формировалась. Против нас наступала 6-я армия Паулюса, к тому же она была усилена большим количеством танков. 23 июля враг прорвал оборону 62-й армии и вышел на западный берег Дона. Фашистское командование намеревалось овладеть Сталинградом с ходу. Положение было угрожающим.

В этой обстановке представитель Ставки генерал-полковник А. М. Василевский принял решение немедленно ввести в сражение нашу, а позже и 4-ю танковую армию, чтобы сорвать замыслы врага. Когда утром 25 июля наши танкисты стали переправляться через Дон, то сразу же столкнулись с крупными силами 6-й немецкой армии. В ходе ожесточенных боев враг был отброшен и вынужден перейти к обороне. 26 июля таранным ударом танков мы снова прорвали брешь во вражеской обороне, отбросив его части к северу. Бои в последующие дни, гремевшие днем и ночью, достигли наивысшего напряжения. Двенадцать дней и ночей советские войска почти непрерывно атаковали врага в большой излучине Дона. Прорваться с ходу к Сталинграду гитлеровцы не смогли. У Калача их остановили, и планы гитлеровцев на летнюю кампанию 1942 года были сорваны. 7 августа южнее Сталинграда был образован Юго-Восточный фронт. Я принял командование 1-й гвардейской армией, прибывшей из резерва Ставки. Наши гвардейцы задержали продвижение врага, но ему удалось прорваться к Волге на другом участке, севернее города. Казалось, Сталинград вот-вот падет... И вот тогда по указанию Ставки 1-я гвардейская армия вместе с войсками других армий в междуречье Волги и Дона нанесла по врагу ряд сильных ударов, пытаясь соединиться со сталинградцами. И хотя сделать это не удалось, враг вынужден был ослабить нажим на город, перебросив крупные силы из-под Сталинграда для отражения наших ударов.

Ну, а после победоносного завершения Сталинградской битвы наш путь лежал на запад. Разгром врага под Острогом и Касторной, освобождение Белгорода и Харькова, Курская битва, битва за Днепр, освобождение Киева, Правобережной Украины, Львова — и так до Праги! Я всегда с гордостью вспоминаю, что боевой путь нашей 38-й армии от Киева и до Праги проходил рядом с боевым путем 18-й армии, начальником полководца которой был Л. И. Брежнев, в конце войны назначенный начальником политического управления 4-го Украинского фронта. Вместе мы участвовали и в Параде Победы.

Когда закончилась война, генерал-полковнику К. С. Москаленко исполнилось сорок три года. В расцвете сил, обогащенный большим военным опытом, он в течение трех лет командует армией, затем назначается командующим Московским округом ПВО, а в 1953 году становится командующим войсками Московского военного округа. Через два года Кирилл Семенович удостоивается звания Маршала Советского Союза. В начале шестидесятых годов, являясь главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения и заместителем министра обороны СССР, К. С. Моска-

ленко много сил и энергии отдает организации этого нового вида Вооруженных Сил. В 1962 году партия и правительство назначают его на пост заместителя министра обороны СССР — Главного инспектора Министерства обороны, на котором он плодотворно работает до настоящего времени.

К. С. Москаленко является членом Коммунистической партии Советского Союза с 1926 года. Начиная с XX съезда КПСС он избирается членом ЦК КПСС, является депутатом Верховного Совета СССР всех последующих созывов. Сохраняя поразительную работоспособность, К. С. Москаленко с огромной ответственностью относится к выполнению своих военных, партийных и государственных обязанностей.

Есть у маршала К. С. Москаленко еще одна обязанность — передача богатейшего военного опыта борьбы и побед в Великой Отечественной войне молодому поколению защитников Родины. Обобщением опыта войны он занимается давно и плодотворно. В созданном им двухтомном труде «На юго-западном направлении» воспоминания командарма сочетаются с глубоким раскрытием военных событий на этом важном стратегическом направлении советско-германского фронта. Конкретность описания событий, показ боевой деятельности частей, соединений, рядовых солдат, командиров и политработников, богатое использование документального материала — все это придает мемуарам К. С. Москаленко характер объективного исследования, получившего широкую популярность у читателей.

Автору этих строк не раз приходилось встречаться с маршалом К. С. Москаленко, слушать его выступления, беседовать с ним. Приходилось обращаться к нему за советами и с предложениями. Он активно поддержал идею писателей и историков о создании в нашей стране историко-художественного фильма по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», о восстановлении в Москве панорамы Ф. Рубо «Бородинская битва».

Восемьдесят лет жизни. Шестьдесят два года в строю. Пятьдесят шесть лет в рядах Коммунистической партии. Таковы знаменательные вехи жизни и деятельности Кирилла Семеновича Москаленко — Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, Героя Чехословацкой Социалистической Республики, награжденного шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, пятью полководческими орденами, в том числе двумя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени и орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, многими медалями, а также иностранными орденами и Почетным оружием. Примите наши, Кирилл Семенович, сердечные поздравления и наилучшие пожелания доброго здоровья, больших успехов в плодотворной деятельности на благо процветания Советской Родины и укрепления ее оборонного могущества.

П. ЖИЛИН,
член-корреспондент АН СССР,
генерал-лейтенант

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ВОПРОС НЕ РЕШЕН

Экономическим репортажем «Нужна ли сувенирная кастрюля?» («Огонек» № 7, 1982 год) журнал исследовал странную, но, увы, реальную ситуацию: некоторые предприятия, прекращая производство тех или иных нужных в хозяйстве изделий, начинают их выпускать... как сувениры. Чуть изменив, «украсив», добавив детали второстепенные детали. При этом поднимается цена такого товара и в обратной пропорции уменьшается количество сделанных вещей и вещей.

Читатели не только отозвались на публикацию, но и всячески поддержали позицию журнала. Бригадир формовщиков из Первоуральска А. С. Пестов «зашел в один магазин, во второй, третий и ажнул. Дерево, редкие и драгоценные металлы, фарфор, яшма, эмаль... Тульских самоваров в продаже нет, зато стоят пугающие самовары-сувениры...» Не пользуются спросом и «безнадобные сувенирные братья скалок, бочонков, корзиночек и штофов из отличного металла, дерева, стекла». Подобные примеры приводит В. С. Кулаков из Саратовской области, ленинградец П. А. Стибель, свердловчанка Е. А. Власова, Е. Х. Красникова из Липецка, А. Д. Петровский из Таллина. Читатели не сомневаются: сувенир не может и не должен подменять и заменять товар назначения утилитарного, хозяйственного. И если то или иное предприятие берется за выпуск сувениров, надо не позволять ему при этом прекращать или уменьшать производство товаров бытового назначения.

Казалось бы, ясно. Непонятна и неизвестна лишь позиция тех министерств и ведомств, предприятия которых весьма ретивы, когда дело касается сувениров, но очень скромны и застенчивы, когда речь заходит о всякой мелочи, которая постепенно переключается в разряд сувениров. Громко-

то, заместитель министра повел разговор на иную тему: «Изделия сувенирного назначения, поступающие в продажу, утверждаются художественными советами промышленных министерств, а также республиканских, краевых, областных, городских и районных Советов народных депутатов, в которые входят художники, искусствоведы, работники торговли и промышленности, а также плановых органов и ценообразования». И так далее — о сувенирах, а не о том, как сувенир — утвержденный ли авторитетным советом, или не рассмотренный им, не это суть нашего разговора — вытесняет с прилавка нужные, хорошие хозяйственные товары. Тов. Давыдов сообщает об уже проведенных и предстоящих просмотрах сувениров, о «светильниках декоративных, столовых наборах в сувенирном оформлении».

Не могу сказать, не знаю, — то ли не успел тов. Давыдов прочесть статью, то ли доверился специалисту, готовившему письмо (на обороте его указано: «Исп. Федоров В. А.»), но факт остается фактом — на поставленные публикации вопросы, по сути, ответа нет.

При безразличии, которое продемонстрировало торговое ведомство, позиция промышленности упрощается — с нее, с промышленности, толком даже не спрашивают. Вот и появляется — как увидим, со ссылкой на торговлю — на свет еще одна отписка, приложенная в редакцию заместителем начальника производственно-технологического управления мебельной промышленности Минлесбумпрома И. Г. Снетковым; он пишет так: «Автор экономического репортажа справедливо критикует практику присвоения статуса сувени-

НУЖНА ЛИ СУВЕНИРНАЯ КАСТРЮЛЯ?

говоритель, обычный радиовещательный динамик стали редкостью — вот бы их выпуском и заняться. Но в Рязани прикинули и решили так: сделаем, но... в сувенирном исполнении. Получилось большое и говорящее радиопанно с картинками. Чтобы «привязать» изделие к Рязани, на одном из динамиков решили воспроизвести сюжет на есенинские темы. Вся эта операция покупателю обойдется втридорога, а завод сможет сделать динамик меньше, получив при этом запланированную прибыль.

Как к этому отнеслась торговля? Похоже, согласилась принимать такой товар. А от позиции торговли многое зависит. Поэтому с таким вниманием мы знакомимся с письмом заместителя министра торговли СССР И. Л. Давыдова. К сожалению, начатый журнал разговор тов. Давыдов не поддержал: он почти ничего не пишет на тему, которая была поднята журналом в публикации «Нужна ли сувенирная кастрюля?». Сказав, что «факты и критические замечания в отдельных случаях действительно имеют мес-

тов повседневным товарам, в том числе некоторым разделочным доскам. Министерство выпускает разделочные доски, в том числе в сувенирном исполнении, в объемах согласно заявок торгующих организаций. По имеющимся сведениям, спрос на разделочные доски в сувенирном исполнении также не удовлетворяется. Сувенирные разделочные доски в основном изготавливаются с условием их практического применения, т. е. обратная сторона предназначена для разделки продуктов. Министерство принимает меры, исключающие появление в торговле псевдосувениров».

Какие же это меры? Но об этом товарищ Снетков не сообщает. Как и не отвечает на вопросы, поставленные в репортаже «Нужна ли сувенирная кастрюля?». Удобная позиция. Но поддержат ли ее наши читатели?..

К. БАРЫКИН

Редакция вынуждена снова повторить обращение к Министерству торговли СССР, к другим промышленным министерствам и ведомствам, предприятия которых усердствуют в выпуске псевдосувениров: ваше мнение по проблемам, затронутым в экономическом репортаже «Нужна ли сувенирная кастрюля?»!

ГЛАВА VII

ГОСТИ ШАЛЬНЕВА

По пути в райотдел милиции Басков испытывал чувство какого-то неопределенного недовольства собою. Словно начал работу и бросил ее, не завершив.

Старший лейтенант Шустов, встретив его у себя в кабинетике, предложил пойти перекусить.

— Подожди. Давай покурим, — отказался Басков.

— Не так чего-нибудь? — спросил Шустов. Басков закурил, походил вдоль стола и сказал:

— Ты быстрее меня сообразил про костюмчики. С разного плеча, верно?

— Абсолютно.

— Зыков намекнул — мол, Шальнев в прежние годы мог иную комплектацию иметь. А два костюма совсем новые. Финского производства. А давно ли у нас финские костюмы появились?

— Ну, может, лет десять...

— Но эти-то явно не десять лет в шкафу висят.

— Точно. Фасон модный.

Басков спросил:

— У тебя магнитофон есть?

— Найдется.

— Одолжи, пожалуйста. И кассет штуки три.

Шустов достал из сейфа портативный магнитофон и кассеты.

— Не дают мне покоя костюмы эти, — сказал Басков. — Пойду к Зыкову, пока он не остыл... А ты, будь другом, узнай, работал Зыков двадцатого июля и в какую смену...

Зыков вроде бы и не удивился такому скорому возвращению Баскова, однако вид у него был настороженный.

Басков поставил магнитофон на стол, сел в пододвинутое Зыковым кресло и сказал озабоченно, как бы приглашая хозяина разделить эту озабоченность:

— Не пойму я одну штуку, Константин Васильевич.

— А чего? — с готовностью отозвался Зыков.

— Не сосед ваш носил эти костюмчики, которые новенькие.

Зыков промолчал.

— Давайте начистоту, Константин Васильевич: были гости у соседа?

— Были, — вздохнув, ответил Зыков.

— Это их костюмы?

Зыков кивнул головой.

— В них и приехали.

— Почему сразу не сказали?

— Да ведь оно знаете как — путаться кому охота?

— Почему путаться? Во что? Или подозрительные гости были?

— Зачем! — возразил Зыков. — Полярники они.

Это было сказано горячо, но Басков уловил фальшь в тоне Зыкова и почувствовал недоверие к нему, даже некое подозрение шевельнулось у него. Но на каком основании можно подозревать Зыкова в чем-то противозаконном? Нет таких оснований. Одна интуиция, нечто из области парапсихологии, а парапсихологию Басков, хоть убейся, за науку не признавал, не боясь заслужить репутацию отсталого и даже темного человека у тех, кто тотчас захлебывается от восторга перед всякими новомодными идеями, едва они являются на свет. Правда, Зыков соврал, когда ему показывали костюмы, но этого еще недостаточно, чтобы зачислять его в категорию подозреваемых.

И все-таки Басков не верил Зыкову. А Зыков, видно, почувствовал это еще гораздо раньше, чем Басков задал ему прямой вопрос, уличавший его во лжи. Стало быть, не имело смысла маскировать истинное свое отношение к нему, тем более что Басков и с самого начала не очень-то старался притворяться лучшим другом Зыкова. Такова уж дана ему натура, и ничего он с собой поделать не мог: он всегда оставался вежливым и корректным даже с самыми несимпатичными ему людьми, так или иначе причастными к расследуемым преступлениям, но быть артистом, разыгрывать роль отца и благодетеля не умел и не хотел. В раскрытии преступлений Басков не придавал никакого значения личному объяснению дознавателя, целиком полагаясь на неопровержимость твердо установленных фактов...

Молчание становилось тягостным, и Басков его нарушил.

— Вы меня извините, Константин Васильевич, — сказал он, — покажите ваш паспорт. Для порядка надо.

Эта просьба возникла не по наитию — о паспорте Басков подумал, еще когда только входил в квартиру и увидел открывшего дверь Зыкова. Само слово «паспорт» как бы напрашивалось быть кодовым названием дела, если бы такие названия употреблялись в угрозыске для дел официально, а не только в рабочем обиходе среди инспекторов, прибегавших к ним для краткости: именно паспорт, обнаруженный в кармане у Шальнева, послужил тем коконом, из которого Басков тянул свою нить — путеводную, как он надеялся.

Реакция Зыкова на вполне безобидную просьбу оказалась для Баскова неожиданной. Зыков растегнул светлыми пальцами две пуговицы на рубашке, словно ему стало душно, и вдруг громко запритал:

— Господи, вот беда! Нету паспорта, пропал! Неведомо как, а пропал!

— Когда пропал? — как можно спокойнее, чтобы вселить спокойствие и в Зыкова, спросил Басков.

— Да кабы знать! — Зыков вскинул руки выше головы. — Года два, считай, не лазил в шкатулку, не нужен был... Зачем он, паспорт? В поликлинику не хожу, здоровый... По санаториям не разъезжаю...

Зыков опять начал коверкать свою речь.

— Подождите, — остановил его Басков. — Два года вы в шкатулку не заглядывали, где паспорт лежал, да?

— Точно так. А може, год.

— А когда же заглянули?

Зыков лишь секунду помедлил, соображая, а потом ответил убежденно:

— Да на той неделе. В среду... Верно — в среду.

Басков чувствовал, что он говорит правду, и задал следующий вопрос без всякой задней мысли:

— Зачем же паспорт понадобился?

Но этот вопрос, еще более нестрашный, чем просьба предъявить паспорт, оказал на Зыкова странное действие. Он перестал причитать, улыбнулся — явно деланно — и ответил с задушевностью, которая никак не подкреплялась настороженным выражением его прищуренных глаз, настолько прищуренных во все время их разговора, что Басков до сих пор не сумел еще определить, какого они цвета.

— Сиж, значит, вечером, покопаться захотелось, там у меня карточка всякие, в шкатулке-то... Да вот гляньте... — Зыков поднялся со стула, направился в угол, где стоял низкий столик, а на нем большая черная шкатулка палехской работы, блестящая лаком.

— Не надо, охотно верю, — сказал Басков, хотя он точно знал, что сейчас Зыков говорит неправду — насчет причины, по которой Зыкову захотелось покопаться в шкатулке.

— Я и в милицию заявление подал, чтобы, значит, новый паспорт выправили.

Зыков оправдывался, и Басков опять решил его успокоить, хотя, учитывая уже проявленную собеседником проникательность, это было бесполезно.

— Ну и ладно, — сказал Басков. — Червонец заплатите, и все дела.

В истории с паспортом позиция Зыкова была Баскову совершенно непонятна. С одной стороны, сосед Шальнева был встревожен вопросом о том, зачем ему понадобился паспорт, и дал явно лживый ответ, с другой — он вроде не притворялся, когда не сумел объяснить пропажу паспорта. Если тут что-то нечисто, Зыков без малейшего риска мог бы сказать, что паспорт он потерял, или придумать, как его украли.

Но были и другие варианты. Не исключено, что один из костюмов принадлежал Балакину.

Паспорт Балакина оставлен в кармане у Шальнева, а зыковский пропал. Что если Балакин без ведома хозяина заглянул в шкатулку? Документ Балакину необходим, а в чертах его лица, как заметил Басков по автоматической привычке сравнивать, проскальзывало некоторое сходство с Зыковым.

И, наконец, не выглядел абсурдным вариант, что Зыков мог уступить Балакину свой паспорт — не бесплатно, разумеется.

В том и другом случае поведение Зыкова становилось объяснимым. Но почему паспорт понадобился ему именно в прошлую среду и почему он скрывает истинную причину, оставалось непонятным. Этим и наметил заняться в первую очередь Басков.

— Вот что, Константин Васильевич, — сказал он. — Давайте-ка все по порядку. И начистоту.

— Я что? Я — пожалуйста.

Басков включил магнитофон, и Зыков начал свой долгий рассказ, из которого, как позже

Три Черепашки

обнаружил Басков, выяснилось, что Зыков обладает редкостной памятью на мелочи.

Около десяти часов вечера, 24 июня, в воскресенье, Константин Васильевич Зыков сидел у раскрытого окна в своей комнате и смотрел на улицу. Было совсем светло — не прошла еще пора белых ночей.

Собственно, ничего интересного он не видел, потому что в канун понедельника люди ложатся спать пораньше и оживления на проспекте не наблюдалось. Зыков скучал, позевывал, но спать ему не хотелось, да и ни к чему укладываться в такую рань, если завтра можно валяться сколько угодно, так как на работу ему идти в ночную смену.

Вдруг зазвонил дверной звонок. Один раз — значит, к нему: соседу звонят два раза. Зыков никого не ждал, поэтому удивился, но открывать пошел с большой охотой: все-таки развлечение. Он набросил на плечи пижамный пиджак, который надевал, только когда принимал женщин. Пиджак был точь-в-точь такой, как он видел давным-давно, лет тридцать назад, на одном солидном пассажире мягкого вагона, в котором сам Зыков, тогда работавший в ремонтной бригаде, ехал два перегона по договору с проводником в служебном купе. Этот пиджак нравился даже самой образованной из его немалочисленных знакомых — бухгалтерше Клавдии, сорокалетней вдове из соседнего дома. И таков уж у него порядок: коли повидала его баба в пижаме — быть ей любовницей.

Открыв дверь, Зыков увидел перед собой двух мужчин. Один, в темно-синем костюме, был коренастый и плотный, ростом точно с него (свои габариты Зыков знал: рост 174 сантиметра, вес от 75 до 80 килограммов, смотря по режиму, объем грудной клетки на вдохе — 120 сантиметров). Другой, в сером костюме, тоже не хилый и на полголовы выше. Первому лет пятьдесят с хвостиком, второй ему в сыновья годится.

— Добрый вечер, — вежливым баском сказал старший. — Шальнев дома?

— Дома, если спать не лег, — пошутил Зыков.

Но пришельцы шутить не были настроены. Они как будто торопились. Зыков обратил внимание, что карманы у обоих оттопырены и на груди и на брюках, а поклажи никакой нет.

— Мы к нему, — сказал старший и шагнул через порог.

Зыков протянул руку к выключателю, зажег в прихожей свет.

Молодой, войдя, аккуратно, бесшумно приотворил за собою дверь.

— Андреич! — крикнул Зыков. — К тебе гости!

— Соседей разбудишь, — сказал, как цыкнул на него, молодой.

Из комнаты появился Шальнев в потертых сатиновых черных штанах, в белой рубашке с коротким рукавом, с очками в левой руке.

Чуть подавшись вперед, он вглядывался в старшего из гостей, а тот глядел из-под густых бровей на него, и так они стояли друг перед другом долго, дольше, чем спичка горит.

— Не узнаешь, Эсбэ? — наконец спросил гость.

— Саша, — словно не веря себе, прошептал Шальнев.

И они обнялись. А молодой вроде бы облегченно усмехнулся и сказал наблюдавшему в стороне Зыкову:

— Это называется «Друзья до гроба», или «Двадцать лет спустя». Детям до шестнадцати лет смотреть не разрешается. — И ткнул Зыкова пальцем в бок как бы играючи, но довольно ощутительно.

Зыкову такое панибратское обращение пришлось не по душе. Отметив стальную жесткость ткнувшего его пальца, он удалился к себе в комнату, а молодой крикнул ему вдогонку:

— Не горюй, папаша, еще поладим!

Зыкова это совсем озлило, он хотел ответить, что, мол, если такой папаша пожелает, запросто может из такого сынка лыка надрать и лапти сплести, но что-то подсказало ему не связываться. Да и обиделся он больше не сам по себе, а за пижаму. Будь на нем обыч-

ная майка и тни его в бок хотя бы и такой вот шустрый малый — ничего, стерпеть можно. Тут же натуральный крученный шелк в два слоя, фигурная стежка, плачено три сотни, не каждому по карману — и никакого почтения...

Сняв пижамный пиджак и повесив его на плечиках в шифоньер, Зыков опять присел к окну. Глухо слышимый за стеной оживленный говор был ему немного досаден, но он не завидовал. Если бы то были женщины — другой вопрос, а так — ему плевать. У него есть заботы послаще. Продавщица Зина из магазина электротоваров, где он покупает лампочки, обещала в следующую субботу поехать с ним на Кировские острова. На лицо она, конечно, не ахти, носик сапогом и лоб прыщавый, зато молоденькая и, видать, не балованная: под казенным халатом, он приметил, второй год зимой и летом все одну кофту носит. Какой с лампочек может быть навар? Если угостить не пожалеть, подарочек, то да се — оно не даром выйдет, да без этого оно и не бывает...

Его приятные расчеты остановил стук в дверь.

Вошел сосед. Через голову его на Зыкова смотрел молодой гость.

— Будь другом, Васильич, — просительно сказал Шальнев. — Уж все закрыто, а у меня, знаешь, хоть шаром покати, угостить нечем... Ты не сходишь на Московский в ресторан? У тебя ведь там знакомство...

Если бы Зыков был еще в пижамном пиджаке, он бы обязательно отказал. Но майка все упрощала, тем более что соседа он всегда готов был уважить, хотя и считал его не совсем полноценным человеком — по той причине, что сосед был оскорбительно и пугающе равнодушен ко всему тому, что сам Зыков и подавляющее большинство известных ему людей считали неперемным условием настоящей жизни.

Только для порядка, чтобы соблюсти приличия, Зыков немного подумал, прокашлялся и молвил:

— Коли ты, Андреич, просишь — я готов. В таком случае не помочь — все одно что похмельному опохмелиться не дать.

— Сразу видно — страдал человек на своем веку, — вмешался молодой, скаля белые зубы. Он обошел Шальнева, приблизился к Зыкову, подал руку и представился: — Митя Чистов.

— Меня Костя зовут, — не глядя на него, но без обиды отвечал Зыков.

— «Папаша» не в масть прошел? Ну, больше не буду, прости. — Митя заглянул ему spodнизу в глаза, но Зыков свойски грубовато отстранил его.

— Не будди. Чего взять?

Митя вынул из кармана брюк пачку денег, положил на стол.

— Тут триста... Водочки, коньячку, шампанское любишь — шампанского бери... Икра есть — икру бери. Чего не дадут — тоже тащи.

— Ишь, пулемет, — уже почти одобрительно заметил Зыков, надевая рубашку.

В дверях Митя обернулся к Зыкову.

— Поймай такси или левого. Туда-обратно, пусть ждет.

И ушел.

— Ты правда не стесняйся, — почему-то шепотом возбужденно сказал Шальнев. — Придется нам сегодня кутнуть.

— Дружки старые, что ли?

— Тот, второй, Саша... Еще до войны водились. А Митю первый раз вижу.

— Давно разбежались? — Зыков уже надевал костюм.

— Да вот, знаешь, получается без малого четверть века. С пятьдесят седьмого.

— Видать, с большой монетой. — Зыков кивнул на пачку денег.

Шальнев кашлянул в кулак, отвел глаза и сказал, будто оправдываясь:

— Где-то на севере работали, я еще толком не расспрашивал.

— Понимаем. Калымили, значит. — Зыков положил деньги в бумажник. — Надо бы посуду какую захватить.

— Да-да, и сумку.

Они пошли на кухню. В поместительную пластиковую сумку на «молнии», принадлежавшую Зыкову, уложили одна в одну три разнокалиберные кастрюли и салатницу, принадлежавшие ему же, для закусок. И Зыков

отправился в ресторан Московского вокзала. Как советовал Митя, он поймал левого, попросил его обождать чуть в стороне, на Лиговке, и минут через сорок вернулся домой, нагруженный съестным и спиртным, как дальний запасливый дачник.

Гости, пока Зыков ездил, умылись и сидели, скинув костюмы, в одних трусах и майках. Взглянув на старшего, которого Шальнев звал Сашей, Зыков немножко испугался, хотя и не подал вида: руки и грудь его, там, где не закрывала майка, были синие, как баклажаны. Но тут же догадался, что это наколки, и успокоился. Митя встретил его появление громкими аплодисментами.

— На чем есть-пить станете? — ворчливо спросил Зыков, расстегивая сумку. Он намекал на то, что у Шальнева-то обеденного стола не имело.

Митя приподнял крышки кастрюлек, потянул носом и зажмурился.

— Такую закуску можно и на полу.

— Что мы — арестанты, что ли? — продолжал ворчать Зыков.

При этих словах гости, молодой и старший, быстро переглянулись, и старший сказал:

— Может, на кухне?

Шальнев замахал на него руками.

— Ну зачем же, Саша? Сейчас придумаем что-нибудь.

— А чего тут думать, — сказал Зыков и кивнул Мите. — Давай-ка мой раздвижной прищипчик. — И, подумав, прибавил: — А может, проще ко мне?

— Нет-нет, — с непривычной для Зыкова решительностью запротестовал Шальнев. — Будем здесь.

У себя в комнате Зыков хотел отдать Мите остаток денег, их было сотни полторы, но Митя сжал его ладонь в кулак вместе с бумажками и сказал небрежно:

— Еще сочтемся. Только начинается, а мы с Сашком народ измученный, до звездочек злые.

— Ты про коньяк? — пряча деньги в карман, уточнил Зыков.

— Про него, проклятого.

И они еще до застолья сделали если не друзьями, то понимающими друг друга людьми: Зыков признавал такую вольность с деньгами баловством, но людей вроде Мити, которые их не считают, очень уважал.

А потом была душевная пьянка, ради которой Зыков не пожалел даже своей льняной скатерти цвета малосольной семги, точно такой же семги, какая лежала на одной из тарелок.

Они с самого начала разделились: Шальнев с Сашей сидели рядышком по одну сторону стола, Митя с Зыковым — по другую. Саша и Митя пили из стаканов, Зыков и Шальнев — из хрустальных рюмок. Так что в некотором роде получалось крест-накрест. Но разговор был тоже парный: Шальнев с Сашей говорили тихо, из губ в ухо, а Зыков с Митей вели громкую и веселую беседу.

После третьего или четвертого захода Зыков сказал Мите:

— Колбаски не хошь? У меня хорошая есть, венгерская, салями называется. В ресторане такой нет.

Митя братски обнял его за плечи.

— Костя, друг, самая хорошая колбаса — это чулок с деньгами... Нам бы щец покислей.

Зыков еще сильнее зауважал Митю: с пониманием человек, раз о бабах суетится, не то что малохолный Андреич.

Тут старый Саша перебил их беседу, обратясь к Мите, как показалось еще не пьяному Зыкову, с подначкой:

— Сдачу не брал?

— Ты что! — обиженно откликнулся Митя.

— Ша.

Зыков сообразил, что его почтение к Мите выходит вроде бы и не по адресу.

Шальнев и Саша кончили шептаться. Игорь Андреевич, еще не очень захмелевший, громко спросил:

— Слушай, что это за история с журналом «Вокруг света»?

Саша, то есть Балакин, не враз сообразил, о чем речь.

— Какой журнал?

Шальнев погрозил Саше пальцем и в этот момент показался Зыкову мальчишкой.

— Брось, Саша! Думаешь, я не понял? Тот парень подписать его просил. Письмо еще на Красную улицу пришло, а я уже сюда перебрался. Оля парню ответила, мои координаты дала, а я как раз к ней погостить приехал, читал письмо, но не помню — взял его или не взял... На «Вокруг света» трудно подписаться, но мне устроили...

Саша смотрел на Шальнева нежно, и это удивило Зыкова, потому что такое лицо, как у Саши, по его разумению, могло выражать что угодно, только не ласковость и нежность.

— Ну и что? — подбодрил Саша умолкнувшего Шальнева.

— А вот что: письмо-то было послано из...

— Догадываюсь, — перебил его Саша, покосившись на Зыкова. — И дальше что?

— И был там привет от моего знакомого, — неумело изображая хитрость, продолжал Шальнев. — Полагаешь, мне трудно вычислить, кто такой этот знакомый?

Саша сказал:

— Ты старый штурман... Курс на Испанию, помнишь, проложил, все вычислил.

Шальнев расхохотался, а Зыкову слова Саши остались непонятны.

— А мальчик-то был? Или ты просто аукнуть хотел? — спросил Шальнев.

— Правда, попался там шкет, малолетка совсем, но с головой. Журнал получил — радовался. А я заодно адресок твой новый узнал. — Саша налил себе водки в стакан, а Шальневу коньяку в рюмку и спросил другим тоном, как бы опасаясь чего-то: — Ну, а Оля что?

Они выпили и опять стали говорить друг другу на ухо.

Митя хлопал коньяк по полстакана и закусывал без передышки. Зыков за ним не поспевал, но тоже мимо рта не проносил. Ему было и вкусно и, главное, интересно, потому как в строго мужских застольных компаниях бывал он разве что на работе во время обещанного перерыва, а в прочих случаях — только с женским сословием.

Чем дальше, тем больше хмурился Саша, слушая Шальнева. А потом вдруг Шальнев заплакал и даже разрыдался.

— Они же все разбили! — пресекающимся голосом выкрикивал он. — Они же у меня Юру отняли, жизнь сломали.

Митя, уже порядком нагрузившийся, заорал пьяно:

— Подать их сюда, секир-башка делать будем!

— Заткнись, — сказал Саша, словно камнем бросил.

Он встал, приподнял Шальнева за плечи со стула, и они вышли из комнаты.

Митя, кажется, мигом протрезвел, толкнул Зыкова локтем.

— Он что, припадочный?

— Сосед-то? Да нет. Книжек много читает, и работа тоже — все читай и читай. Коректур называется.

— Корректор, — поправил Митя. — А Юра — это кто?

— Сын. Андреичу бы дедом быть, внуков растить, да не про него это. Тютя, а не мужик. У него даже карточки сыновей нету, а вживе и подавно руками не трогал.

— Неудачник, значит, — усмехнулся Митя. — А Сашок расписывал!

Зыкову сделалось неудобно оттого, что он перед незнакомым человеком вроде бы чернил какого-никакого, но все же доброго соседа. Он сказал:

— Видать, Андреич в молодые-то лета козырем был, да ведь жизнь кому хошь крылья обобьет. А жену выбирать — что арбуз без разреза: не угадаешь. У меня вот тоже не задалось...

— Ну, ты мужик хоть куда, — возразил Митя. — А этого — по стенке размазывать. Ха! В одном городе жить — и родного сына не видеть? — И он добавил непечатное словечко, которого Зыков отродясь не слыхивал.

— Сын в Москве, — уточнил Зыков.

— Все равно... — Митя повторил словечко и предложил: — Ну их в трам-тарарам, давай-ка тяпнем.

Вернулись Шальнев и Саша, налили себе и больше уже не шептались. Разговор стал

общим и бестолковым, потому что все, даже Саша, который до тех пор не пьянел, быстро напилась.

Зыков проснулся в своей кровати, увидел аккуратно сложенные на стуле брюки и рубашку на его спинке, но как и когда улегся спать, он решительно не помнил. Он в ванной почистил зубы, пошел на кухню, поглядел на свою двухпудовую гиру, черневшую в простенке за плитой, которую он выжимал каждое утро — тридцать два раза без передышки правой рукой и потом, после короткого перерыва, двадцать четыре раза левой, — но поднимать тяжести не хотелось, да и не утро было, а час дня.

Подойдя к соседской комнате, он услышал легкий храп — там еще не вставали. Делать нечего — надо ждать, когда проснутся. А жаль: на работу ему аж в девять вечера — успеешь и выпить и протрезвиться...

Зыков побрился, умылся, наодеколонился, и тут дверь у соседа хлопнула. Он выглянул в коридор, увидел встрепанного Митю, направлявшегося к нему с неполным стаканом в руке.

— Здорово, пьяница! — приветствовал его Митя.

— От такого слышу, — добродушно отзечал Зыков.

— На-ка поправься, да продолжим.

Зыков водку выпил, крикнул и сказал:

— Мне нынче в ночь вкалывать.

— Идем-идем, какая ночь? Тут, как за Полярным облучем, — сплошной день.

У Зыкова возникли зыбкие догадки насчет Саши и Мити еще тогда, когда он увидел синие от татуировки руки Саши. Поэтому он спросил, проверяя себя:

— А ты видал, каково за Полярным-то кругом?

Митя посмотрел на него и сказал нахально:

— Я только лысого ежа не видал. Там, как у тебя на роже, — сверху светло, внизу темно.

Зыков не успел обидеться. Митя одной рукой отнял у него пустой стакан, другой обнял за шею, притянул к себе, нос к носу, и заговорил жарко и притворно, как артист или цыганка, с придыханием:

— Ходишь ты по крутой горе, ты слышишь? Счастье по пять пудов по пяткам бьется, в руки не дается, ты понимаешь? На лице твоём печаль и скука, ты слышишь? А сама ты... — Он оборвал себя и нормальным голосом спросил: — Девочки будут? А? Не обижайся, Костя, — вот рука. А на пару мы с тобой — ни одна кегля не устоит.

Этот молодой, но все угадывающий Митя одновременно и раздражал Зыкова и располагал к себе.

— Язык у тебя, — скривясь, сказал Зыков.

— Знаю — помело, — быстро согласился Митя. — Но будут?

— Придется уважить.

— Я же говорю: ты сам страдал — потому понимаешь! — воскликнул Митя, и они пошли в комнату, где за столом сидели невеселые Шальнев и Балакин.

Так как выпивки оставалось по той ничтожной норме, о которой старые пьяницы презрительно говорят «пол-литра на троих, да еще стакан дворнику», и так как из всей компании самым бодрым был Зыков, ему и выпало снова отправиться в ресторан.

И само собой получилось, что уже часам к четырем он понял: на работу сегодня лучше не показываться. Но без замены никак нельзя, и Зыков поехал на квартиру к своему сменщику. Тот вошел в положение — сам иной раз просил о том же, — и Зыков, вернувшись, с легкой душой продолжил начатое...

И закружило Зыкова на две недели. Он и на работу ходил вполпьяна, а трое его собутыльников, можно сказать, трезвыми не бывали.

Как-то вечером пожаловала рыженькая Агриппина. Шальнев к себе в комнату ее не пустил, говорили в прихожей, и Агриппина ушла, расстроенная видом Игоря Андреевича.

Уважая просьбу Мити, Зыков поговорил со своей приятельницей бухгалтершей, та пригласила знакомую даму, и одну ночь они четвергом гуляли в комнате Зыкова, отдельно от Саши и Игоря Андреевича. Саша женщинами не интересовался.

Митя сказал дамам, что служит в полярной авиации, летает на вертолете, возит геологов

и разных зимовщиков. Это произвело сильное впечатление, и вообще Митя очень понравился обоим.

Когда на следующий день Зыков проснулся, дамы уже ушли, и Мити тоже не было.

Зыков вышел в прихожую. Из комнаты соседа доносились громкие голоса. Зыков приоткрыл дверь.

— Не будь жлобом, — сказал Саша.

— Мы так не договаривались, — зло ответил Митя.

— А теперь договоримся.

— Чего это я должен от себя отрывать? — не соглашался Митя. — В благодетели лезешь?

— Не твое дело. Тебе трех пока хватит.

— А если не дам?

— Не финти, Чистый! — нервно, с угрозой крикнул Саша. — Забыл, кто я и кто ты?

— Смотри — не пожалеть бы, — смиряясь, но все же по-прежнему зло произнес Митя.

— Заткнись, надоело. Сказано — и ша. Давай!

Зыкову почудился шелест бумаг, но дальше подслушивать он побоялся и поспешил в ванную. Это было вовремя: в квартиру вошел Игорь Андреевич с двумя полными сумками в руках — он вернулся из магазина... Все опохмелились, и опять закрутилось пьяное колесо.

Так прошла неделя, началась вторая. Во вторник, 3 июля, Зыков предложил всем сходить в баню, попариться с веником. И тут между ним и Сашей произошел такой разговор.

— В баню мы не пойдем, но вот насчет помыться ты прав, — сказал Саша.

— А что? — удивился Зыков. — Оченно даже помогает — похлестаться веничком. От головы оттягивает.

— Оно так, да сердце больное, пару не выдерживает... Но ты вот что — купи-ка нам белья... Ну, трусы, майки, носки покрасивше. Можно?

— Отчего же? Конечно, можно.

Саша дал денег, и Зыков съездил в Военторг на Невском, купил все, что надо. Саша и Митя мылись в ванной, а Зыков собирался в баню и про себя рассуждал: чудной народ — не понимают своей пользы. Какое это мытье — в ванне? Как в корыте... И насчет сердца ерунда. Не похоже, чтоб у таких мотор барахлил. Водку хлещут, как за плечо бросают, а пару вдруг испугались.

Но окончательно странными показались Зыкову гости соседа на следующий день, в среду. Саша позвал его к себе и сказал:

— Васильич, не в службу, а в дружбу... Нам с Митей костюмчики новые надо купить, а идти неохота. Морды опухшие — стыд. Сделаешь?

— Можно, да не ровен час мерка не сойдется.

— Чего ей не сойтись? Размеры мы знаем: мне пятьдесят четвертый, рост второй, ему — пятьдесят второй, рост четвертый.

— Ну, а цвет? Матерьял?

— Это все равно, лишь бы неодинаковые. И не синий и не светлый. И подороже.

Саша отсчитал пятьсот рублей.

— Вот, хватит?

— За две сотни хороший костюм достать можно.

— Ну, на твой вкус...

Когда Зыков в универмаге выбрал два костюма и, не примеряя, попросил выписать на них квитанцию и завернуть, продавщица посмотрела на него как-то удивленно, даже опасливо. Тут-то Зыков и подумал, что гости Шальнева — люди все же очень непонятные, а может быть, и такие же малоохольные, как сам Шальнев. Но он успокоил себя, что всяк по-своему с ума сходит. Да и морды у них вправду опухшие, со стороны глянуть — как только что из вытрезвителя.

Саша и Митя, надев обновку, остались довольны. Костюмы были финские, модно сшитые, чистшерстяные. У Саши коричневый в синеваатую клетку, у Мити — мышиного цвета.

Оставшиеся деньги — сотню с рублями — Саша подарил Зыкову.

А ровно через неделю, 11 июля, часов в девять утра (Зыков как раз вернулся с ночной смены), Саша постучался к нему, вошел в комнату и попросил спуститься на улицу, поймать машину — лучше не такси, а левую,

можно даже грузовую. Ехать, мол, до Колпина, и пассажир шофера не обидит. И машину желательно подогнать прямо к подъезду, во двор. Саша, между прочим, побрился, оставил лишь усики, которые выглядели вполне подходящими, а борода у него так и не отросла до подходящих размеров, потому что времени было мало.

Зыков нанял черную «Волгу», поднялся за Сашей, потом вместе с ним спустился. Они обнялись внизу на прощание, Саша сказал: «Не поминай лихом», — сел в машину и уехал.

Как он простился с Шальневым и Митей, Зыков не видел, но с Митей скорее всего без слез, потому что в последние дни, после того подслушанного разговора, они меж собой мирных, а тем более дружеских бесед и за чаркой не вели, а трезвые — и подавно, будто черная кошка между ними пробежала. Митя и зубоскалить перестал, ходил туча тучей, только глазами злыми поблескивал, а Саша недобро усмехался, глядя на него.

Митя отбыл тем же манером, с помощью Зыкова, через два дня, 14 июля. И тоже в сторону Колпина.

Шальнев после отъезда Саши сделался сам не свой. Ничего не ел. От выпивки отказывался категорически. И не спал совсем. Только курил и кашлял, кашлял и курил.

Зыков объяснял это усталостью, потому что и сам порядком утомился после двухнедельной непрерывной пьянки, а ведь он был не в пример здоровее и выносливее своего хилого соседа. Но дело оказалось не только в усталости.

Накануне отъезда Мити, вечером 13-го, у него с Шальневым завязался почему-то скандал. При начале Зыков не присутствовал, началось это в комнате у Шальнева, а потом сосед в расстроенных чувствах прибежал на кухню, где Зыков жарил молодую картошку, купленную на рынке.

— Господи, ну и человек! — держась рукой за сердце, сказал Шальнев и присел на табуретку.

— Ты чего это, Андреич? — поинтересовался Зыков, углядев при этом, что держался Шальнев за сильно оттопыренный борт пиджака.

Но Шальнев не успел объяснить, так как на кухне появился Митя, который был все еще под мухой.

— Ну что, старая крыса, не любишь против шерсти? — спросил Митя, глядя на Шальнева исподлобья.

— Не хочу с вами говорить, — тихо сказал Шальнев.

— А ты и помалкивай, паразит, обмылок! На чужие жрет-пьет, и еще сухими ему давай.

— Подите вы к черту, — умоляюще протянул Шальнев.

— Что-о! — заорал Митя и подвинулся к нему. — Я тебя соплей перешибу, огарок!

Шальнев встал, и Зыкову показалось, что он ищет глазами, чем бы ударить Митю. Да где уж такому против Мити — смех один. Зыков еще помнил своим ребром, как Митя при первом знакомстве ткнул его пальцем, но он все-таки посчитал возможным на правах проверенного собутельника вмешаться в неожиданную свару.

— Вот так-так! — укоризненно сказал Зыков. — То пили-пели, с одной плошки ели, а то и плошку пополам. Нехорошо так, некрасиво.

Митя плюнул под ноги Шальневу и ушел в комнату.

Ту ночь Шальнев коротал у Зыкова на полу, на старом своем матрасе. Он сказал, что не хочет больше видеть Митю.

Утром Митя, слава богу, уехал. Шальнев с ним не попрощался. А когда они остались с Зыковым вдвоем, Шальнев сказал, что собирается через неделю съездить к сестре в Электроград. Но уехал раньше, потому что 18 июля получил телеграмму и сильно взволновался.

Вот и все. Больше Зыков ничего не знает.

Выключив магнитофон, Басков сказал:

— Послушайте, Константин Васильевич, вы себя ребенком, надеюсь, не считаете?

— Да какой уж там ребенок!

— А их, значит, полярниками считали?

— Честное слово!

Басков постучал пальцем по магнитофону.

— Любой, кто вот это послушает, любой скажет: знали вы, кто они такие.

— Да не знал я!

— Ну, скажем, догадывались. А?

Зыков горестно pokrutil головой.

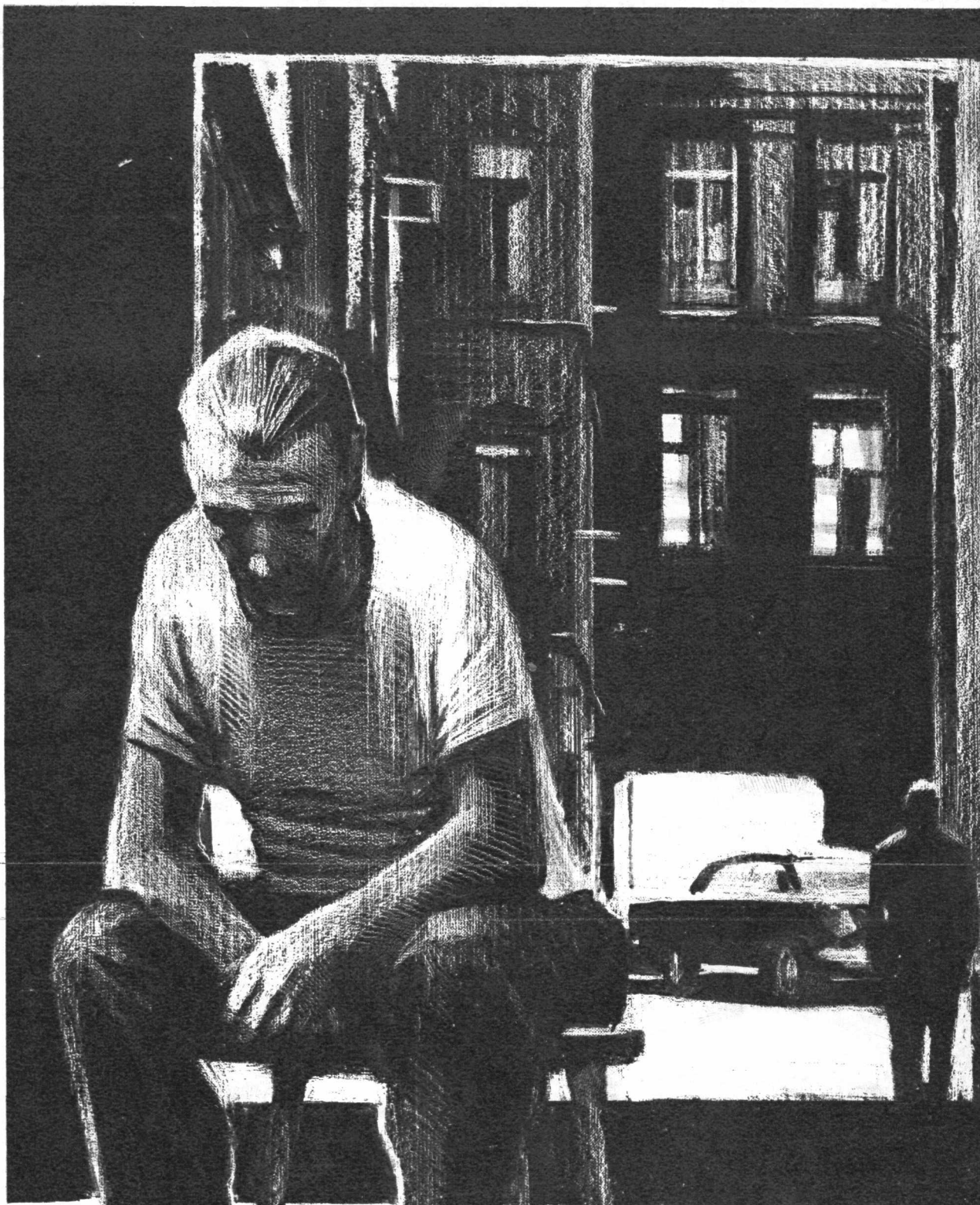
— Догадывался.

— В таком случае как ваше поведение называется, понимаете?

— Не понимаю, ей-ей, не понимаю.

Кажется, он действительно не видел в своем поведении ничего предосудительного — так уж устроен.

Продолжение следует.

НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Сергей ЛЫКОШИН

СУДЬБА ДОМЫСЛА

«Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни».

А. Платонов

Фантастические сюжеты традиционны в отечественной литературе. Вспомним всевозможные сказания «об Индийских царствах» и «китоврасах», дошедшие из глубин российской древности, произведения писателей-романтиков Владимира Одоевского, Александра Улыбышева, Осипа Сенковского и других, немало способствовавших расширению «фантастического кругозора» нашей литературы. Как не сказать о социальных утопиях, присутствующих в произведениях А. Н. Радищева и Н. Г. Чернышевского. Назовем и «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского и, конечно же, повести Н. В. Гоголя. А как не вспомнить «Итальянские сказки» М. Горького, повести А. Платонова, «Петербург» А. Белого, «Мастера и Маргариту» М. Булгакова... Да так, пожалуй, и не остановишься.

Мы вправе говорить о традиционном существовании фантастической темы в литературе, о теснейшем ее сплетении с темой реалистической, что давало такую картину мироздания, которая по праву вела читателя к вселенским обобщениям. Продолжается эта традиция и сейчас, но, конечно же, в формах новых, созвучных времени.

В нашу жизнь прочно вошло понятие космоса. За двадцать пять лет космической, как мы говорим, эры мы уже привыкли к космическим полетам, выходам человека в открытый космос и иной исследовательской деятельности в околоземном пространстве и на просторах Вселенной. Представление о ней закрепилось в сознании и естественно породило размышление о судьбе Земли и землян в обозримом будущем. Освоение космоса стало для людей делом земным, почти обыденным. И как нормальное следствие этого надо рассматривать появление темы космоса в современной литературе. Естественным поэтому выглядит стремление некоторых писателей по-новому в этих условиях взглянуть на жизнь человека. Вопрос о будущем человечества рассматривается художниками и мыслителями в двух аспектах: либо Земля, наша колыбель, единственна и неповторима; либо разум во Вселенной не единичен, и Земля — лишь одна из затерявшихся в космической бесконечности его обителей и жизнь на ней — один из многочисленных вариантов развития разума. Тема эта, помнится, очень занимала нашу литературу лет пятнадцать — двадцать назад, и многим писателям уже тогда хотелось приобщиться, а заодно и читателя подтянуть к вселенскому пониманию нашей земной жизни. В литературе всерьез ставился тогда вопрос о новой морали. Нам предлагали многочисленные варианты решения нашей космической судьбы, хотя тогда уже было ясно, что ни нам, ни нашим потомкам никуда не уйти от решения вопросов земных

и никто не способен избавить человечество от проблем, перед ним стоящих. Как бы то ни было, но во всех проявлениях жажды познания человек остается созданием земным, и все плоды этого познания он несет на Землю, ибо они не что иное, как следствие его духовного и нравственного развития, происшедшего в конкретных земных исторических условиях. Знание и стремление к нему порождены земным опытом. Поэтому-то и литература утверждается с течением времени в понимании того, что наша земная жизнь еще далека от совершенства, что многое еще предстоит понять и сделать землянам. Сейчас уже очевидно, что появление целого ряда произведений, принадлежащих перу достаточно известных писателей, где наряду с событиями вполне достоверными существуют и коллизии фантастические, далеко не случайно. Новая, космическая ступень развития человечества дает писателям повод в своих романах и повестях точнее и более емко взглянуть на историческую судьбу Земли и людей.

Делается это, скажем прямо, по-разному. Многие зависят от того, в чем видит художник будущее мира: в земном решении вопросов бытия или же, наоборот, в уходе с нашей грешной и многострадальной планеты на просторы космические; считает ли он, что доставшиеся ему от предков в наследство духовный опыт и мораль — незабываемая основа его существования, либо, напротив, готов он в экспериментальном экстазе от них отказаться.

В числе писателей, обратившихся к теме связи человеческого прошлого, настоящего и будущего, решающих сопряженные с ней вопросы путем фантастических домыслов, увидим мы художников самых разных, чем более раннее творчество никак не говорило о склонности их к такого рода фантазиям.

Чингиз Айтматов — автор «Белого парохода», «Материнского поля», «Первого учителя», «Прощай, Гульсары» и других значительных повестей и романов — известен как писатель, склонный к романтизации образа, но при этом верный направлению реалистическому. Домысел в его прозе часто встречался и обогащал ее в форме народных легенд и сказаний. И вот его роман «Буранный полустанок», где неожиданно совмещены реальное и фантастические пласты. Они образовали сложное единство и дали писателю возможность точнее, чем когда-либо, выразить свои взгляды в масштабах конкретно-исторических. «Буранный полустанок» был поддержан критикой как произведение, обращенное к самым насущным вопросам сегодняшнего дня. В предисловии автора совершенно справедливо процитированы слова Ф. М. Достоевского: «Фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти верить ему». Да и подтверждаются они в намерении, высказанном Чингизом Айтматовым так: «Как и в прежних своих произведениях, и в этот раз я опираюсь на легенды и мифы, на предания как на опыт, предназначенный нам в наследство предыдущими поколениями. И вместе с тем впервые в своей писательской практике прибегаю к использованию фантастического сюжета. И то и другое для меня не самоцель, а лишь метод мышления, один из способов интерпретации действительности». Все сказано определенно и, несомненно, справедливо. Именно так всегда использовались предания и фантастика в лучших образцах отечественной прозы.

О романе Айтматова уже не раз говори-

лось, что произведение это дает обильный материал для размышлений. Один из первых критиков романа, Н. Потапов, в после словии к отдельному изданию «Буранного полустанка» пишет так: «Полагаю... что отношение читающей публики к «Буранному полустанку», ставшему событием в нашей литературной жизни, куда сложнее, противоречивее, богаче оттенками, чем об этом можно судить по появившимся в печати отзывам. И это естественно, когда приходится иметь дело с талантливым произведением, чья проблематика подсказана живой реальностью общественного бытия, кипением сегодняшних страстей, а не кабинетным умствованием. Не секрет ведь, что и сами-то представления о задачах литературы, путях выполнения ею своей социально-педагогической роли у разных категорий читателей далеко не одинаковы».

Да, совершенно ясно, роман Чингиза Айтматова — произведение глубоко личное, идущее от сердца и именно поэтому дающее материал для споров и размышлений.

В романе — три временных пласта, прямо соотносимые с судьбами героев, живущих на небольшом разъезде, посреди «великих пустынных пространств» — Сары-Озеки, Серединных земель желтых степей, края, где любые расстояния измержались применительно к железной дороге, как «от Гринвичского меридиана», и где поезда «шли с востока на запад и с запада на восток». Прошлое с его легендами, преданиями и поверьями, несущее обобщенное представление о жизни наших предков в назидание нам и нашим потомкам. Настоящее, исполненное смысла познания и утверждения наших идеалов. Будущее, ради которого мы живем, трудимся, страдаем.

Жизнь главного героя, Буранного Едигея, «труженика от природы и по роду занятий», «человека трудолюбивой души», по-своему подвижническая. Этот герой — сосредоточенный образ обычного, терпеливого человека из народа. Того самого, о котором можно сказать словами одного из героев романа: «Бывают... отдельные судьбы людей, которые становятся достоянием многих, ибо цена того урока настолько высока, так много вмещает в себя та история, что то, что было пережито одним человеком, как бы распространяется на всех живших в то время и даже на тех, кто придет следом, много позже...» Едигей — типичный народный герой из прозы Чингиза Айтматова. В судьбе его писателю видится судьба всего народа, живущего в Серединных землях желтых степей. Прошлое этого народа, как показывает его писатель, насыщено эпическими сказаниями, легендами о духовном богатстве обитателей желтых степей, и оно непосредственно совмещается по смыслу с событиями современными. (Следует заметить, что легенды и предания написаны Чингизом Айтматовым с высоким мастерством. Они чрезвычайно живописны и философски емки по смыслу.) С особым чувством рассказана писателем хранимая в народе легенда о несчастной матери Найман-Ана, убитой ее собственным сыном — рабом-манкуртом, человеком, которого завоеватели-ночевники жаныжуаны навели ислачили, проделав над головой сына Найман-Ана чудовищную операцию, лишившую его памяти о прошлом. «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом». Манкурт — собирательный мифологический образ романа. Им Чингиз Айтматов повергает героев и время, которое, согласно мнению писателя, таит опасность появления новых манкуртов на Серединных землях. Жаныжуаны новой, современной генерации способны уничтожить не только веновой уклад жизни и память о прошлом, но и настоящее. Это особенно отчетливо показано на примере судьбы Абуталипа — учителя, чистого душой человека, собирателя легенд и сказаний. Чингиз Айтматов дорожит судьбой Абуталипа. Верой в его невинность, борьбой за Абуталипа он укрепляет дух и достоинство Едигея...

Но одновременно в романе изображена фантастическая коллизия: у мира, разрываемого

Окончание. См. «Огонек» № 18.

глобальными политическими противоречиями двух социальных систем, в котором все уже взвешено и разделено, появляется — как представляется это автору — шанс на спасение. Космонавты, живущие на космической станции «Паритет», работающие по «совместной планетологической программе «Демидур», случайно устанавливают контакт с внеземной цивилизацией более высокого уровня развития. На свой страх и риск они вопреки строжайшей инструкции покидают станцию и отправляются «в гости» к инопланетянам, оставив на борту объяснительную записку, где излагают идейные мотивы своего поступка:

«На Земле трудно или почти невозможно отстраниться от политической борьбы. Но, находясь в продолжительное время — многие дни и недели — в дальнем космосе, откуда земной шар кажется не больше автомобильного колеса, с большой и бессильной досадой мы думаем, что нынешний энергетический кризис, доводящий общество до неистовства, до отчаяния, приближающего иные страны к желанию схватиться за атомную бомбу, — это всего лишь крупная техническая проблема, если бы эти страны в состоянии были договориться, что важнее...»

Из опасения растрезвожить, осложнить и без того чреватое опасностями положение земляны мы осмелились взять на себя небывалую ответственность — выступить перед лицом носителей внеземного разума от имени всего человеческого рода, в соответствии со своими убеждениями и совестью. Мы надеемся и чувствуем внутреннюю уверенность, что выполним свою добровольную миссию достойным образом».

И космонавты, руководимые обретенными за время жизни на «Паритете» убеждениями, отправляются на планету Лесная Грудь, где находят образцовую, идеальную по органичности взаимопонимания и доброжелательности, абсолютно гуманную цивилизацию голубоволосых гуманоидов. Перед лесногрудцами если и стоят какие-то трудности, то только естественно-природного содержания. «Голубоволосые лесногрудцы — творцы высочайшей современной цивилизации. Встреча с ними может явить глобальную перемену во всей нашей жизни, в судьбах всего человеческого рода. Отважился ли мы на это, соблюдая прежде всего, естественно, интересы Земли?»

Инопланетяне нам ничем не угрожают. По крайней мере так нам кажется. Но, пережив их опыт, мы могли бы произвести переворот в нашей бытии, начиная со способа добычи энергии из материального окружения мира и до умения жить без оружия, без насилия, без войны... Будучи носителями вселенского, высокоцивилизированного образа мышления, они готовы на открытые контакты со своими собратьями по разуму, с землянами, в таких формах, как это будет отвечать потребностям и достоинству обеих сторон». Так зывают к землянам беглецы-космонавты. Что же те? Они (то есть мы!) отвергают протянутую руку помощи и защищают Землю ракетно-ядерным посылком программы «Обруч». Решение это, судя по всему, разумное. Опыт землян, пусть даже и отягченный столетиями противоречий, явление настолько самобытное, что вряд ли мог быть совмещен с утопическим благополучием лесногрудцев.

Однако, согласно Чингизу Айтматову, земляне теряют свой шанс на спасение. Ведь именно как такой шанс, как возможная реализация утопической мечты человечества выплывает вся фантастическая линия романа, эта своеобразная тема «руки, протянутой из космоса», погибающему в национальном и политическом расколе человечеству. Автору представляется программа «Обруч» неким подобием шапки манкурта, надетой на головы землян...

Ну, а что же Едигей? В то время как на земном космодроме готовятся к старту ракеты программы «Обруч», Едигей и его земляки не подзревают о том, что судьба их уже решена в космических масштабах. Умер старик Казангап, друг Едигея, и его надо похоронить на священном кладбище Ана-Бейит, попавшем в запретную зону космодрома. Со страданием смотрит в эти часы Едигей на лишившихся памяти о прошлом сородичей. Вот, например, сын покойного Казангапа Сабитжан. Через несколько часов, глядя на него, Едигей прошепчет: «Манкурт ты! Самый настоящий манкурт!» Старик еще успеет встретить отказавшегося говорить на родном языке лейтенанта охраны космодрома Тансыкбаева... В апокалиптической картине ракетного старта, свидетелями которого оказывается небольшая траурная процессия, остаются бегущие «человек, верблюд и собака», да еще и «белая птица, некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, пронзенная стрелой собственного сына-манкурта», кричащая Едигею: «Чей ты? Как твоё имя? Вспомни свое имя! Твой отец — Доненбай...»

Картина жуткая и назидательная.

Этот крик вещей птицы подвигает Едигея в последней главе романа хлопотать, как мы догадываемся о судьбе кладбища предков Ана-Бейит.

Вопрос о памяти рода прямо соотносим с проблемой исторической. Безусловно, с пи-

сателем можно согласиться, что исчезновение памяти о прошлом неизбежно ведет к исчезновению нравственности и перерождению морали, а вместе с тем и разумного начала. Но при этом всегда надо помнить, что социальное переустройство происходит на земле отнюдь не за счет игнорирования памяти народов о минувшем, но при разумном согласии и гуманном сотрудничестве. Пример развития общества в условиях нашего государства в этом смысле показателен. Монолитное и многонациональное государство позволило возродить культуру ранее отсталых, вымирающих национальных окраин, превратившихся в течение короткого исторического времени в край оазисов и цветущих городов с самобытным национальным и культурным обликом. Об этом говорилось на XXVI съезде КПСС, и ленинская национальная политика стала источником того высокого экономического и духовного подъема в жизни советских республик, свидетелями которого мы являемся.

Полемическая заостренность многих идей романа «Буранный полустанок», например, о помощи землянам в решении их проблем со стороны «голубоглазых лесногрудцев», стала еще одним свидетельством того, как властно входит в нашу жизнь понятие историзма — нашей общей ответственности перед судьбами народа в будущем, происходящей из понимания своего великого прошлого.

Говоря о том, как формируется в современной литературе эта тема, нельзя не сказать о еще одном романе, где автор также стремится выразить свое отношение к тому, что происходит в мире, и прибегает к фантастическому сюжету как к средству, позволяющему сказать об этом отношении с предельной полнотой. Речь идет о романе Евгения Евтушенко «Ягодные места».

В «Ягодных местах» взор Евтушенко-прозаика обратился к отчей земле, и он попытался показать ее жизнь в масштабах вселенских. Попробуем поразмышлять, как это автору удалось. Роман мозаичен, внимание автора, а вместе с ним и читателя то и дело сосредоточивается на отдельных трудных сопоставляемых сюжетах. Видимо, хаотичность действия романа, по мысли автора, должно воспринимать как противоречивость и многообразие изобразимого мира. Евг. Евтушенко «закольцевал» действие романа в прихотливое обрамление переставленных местами эпилога и пролога. Читатель легко догадается, что суть авторского взгляда сосредоточена в этом «кольце» эпилога — пролога. Если в насыщенной элементами фантастики концовке романа речь идет о К. Э. Циолковском и о некоторых «гуманных» идеях, то в начале его — космический полет и в преображенном виде Земля, увиденная глазами Космонавта, который «никогда раньше не был за границей»: «вдруг границ не стало. Все полосатые столбы, ничейные переплетенные полосы, колючая проволока, пограничники, овчарки, таможи — исчезли», оказывается, «из космоса их существование казалось противоестественным, нелепым. Многие стало до смешного непредставляемым, как, например, слово «прописка». Такое начало впоследствии воспринимается как логичное продолжение концовки романа. Настало, как следует понимать, время воплощения гуманных, общечеловеческих идей в жизнь. Попытаемся выяснить, в чем, собственно, заключена их суть. Но для этого сделаем небольшое отступление и скажем несколько слов о том, чьими устами эти идеи декларируются. Главный герой концовки-пролога — К. Э. Циолковский. (С жизнью и творческим наследием основоположника отечественной космонавтики Евгений Евтушенко должен быть хорошо знаком, ведь ему самому довелось сыграть роль К. Э. Циолковского в фильме «Взлет»). Как известно, на развитие миропредставления Циолковского большое влияние оказали труды замечательного ученого, философа-гуманиста Николая Федорова, а именно его «Философия общего дела», получившая признание и высокую оценку Достоевского, Толстого, Горького. Суть этого труда не передашь в духе слов. Своей личной и общечеловеческой целью, «общим делом» Н. Ф. Федоров считал достижение бессмертия, причем полагал воз-

можным при будущем развитии науки воскресить всех предков рода человеческого для концентрации знания и опыта, которые избавят человечество от многих социальных недугов. Так и писал: «...воскрешение будет делом не чуда, а знания и общего дела...» Мечта Н. Ф. Федорова была мечтой идеалистической, однако сама идея, питавшая ее — идея борьбы за бессмертие путем возрождения забытого, оживления памяти человечества в прошлом, — в сути своей глубоко гуманна и вечна. Циолковский, вдохновленный идеями Н. Ф. Федорова, действительно мечтал о расширении пространства для обитания бессмертного человечества. Однако никогда и нигде не говорил о ничтожности земного мира, а, напротив, видел Великую Землю будущего источником мировой человечности...

В «прологе», вернее, «эпилоге», романа Евтушенко два сюжета. Первый — сугубо реальный. Спор К. Э. Циолковского с «прогрессивным» миром, купцом Семирадовым, называющимся на продажу народу спиртного. Навяный и чудакватый ученый, возражая воплощенному идолу наживы, в ответ на вопрос о том, какой веры он придерживается, говорит: «Мой бог — это человек... Я верю в мир без государств, без пограничных столбов; без армии, полиции, эксплуатации, денег...» — и развивает идею будущего обретения человечеством бессмертия, используя некоторые фрагменты идей Н. Ф. Федорова. Чуть дальше он эту идею продолжает пояснять: «Смерть — это только иллюзия человеческого разума, дурень. Каждое существо должно жить и думать так, как будто оно всего может добиться рано или поздно. Люди смогут добиться бессмертия, если все вместе будут думать о нем как о главном...»

Когда все люди станут бессмертными, земля для них окажется мала. Для этого и звезды — понимаешь? А для звезд — ракеты...»

Второй сюжет дополняет мысль первого иллюстрацией.

«А между тем Константин Эдуардович даже и не предполагал, что за каждым его шагом сегодня наблюдали два незримых существа. Эти два незримых существа были молодой супружеской парой из Галактики Бессмертия, где вопрос о бессмертии давно решен переводом жителей в «лучистое состояние», после чего каждый становится хранящим разум атомом, и галактика вследствие этого развивается без общественных проблем и управляется Советом Совести». Существа эти, естественно, сочувствуют Циолковскому и его убежденным поискам бессмертия.

Таким образом, содержание эпилога — пролога несет мысль о том, что главное, общее дело человечества — скорейшее обретение бессмертия, и космические, а отнюдь не земные просторы дадут его человечеству. Ведь Земля, пограничные столбы, государственные и национальные различия — ничто перед обликом изящного, гуманного, эстетичного бессмертия в лучисто-атомном виде. Но в этом случае, как видно, и Н. Ф. Федоров, и К. Э. Циолковский, и весь великий опыт человечества остаются никому не нужными атрибутами...

По своим художественным качествам роман Евгения Евтушенко — произведение весьма спорное и неоднородное. В романе «Ягодные места» есть ряд интересных находок и сюжетных линий. И рассказ поварахи Калы о своей горькой жизни, и исполненный немого житейского смысла эпизод соросы молодого негодяя Игоря Селезнева с отцом, и целый ряд иных фрагментов, так, увы, и не объединенных автором в единую структуру романа.

Вернемся к тому, ради чего пришлось заговорить о романе Евтушенко. Не сопоставляя ни в коем случае его произведение с романом «Буранный полустанок» в художественном качестве, хотелось бы заметить, что в «Ягодных местах» мы также встречаемся с предположением о существовании образцового сверхразумного начала в меagalactических просторах Вселенной. Конечно, «лучистые атомы» — не «голубоволосые лесногрудцы», у них и заботы иные, да и бранный оболочки они уже лишились... Но вместе с тем есть некое сходство в самой идее решения насущных земных проблем на космических просторах. Вновь как идеал предлагается человечеству опыт более высокоразвитой цивилизации.

В журнале «Новый мир» недавно напечатана интересная беседа журналиста Игоря Бубнова и летчика-космонавта Константина Феоктистова. В ходе ее здраво, с учетом реальных возможностей обсуждается и вопрос о доступности и необходимости будущего переселения человека в космические просторы. При разном отношении к такой перспективе собеседники приходят к единому выводу.

Игорь Бубнов: «На мой взгляд, человечество никогда не будет расселяться в космосе. Ему это будет не нужно. Ресурсы Земли и окружающего пространства человечество

постигло лишь в минимальной степени. Всегда будут находиться новые возможности на земле, куда более экономичные и удобные, чем уход в космос. ...Весь опыт развития земной цивилизации показывает, что человечество движется по пути прогресса в тесной связи с накопленным веками богатством мировой культуры. Человечество будущего не сможет жить в отрыве от этого богатства, оно тогда деградирует».

Константин Феоктистов: «Если признаться честно, лет пять-шесть назад я был почти убежден, что человечество действительно не останется вечно на Земле и неизбежно начнет в будущем расселяться в космосе... Но потом как-то посчитал, «порисовал», подумал и понял, что ничего из этого не получится».

Очень убедительные свидетельства.

На мой взгляд, появление в романах фантастических сюжетов и невероятных коллизий — отголоски все того же стремления художников слова к широкому постижению исторической народной судьбы.

Задача в том, чтобы средства эти служили не только созданию картины, понятной многим, но и в идее своей не противоречили сути духовного и исторического развития человечества, чтобы за самой фантастической картиной стояла реальная мысль, не противоречащая нашему опыту. А для этого художник должен сознавать нравственный смысл того, что происходит на земле. Многовековая, обогащенная новым историческим опытом мораль народа отражена в каждой человеческой судьбе и сохраняется, развиваясь, благодаря бережному отношению каждого к нравственному укладу прошлых поколений.

В повести Петра Проскурина «Черные птицы» идет речь как раз о том, как бережно должен относиться человек к такому великому понятию, как «совесть», сколь велик смысл его жизни, когда он останется верен своим убеждениям, и сколь ничтожно его существование, когда в угоду видимому преуспеянию он готов поступиться любыми принципами. Нет, рассказывая о судьбах героев, Петр Проскурин не сбивается на назидание. Как и положено художнику, он показывает жизнь каждого как некий результат соответствующего этому герою духовного опыта. И картина получается весьма впечатляющая, по ней можно судить о жизни общества в определенный период истории, измеренный от начала Великой Отечественной войны до наших дней и уводящий мысль в будущее. Трагическое по содержанию повествование открывает читателю и бездны нравственного падения преуспевающего композитора Александра Евгеньевича Воробьева, польстившегося на творческое наследие погибшего гениального друга; и полный сомнений, но в целом верный памяти убитого войной любимого человека жизненный путь «слабой женщины» Тамары Иннокентьевны; и сосредоточенный в воспоминаниях героев повести облик чистого в убеждениях и гениально одаренного, самоотверженного, «никогда не таящего зла» и не могшего быть жестоким Глеба. Характер каждого героя — образ, полный социального

обобщения. Условный бытовой рисунок повести, картины проникающей в реальную жизнь памяти о прошлом, совмещение времен — все подчеркивает собирательность и обобщенность в ней представленного.

Однако при всем ощущении стихийности природных, неподвластных человеку сил повесть Проскурина оставляет четкое ощущение ответственности человека за то, как прошла его жизнь. В «Черных птицах» постоянно присутствует мысль о безусловности нравственного выбора для каждого. В этом, кстати сказать, повесть Проскурина очень напоминает роман Ю. Бондарева «Выбор», и почти одновременно появление этих произведений лишь раз подчеркивает то, насколько остро стоит и стоит вопрос о личной ответственности каждого из нас за выбор жизненной линии перед близкими и обществом. Фантастическая концовка романа, слова умирающей Тамары Иннокентьевны, обращенные к Александру Евгеньевичу Воробьеву, звучат как предостережение: «Если бы Глеб остался жить, вы бы убили его! Засосали своей тиной... Все засасывается тиной, и гениальное и ординарное. Не различь, где истинное, где временное, сиюминутное. Всем покойно, всем удобно... Утрачиваются критерии... Все причисляется под одну гребенку, талант и серость приводятся к одному знаменателю. А живого, вечного вы не умеете создать...» В понятном максимализме прожившей горькую, полную утрат и разочарований жизнь пожилой женщины скрыт и авторский протест против всякого успокоения, против нивелировки убеждений и убогой уравниловки. Исчезновение великой музыки Глеба с нотного листа, вмешательство сверхъестественных сил уже воспринимаются как возмездие. Память — главный элемент повести Петра Проскурина. И для Тамары Иннокентьевны и для Александра Евгеньевича она та самая основа, которая определяет весь жизненный строй этих героев. Воробьев пренебрегает святой памятью о друге, и возмездие настало его. Тамара Иннокентьевна всегда была верна памяти Глеба, и ей уготовано тихое успокоение. И для героев и для автора «Черных птиц» память остается понятием самым земным, реальным.

О двух тенденциях, проявившихся в литературном процессе последних лет, шла речь в этих заметках: историзме и развитии фантастического домьсла. Однако появление их видится закономерным и указывает на четко обозначившееся стремление писателей выразить свое отношение к судьбам Родины и мира. Независимо от того, в каком направлении, реальном или фантастическом, в какой исторической системе, прошлой или будущей, — важно, что стремление это существует и свидетельствует о главной направленности нашего искусства, о неравнодушии литературы и искусства к развитию нашей общей исторической судьбы. Глобальное осмысление происходящего в мире начинается с понимания исторических закономерностей развития народной судьбы. Стремление к такому пониманию уже прочно вошло в советскую литературу.

Так что же такое конкретный и обобщенный историзм в опыте современной литературы? Смысл этого явления легче всего понять, если вспомнить о ленинском подходе к осмыслению жизни общества во всем его историческом многообразии, памятуя о классическом подходе к событиям истории.

Мы знаем, сколь дифференцированно подходил В. И. Ленин к явлениям культурной жизни. Помним его учение о двух культурах, возникшее в конкретной исторической ситуа-

ции, накануне империалистической войны, когда шла непримиримая борьба за власть и Ленин считал необходимым брать в этой борьбе только то, что лучшим способом отбывает достижению победной цели — «только ее (культуры.— С. Л.) демократические и ее социалистические элементы». И вместе с тем знаем, что в тот момент, когда победа революции стала исторической реальностью, В. И. Ленин, не желая оставлять всю великую культуру прошлого врагам нового общества, писал о том, что «нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил... Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем». В. И. Ленин подчеркивал, что непременно должен сохраняться классовый подход к явлениям культурной жизни, что надо создать новую, социалистическую культуру, которая есть «развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры». Такое отношение к историческому прошлому показывает всю точность и гибкость ленинского подхода к конкретным явлениям истории культуры. Оно предостерегает нас от всякого рода догматизма и утилитарного социологизма в оценках нашего прошлого. Народ вправе распоряжаться всем своим историческим опытом в свете новой идейной зрелости, вправе взять все то лучшее в историческом опыте, что создано его руками и принадлежит только ему. Зная это, советские писатели стремятся широко и предельно емко осмыслить и в исторических масштабах понять судьбу Отечества.

В разговоре удалось затронуть лишь некоторые особенности многообразной и сложной жизни советской литературы. Но думается, что ее характерные черты являются там, где писательское слово обращено к опыту народной истории.

В сказках и легендах многих народов встречается образ «живой и мертвой воды». Вода «мертвая» обладает чудодейственным свойством соединять рассеченные члены, а «живая» вода еще более чудесным — способностью воскрешать мертвое тело. Собирательность этого двойного образа удивительна. Действительно, что мертвая вода — соединяющая, без живой, воскрешающей? Вот, пожалуй, воплощение народной мечты о бессмертии. В литературе недостаточно соединить, синтезировать то или иное подобие живого состояния. Все останется безжизненным, если не оживить души слова. А душа эта в истории народного опыта, и каждый из нас наделен от рождения памятью о нем. И поскольку слово идет в литературу от автора, то и спрос народный за память животворную с него. Насколько чувствует и знает писатель свой народ, насколько жива в нем историческая память, закреплена в принятой от народа и обогащенной новым историческим опытом морали, настолько и живым, доступным читателю станет писательское слово, иначе и писательское дело бессмысленно.

ПОБЕДА РОСТОВЧАН

Осенью минувшего года в Горичии — одном из небольших городов на севере Италии — проходил международный конкурс камерных хоровых коллективов, по сути, представлявший лучшие силы мира. К участию в этом значительном событии международной музыкальной жизни был допущен мало известный ранее камерный хор Ростовского государственного музыкально-педагогического института, руководимый его преподавателем, энтузиастом и пропагандистом музыкальной культуры Юрием Ивановичем Васильевым.

По существу, это был любительский хор. Конечно, у него не было никакого опыта для участия в столь авторитетном международном конкурсе. Можно понять желание хористов: им предстояло помериться силами с такими опытными конкурентами, как Филиппинский камерный хор, объездивший с успехом всю планету и дважды побывавший в нашей стране; как знаменитый венгерский хор имени Ференца Листа, известные певческие коллективы Болгарии, Швеции, Аргентины, ФРГ... Это был двадцатый юбилейный конкурс, самый представительный за все двадцать лет; в нем участвовало 17 хоровых коллективов из 16 стран. Советский Союз представляли ростовчане.

Их выступление прошло с большим успехом. Когда жюри объявило итоги конкурса, публичка устроила коллективу из Ростова-на-Дону шумную овацию: ростовчане завоевали на международном конкурсе второе место, уступив лишь

полбалла камерному хору из Филиппин.

Все шире становится популярность хора в нашей стране. Он уже полюбился в Москве, Ленинграде, Ереване, Одессе. Горьком и других городах. В Ростове хор регулярно дает концерты в здании Мемориала русско-армянской дружбы — бывшем армянском монастыре Сурб-Хач, где его успехам содействует великолепная акустика.

В репертуаре произведения композиторов эпохи Возрождения — Лассо, Палестрины, Шюца, Монтеверди; русская хоровая классика XVIII—XX веков, представленная именами Архангельского, Бортиянского, Танеева; произведения выдающихся армянских классиков — Комитаса и Екмаляна; сочинения советских и современных зарубежных композиторов.

Михаил АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

Д. Шмаринов. СТАРУХА-ПРОЦЕНТЩИЦА. Иллюстрация к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». 1935 г.

Д. Шмаринов. УЛОЧКА ВО ФЛОРЕНЦИИ. 1956 г.

НАТЯНУТЫЙ ШНУР

Владимир КАРПОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Телеграмма была «срочная», содержание личное, не служебное, но генерал разрешил снять майора Лобачева с боевого дежурства.

За годы своей уже не малой службы в ракетных войсках Алексей Лобачев еще не знал случая, чтобы кого-то до срока сменяли с боевого дежурства. «Что может быть важнее? Что там стряслось?» — думал майор, поднимаясь в небольшом металлическом лифте из глубины земли. Лифт клался на стыках, словно стальные челюсти, и быстро несся вверх. Как это было уже много раз прежде, Алексей все явственнее ощущал приближение наземной жизни. Это ощущение появлялось от удаляющейся мертвой тишины — она оставалась там, в глубине. Чем ближе к поверхности, появлялись не только различные звуки, а еще охватывало совсем другое, уютное наземное тепло.

Пройдя гулкими галереями, где стук каблучков отлетал от бетонных стен с щелканьем бильярдных шаров, майор несколько раз останавливался перед массивными железными дверями-люками и устройством, похожим на самый обыкновенный телефонный диск, набирал известный ему шифр. Тяжелые двери, словно в фильме-сказке, медленно и покорно раскрывались перед ним и закрывались за его спиной.

Выйдя на поверхность, майор сощурился от дневного света и вдохнул полной грудью вкусный живой воздух. Это уже была не стерильная смесь для дыхания, которую вырабатывают там, внизу, кондиционеры, а плотный, пропитанный земным ароматом, полный жизни, настоящий воздух. Явственнее других проступал дух прошлогодней, опавшей хвои, нагретой теплом земли, а поверх этого духа, оттесняя его, тек терпкий, смолянистый запах свежей хвои, той, что жила на деревьях и

млела в солнечном согреве. А снизу, не смешиваясь с этим хвойным настоем, тянул сладковатый душок гниющих пней, павших деревьев и грибов, которые прятались где-то здесь же, в травах.

Лобачев окинул взором знакомые поля и тайгу, и его слух уловил неслышную тем, кто постоянно живет здесь, на поверхности, музыку земной жизни. Какой-нибудь горожанин назвал бы эти места глухоманью, царством тишины, а для майора, вышедшего из недр, эта тишина состояла из множества очень ясных и громких звуков: дышал ветер, шелестели листовые ближние деревья, причем каждое по-своему — березка шелковисто, дубы словно кожу перебирали, а весь лес гудел глухим могучим гулом. Рассекая воздух крыльями, пролетали птицы. Рядом жужжали комары, чуть подалеже плескалась в ручье вода, а совсем далеко — но для майора казалось просто оглушительно, словно деревянной колотушкой, — долбил дерево дятел. Все эти звуки Лобачев после долгой, глубокой тишины слышал будто усиленными какой-то невидимой стереосистемой.

В штабе вручили телеграмму. Всего четыре слова: «Приезжай отец умирает мама».

И сразу будто все сорвалось с мест и закружилось, майор не ходил шагом — бежал. Когда человек умирает, надо к нему непременно успеть. Все это понимают. Рапорт командиру части. Тот быстро наискось резолюцию: «Разрешаю». Сказал одно слово: «Езжайте!» Штабные тоже все бегом: «В два мига соорудим, товарищ майор!» Отстучали отпускной билет на машинке, учинили подпись, печать — все готово. На квартире, пока бросал в чемоданчик какие-то вещи, объяснил жене Ане, куда и почему спешит. «Ох, как же так неожиданно!» А смерть всегда приходит неожиданно.

В вертолете отдышался. Пролетая над деревьями, которые сверху были похожи на зеленые одуванчики, над бездорожными холмами и болотами, Алексей подумал: «Хорошо, что у нас такой транспорт, каким-нибудь старым — лошадьми или автомашиной — с «точкой» домой добрался бы уже после похорон. Хотя и сейчас успею ли?»

Так неожиданно и стремительно началась эта поездка...

И вот, как контраст этой спешке, девять долгих, однообразных дней Алексей дома. Отец — Кузьма Петрович — все еще жив. Он лежит совсем непохожий на умирающего, лицо будто с курортным загаром, глаза живые, полные беспокойного света. Алексей знал, отец ни разу не был в санатории у моря, это в своем цеху он так прокалился, обретая керамический оттенок.

Мать, Алексей и все, кто приходит навещать, ступают осторожно, на цыпочках, говорят шепотом. Только сам отец кричит из комнаты, где его кровать, громким твердым голосом:

— Чего вы там шушукаетесь? Живой я. Говорите, как при живом говорят!

Алексей и горе и радость. Хорошо, конечно, что отец не умирает, но и отпуск кончился — всего десять дней дали, как положено в таких случаях.

Отец в порядках и делах военных тоже разбирается, всю войну отшагал в артиллерии да еще после победы года три прихватил. Как он сам говорит, «закреплял позиции».

Странное чувство охватило Алексея дома — с одной стороны, приятно, все вокруг родное,

близкое с детства, с другой — неотвратимое горе, которое уже проникло в эту уютную, теплую квартиру и вот-вот ударит.

Мать и отец жили в новом пятиэтажном доме. Двухкомнатная квартира была оборудована умелыми руками отца, все делал сам — оклеивал обоями, циклевал полы, книжные полки навешивал, белой плиткой туалет и ванную облицевал. А одухотворила новое жилье мама, она наполнила квартиру домовитым теплом, запахом пирогов, всяких приправ к ним — корицы, ванили и еще чего-то, ведомого только ей. В этой новой квартире поселились знакомые Алексею с малых лет вещи — комод, старомодный зеркальный шифоньер, большой дубовый стол, который сначала хотели выбросить — полкомнаты занимал, но мать не позволила: пусть стоит, дедам служил и вам еще послужит. Вся эта мебель стояла в бревенчатом пятистеннике, где Лобачевы и их предки жили прежде. Домик нессли, построили на том месте новый, этажный, но квартиру взамен Лобачевым дали не в этом новом, а в другом, готовом к дням сноса. Так что на старом месте не осталось и следа от лобачевского жилья, только некоторое время стояли между высокими домами ободраные бульдозерами яблони да вишни, но и они вскоре зачахли. Теперь прошлое Алексею почему-то больше всего напоминали старинные, почерневшие от времени резные часы с медным маятником. Они висели на стене и безотказно мерили время вот уже много-много десятилетий. Они служили еще деду и бабке, которых Алексей совсем не помнил: умерли, когда ему было три года. Вот в этих часах тикала мягко и плавно еще та далекая жизнь, которая была при дедах, в деревянном домике, как отец говорил, «при проклятом капитализме».

На десятый день вечером отец подозвал Алексея, сказал:

— Садись. Посиди возле меня. Попрощаемся. И поезжай. Тебе в часть пора.

— Так как же... — попытался возразить Алексей.

— А вот так. Попрощаешься со мной с живым. Ну, какой толк прощаться, когда я ничего слышать уже не буду? Ну труп и труп. Для вас это невидаль, а я этих трупов на фронте наглядялся — счету нет! Сперва тоже шархался, замарал. А потом привык. И вообще, странно у нас, у живых людей, получается. Вот пока человек говорит, дышит — к нему одно отношение, а замолк, глаза закрыл, остыл — уже другое! Какой-то страх перед ним. Живой когда, он тебе всякие гадости может наделать — не страшен. А помер, никому никаких бед причинить не может — страх от него идет. Почему так?

— Кто же знает? — замылся Алексей. — Ты больно тему грустную затронул. Давай о чем-нибудь другом.

Отец засмеялся хорошим, бодрым смехом, будто он и не был больной, а тем более умирающий:

— Тема эта, Алеша, для меня самая что ни на есть актуальная. Как говорится, вопрос номер один на повестке дня. И откуда от него не спрячешься! Уходить мне от вас не хочется. Тепло у вас здесь, на земле, солнечно, красиво. Кому охота в сырость и мрак ложиться?

— Пап, ну чего ты взялся жилы тянуть? — вдруг рассердился Алексей. — Ты же не баба.

— Верно, сынок. Но я не для жалости это тебе говорю. А к тому, что ехать тебе надо.

И попрощаться с таким, какой я сейчас, даже сподручней. Я в своем уме. Я тебя, ты меня услышим. Простимся, и поезжай. Дела тебя ждут. Дела ого какие! Не то что наша домашняя суета. Мир охраняешь. Шутка ли!

Алексей не знал, как себя вести. Как попрощаться с живым отцом? Что надо делать при этом? Что говорить? И вообще старик придумал такое, о чем Алексей даже не слышал раньше. Попрощаться с живым и уехать! Оставить его на самом пороге жизни и смерти. Все происходящее выглядело как-то неестественно: отец совсем не похож на умирающего. Врач сказал: «Он на своем характере держится».

Да, характер у отца действительно прочнейший! На фронте его прекрасно показал — вся грудь в медалях и даже два ордена. Как он сам гордо говорил, все должности прошел — от самой малой до самой большой: подносчик снарядов, заряжающий, замковый и, наконец, наводчик — главнейшее лицо при орудии и поэтому даже официально во всех документах называется — первый номер. Очень гордился отец этой должностью: «Первый он первый и есть, все на нем — и попадание по врагу и жизнь расчета: ты не будешь попадать — противник попадет, и всему расчету каюк».

Кузьма Петрович и после войны прошел хороший путь от рабочего до начальника цеха. Институт заочно окончил, хотя и шутил по этому поводу: «Я с цехом и без диплома управлялся. Для престижу надо было эти корочки получить. Ну и получил. Хотя и нелегко было».

Алексей знал, мало что изменил институт, отец по-прежнему писал с ошибками, не всегда правильно произносил слова, может быть, там, на заводе, это образование как-то сказывалось, а в доме, для своих, он вроде бы каким был, таким и остался. И вот этот цвет лица — керамический, совсем не инженерный, тоже на всю жизнь ввелся. Алексей и мать между собой полушутя, а больше уважительно называли отца «рабочий класс». «Ну как, не задерживается сегодня наш рабочий класс?» «Что сказал рабочий класс насчет нового телевизора?»

В жизни у Кузьмы Петровича и до института во всем была полная ясность, хоть в делах внутренних, хоть в международных. Никаких сомнений или колебаний. Он о своих руководителях и о зарубежных деятелях точно знал и предсказывал, кто какую линию «гнуть будет». Алексей никогда этому не придавал значения, ну говорит «рабочий класс» — и пусть говорит. Но как это ни странно, при всей далекости от высоких руководящих сфер и всяких особых источников информации Кузьма Петрович в конечном счете оказывался прав! Что он предсказывал тому или иному деятелю, то и сбывалось. А видел он их за свою семидесятилетнюю жизнь немало.

На смертном одре отец был тверд духом, никакой в нем сломленности. «Какая несправедливость! — сокрушался Алексей. — Человек набрал мудрости, знает, что есть в жизни добро и зло, в нем кипит душа. Ему бы жить да жить с этой вот своей твердой верой и убежденностью — ее еще на один век хватит, а нет, тянут его из жизни какие-то таинственные силы, которые еще никому не удалось ни познать, ни одолеть».

— Посиди, посиди, я тебе чего-нибудь расскажу, — успокаивал между тем отец Алексея, понимая, как ему нелегко. — Надо бы в таком случае что-то очень важное рассказать. От стариков всегда мудрости ждут. А я вот никакой особой мудрости и не нажил. Хочется мне почему-то рассказать тебе про натянутый шнур. Не знаю, почему. Может, я в себе этот натянутый шнур всю жизнь ощущаю?

Алексей насторожился, думал, отец опять насчет близкой смерти поведет разговор. Но он стал говорить о другом.

— Однажды на Курской дуге пошли разведчики за «языком», или, как тогда говорили, «в поиск». Ну это только так называется, вроде бы они ищут «языка», а на самом деле у них все давно высмотрено, рассчитано, распределено, кто что делать должен. Вообще-то, все как по нотам разыгрывается. Мы, артиллеристы, в этих нотах тоже свою партию играли. Причем очень важную. К нам даже сами разведчики пришли и объяснили. На-

чалство, конечно, задачу поставило. И мы ее выполнили бы. Но разведчики пришли и сказали: «От вас, братцы артиллеристы, наши жизни зависят. У нас там расстояния короткие — несколько десятков метров от немецкой проволоки до их же траншей. И если нас в этом промежутке застукнут, назад все скопом мы в проход в колючке не выскочим. А если затопчемся около прохода, нас побьют за секунды. Сколько летит ваш снаряд отсюда до них? Секунд пять. Вот этого нам уже под завязку. За пять секунд сколько можно дать очередей из автомата или пулемета? Ну, скажем, несколько. Вообще-то, всех нас не побьют за эти секунды, тем более что мы будем гранатами да ответным огнем отбиваться. Но если нас застукнут, а вы будете в блиндаже чай пить, да пока прибежите к орудиям, да наведете, да зарядите, нам уже, как говорится, капут будет. Похоронки надо писать. Вот и просим мы вас, дорогие боги войны: наведите, зарядите да еще и шнур внатяжку держите в руке, и как мы сигнал ракетой дадим — тут уж за шнуры вы и дерните! Вот тогда мы, может быть, выберемся! Только так все произойдет мигом — дернул шнур, бахнул выстрел, долгие — ох, долгие секунды полета снаряда! — и, наконец, желанный разрыв. Ну, если по нам не попадет, то по фашистам уж точно придется! Для снаряда десять метров туда, десять метров сюда — это не расстояние. Главное, пальните вовремя! Мы там в кутерьме не растеряемся!»

Кузьма Петрович помолчал, лицо его от волнения зарумянилось, глаза заблестели беспокойным блеском. «Ему бы закурить сейчас», — сочувственно подумал Алексей. И отец действительно привычным жестом пошарил по стулу, приставленному к кровати, где, когда он был здоров, обычно лежали папиросы «Беломор». Он сделал это движение подсознательно, зная, что папирос на стуле давно уж нет, поэтому и жест его остался незавершенным, рука сначала быстро потянулась к стулу, а потом, едва коснувшись его, зависла, будто в задумчивости, и вернулась на грудь.

— Ну, договорились мы с разведчиками обо всем. И ночью, когда они позвонили из первой траншеи, что «работа началась», мы встали к заряженным орудиям, и я, натянув шнур, держал его наготове. А у них там дело делается не быстро. Осторожность большая нужна. И час и два прошло. У меня уж руки занемели. Я то одной, то другой рукой шнур держу. Казалось бы, ерундовое дело — шнур держать, а вот, поди ж ты, нелегко получается. Раньше, при обычной стрельбе, снаряд в канал, замок щелкнул, команда «Огонь!», и я шнур дергаю. А тут стоишь, в груди вроде бы пружина сильная закручена, а руки, ну, будто совсем без костей, из одного мяса, не хотят держаться на весу, так и падают вниз. Но я держал! Одной рукой смолку цигарку из махры, другой шнур держу. И вдруг — ракета красная во тьме. Командир не успел «Огонь!» докричать, я уже шнур рванул. Звуки разрывов еще не прилетели, а мы всей батареей опять зарядили и бабахнули. Что там у разведчиков было, мы не видели, но огонька дали мигом! Очень они потом нас благодарили. «Если бы не вы — хана бы нам всем». И «языка» приволокли... — Кузьма Петрович вдруг хватился: — Погоди, зачем это я начал рассказывать?

Алексей напомнил:

— Ты говорил, старики — мудрый народ. Наверное, хотел под этот случай какую-то базу подвести.

Отец оживился.

— Вот-вот! — Потом внимательно посмотрел Алексею в глаза, как-то значительно выдержав паузу и молвил: — Мудрость из этого складывается, Алеша, не моя, а твоя. Я ухажу. Мне уже ничего не надо. А при шнуре натянутом остаешься ты. У вас там все на кнопках. Но шнур тот натянутый есть, ты о нем всегда помни. При современном оружии, как тогда у наших разведчиков, все будет решаться в секунды. Так что держите шнур всегда натянутым!

— Не беспокойся, пап, не оплошаем, — сказал Алексей.

— Вот и хорошо. Я тебе верю. Нам этот мир большой кровью достался. Как это странно — за мир надо кровью платить! За все платят

деньгами, золотом, а за мир, вот выходит, смертями. Да что я говорю — мертвяки ничего не стоят. Жизнями платили — жизнями живых людей! Ох, сколько же я их видел только моими вот этими двумя глазами! А сколько тех, которых я не видел? Представляешь? И какие люди были...

Он долго молчал, разглядывая сына добрыми, любящими глазами. Алексей не чувствовал неловкости от этого пристального взгляда. Понимал, отец хочет наглядеться перед расставанием, сын-то он один-единственный. Но вдруг Кузьма Петрович заговорил совсем не о том, что подразумевал Алексей.

— Честно признаться, я ведь толком тебя и не знаю. Чего стоит человек — узнают по поступкам. А какие у тебя поступки? Я их не помню. Маленький был, мать конфетами начала баловать. Я с нее стружку снял за это. Перестала. А ты заплакал и забыл про конфеты. Ну и дальше я тебя в строгости держал. Так это мой, а не твой поступок. — Отец помолчал. — Был и у тебя первый самостоятельный поступок. Помню его. Очень ты меня тогда обидел! Это надо же, первый раз самостоятельность показал и на век оскорбил отца!

— Что же я сделал? — удивленно и виновато спросил Алексей. — Не помню такого... Сын не кривил душой, он действительно уважал отца, не перечил ему в детстве. Да и потом, став офицером, встретив на службе нескольких командиров-наставников, которых любил всей душой, старался им подражать, но отца никогда даже вровень с ними не ставил: отец — это отец, пусть даже он был всего сержантом на фронте. Отец всегда был для Алексея самым высшим авторитетом. Не по грамотности, не по боевым военным делам, Алексей и сам, пожалуй, не мог бы точно сказать, чем именно, однако определенно знал: отец его самый чистый, честный, трудолюбивый человек на свете. Он и правду-матку любому в глаза скажет и в беде не оставит.

— Прости, если что было, — попросил Алексей.

— Ох и крепко ты меня тогда обидел. Раз в жизни, но крепко! Ничего тебе тогда я не сказал. Это был первый поступок. Ломать тебя не хотел.

— Что же я сделал?

— Сказал, не хочешь быть рабочим, в офицеры пойдешь!

Алексей хотел сгладить обиду:

— А может быть, я на тебя фронтового хотел быть похожим... Ты же сам много про бои, про товарищей окопных рассказывал.

— Не виляй! Не надо! Я потомственный рабочий, и это главное всего. Вообще-то, обидел. Ну, а потом ушел в училище. Офицером стал. Служил в разных краях. Может, и добрые дела делал, но я-то их не видел, не свидетель я им. Вот и получается, ни одного большого поступка твоего, настоящего, чтоб личностью из тебя ярко проглянула, я пока не знаю. Вот ты, майор, звание большое. На фронте я таких вблизи редко видел, у нас командиры батареи старшие лейтенанты были. Один, правда, до капитана додержался, но только звездочку четвертую прикрепил, в первом же бою руку оторвало. Опять старшой на его место пришел. Я это к тому, что ты вот майор, а я в тебе и майора не чувствую. Какой-то ты не фронтовой, не боевой майор. Как-то мне беспокойно таких майоров нонче видеть.

— Наверное, потому, что я тебе сын. Какой же я тебе майор. И полковником стану, все равно ты меня за Алешку считать будешь. Это как для матери: хоть министр, хоть генерал — все равно ее дитя.

— Это правильно, сынок. Служишь ты хорошо. Это мы с матерью знаем. Но мне, как отцу, хочется прочность твою увидеть. Увериться в ней.

— Ты бы не волновался, нельзя тебе, — попросил Алексей.

— Теперь мне, Алеша, все можно. Все. Вышел я, как говорится, на последний свой рубеж. Странно, пока жизнь впереди, то нельзя, это нельзя. А когда один шаг до конца остался — все можно, даже правду сказать. И как это, оказывается, важно для человека — высказать правду! Вот хотя бы ты и я — отец и сын — нет ближе людей. А вот я тебе сейчас могу сказать все, а ты мне не можешь.

— Почему? И я тебе все могу сказать. Кузьма Петрович хитренько прищурился, лучики морщин так и брызнули от глаз по вискам.

— Ну вот скажи мне: куда твои ракеты нацелены? Кого ты в случае чего шандарахнешь? Алексей даже слегка отпрянул — не ожидал он такого вопроса. Взял себя в руки, стараясь выглядеть, как и прежде, спокойным, ответил:

— Это, отец, не правда, а тайна.

— Ну и что ж. Я ее не разглашу. Унесу туда. Он потыкал пальцем в пол. — И присягу я принимал, умею хранить военные тайны.

Майор был смущен, не знал, как поступить, отец правильно говорил: недолго ему жить осталось, и тайну ему просто некому разглашать, унесет с собой в могилу. Но, с другой стороны, это был такой секрет, который даже в мыслях Алексей произносил как-то приглушенно, чтоб, не дай бог, кто-нибудь не уловил биотоки!

— Не могу я тебе этого сказать. Не положено. Сам понимаешь, — сказал после долгого молчания Алексей.

Отец вдруг засмеялся, всплеснул руками:

— Вот молодец! Вот обрадовал! Ну, спасибо тебе, сынок! Уж если отцу перед смертью не сказал — значит, никому не скажешь! Так и держи! Тайну, если б сказал, я вправду с собой унес бы. Но был бы не спокоен. Все же ты ее мне сказал! А теперь я глаза закрою

с улыбкой. Очень ты меня, Алеша, обрадовал. Спасибо тебе!

Алексей был еще больше озадачен этим отцовским признанием и испытанием, смущенно улыбаясь, крутнул головой:

— Ну, папа, ты даешь! Разве можно такую проверку устраивать!

— Можно! Я же тебе говорил, мне на последнем рубеже все можно. Читал я где-то: Ротшильд или Рокфеллер, вообще, банкир какой-то, чтоб испытать сынка, дал ему миллион и велел истратить. Хотел узнать, как деньгами тот распорядиться будет. Не знаю — ублагодворил ли сынок отца. Наверное, ублагодворил. У меня миллионов нет. Но я хочу знать, как ты усвоил то, чему я тебя учил. Вот теперь вижу, усвоил хорошо. Человек ты надежный. К тому же я этот разговор завел не для себя. А опять же для тебя, для людей добра желаю. Насторожить всех вас хочу. Ну, ладно, прости, коли обидел. Ты и вправду, сынок, поезжай. Нечего тебе тут крутиться. Мы с тобой хорошо попрощались — душа моя теперь спокойна. Дай обниму тебя напоследок.

Не понимая еще, согласился он и действительно уедет — или останется, Алексей склонился к отцу. Тот бережно обнял его, прижался колючей щекой к гладкой, пахнущей одеколоном щеке сына. Задержал его в своих руках минуту-другую. Алексей тоже обхватил плечи отца, почувствовал, какой он стал легкий, усохшийся, поразился, куда делась бывалая налитая сила в этом теле! От отца шел теплый,

родной, только его, памятный Алексею с детства, запах табака, хоть, заболев, уже давно отец не курил. «Надо же, как просмолился!» — подумал Алексей. Потом они отпустили друг друга, и оба прятали глаза, пытаясь скрыть набежавшую на них влагу.

— Ну, а теперь иди. Не будем мучить друг друга, — глухо сказал отец, не переводя на сына взор. Алексей не уходил, стоял у кровати, не зная, как поступить.

— Иди, иди. Мы с тобой солдаты, нечего нам сырость разводить. Запомни меня живого. Не хочу, чтоб покойником видел. Уезжай сегодня же. И не забывай, о чем на прощание говорили.

Алексей сделал несколько шагов назад, не отворачиваясь от отца. Кузьма Петрович так и не посмотрел в его сторону. Только когда сын повернулся спиной и пошел к двери, отец вскинулся с подушки, жадным взором устремился за ним вслед. Но теперь уже сын не оглянулся, он аккуратно, без стука прикрыл за собой дверь.

«Может быть, он прав, — думал Алексей, — лучше, если так вот живым останется в памяти. Да и выхода другого нет: отпуск кончается. Дать телеграмму, просить, чтоб продлили? Но отец, дай бог ему здоровья, вроде бы еще некоторое время протянет. Надо ехать. В крайнем случае опять прилечу, когда это случится».

Майор съездил в аэропорт за билетом. Рейс был ночной. Алексей вернулся домой, посидел

с матерью на кухне, тихо пошептался с ней до самого отъезда, но в комнату, где лежал отец, больше не заходил. Только когда взял чемоданчик, мать, хлюпнув мокрыми губами, тихо спросила:

— Так и уйдешь?

— Мы попрощались. Он все сказал. Просил больше не мучить его. Ты же знаешь, как он меня любит.

— Уж это я знаю,— прошептала мать.

Алексей подошел к двери, осторожно приоткрыл ее, заглянул в щель. Отец лежал с закрытыми глазами, небритый подбородок торчал вверх. «Уж не умер ли?» Майор испуганно прикрыл дверь. Испугался не смерти отца, а что не выполнил его наказа, увидел мертвым. Испугавшись, заторопился:

— Пойду я, мам, мне пора.

— Ну, поезжай, мы уж здесь как-нибудь сами.

Но Алексей не уходил, все стоял и думал: «Зачем же я уйду? Для этого приезжал и вдруг уеду».

И в это время отец за дверью закашлялся скрипучим кашлем старого курильщика. Прерывая и сдерживая кашель, крикнул:

— Надя! Уехал, что ли, Алексей-то?

Мать вскинула глаза на сына, а он опустил веки, подсказывая ей ответ, и крадучись пошел к выходу.

— Уехал, уехал,— ответила мать и сама ступала на цыпочках вслед за Алешей, чтоб закрыть за ним дверь...

Когда майор возвратился в часть, домой, его ждала заплаканная жена. Подала телеграмму. На этот раз в ней было всего два слова: «Папа скончался».

— Ты успел?— спросила жена.

— Что успел?— Алексей думал, что она спрашивает, успел ли похоронить.

— Застал его живым?

— А, ты об этом... Повидались.

Он не сказал, что не дождался смерти отца. И рапорт еще об одном краткосрочном отпуске писать не стал. «Пусть думают, что я успел его схоронить».

Майор вздохнул тяжело и печально. Очень жаль было отца. Жене сказал:

— Ладно, Аня, потом поплачешь, помоги мне собраться, я чемоданчик свой совсем разуконплектовал. Я останусь, а ты лети к маме. Побудь с ней, поддержи неделю-другую. А может, согласится, вези ее сюда. Пусть с нами поживет.

Жена уехала.

Перед заступлением на дежурство подразделения выстроились на плацу. Под звуки марша вынесли знамя. В наступившей тишине перед уходом под землю Алексей попытался уловить запахи и звуки, которые его обычно встречали на поверхности после дежурства. Но, как он ни старался, не ощущал ни аромата хвои, ни шелеста ветра. Не улавливал даже дыхания сотен людей рядом в строю. Все они стояли в полном молчании. А он сам, все его думы, внимание, чувства были направлены совсем на другое—что-то очень большое и величественное.

Теперь казалось: не звуки и запахи заполняли землю, а только вот эта глубокая, полная тишина. Все замерло перед значительностью происходящего. И в этой затаившейся то ли от восторга, то ли от страха жизни вдруг громко и властно прозвучали слова генерала: — Для защиты нашей Родины, Союза Советских Социалистических Республик, первой смене на боевое дежурство заступить!

Через некоторое время, опускаясь на лифте все глубже в полную тишину, майор с грустью думал, опять вспоминая отца: «Вот и ты и я под землей. Я даже глубже тебя. Я живой, а ты мертвый. Выходит, под землю мы теперь укрываем не только смерть, но и жизнь. Земля—самый надежный хранитель. Ну что же, батя, буду держать, как и обещал тебе, шнур натянутым. Шнур, охраняющий миллионы жизней. Шнур, сдерживающий миллионы смертей...»

Майор сел к пульту. Светящиеся лампочки, рычажки, кнопки, стрелки в различных приборах знакомой россыпью раскинулись перед ним на панели. «И шнур во мне...»—подумал Алексей, окончательно отрешаясь от всего земного. А точнее, от всего своего личного и как бы превращаясь в пульс того огромного и страшного, что скрыто здесь под землей.

В СРАЖАЮЩЕМСЯ АФГАНИСТАНЕ

Александр Проханов работает на быстрине. Есть в этом и немалые минусы, есть и достоинства. Но другим он не будет. По тому и надо оценивать, о чем и как он пишет. Он всегда в поиске. В поездке. В полете. В экспедиции. Появляется серия репортажей. Затем он сам возвращается из поездок. И возникает прохановская проза. О том, как он ездил, куда он ездил, что видел.

Его романы вырастают из репортажей. Но в этом непрерывном кочевье репортажности есть и оседлость—главный герой прозы. Здесь уже нет журналистской оперативности, идет анализ мира изнутри, его изменений в зависимости от внешнего мира.

Так и сейчас. Были поездки в захваченный огнем борьбы и страданий Афганистан. Был цикл репортажей, отмеченный премией Союза журналистов СССР. Вырос роман «Дерево в центре Кабула».

Через весь роман, через афганские пустыни, через засады басмачей к афганским крестьянам идут от рабочих Советского Союза тракторы, колонна тракторов. Как символ нового общества, символ дружбы двух соседних народов. Колонну охраняют молодые советские ребята. А вокруг—земледельцы, впервые в жизни видящие такую мощную технику, враги, желающие отдалить момент первой встречи афганского крестьянина с русским «стальным конем».

Журналист Иван Волков встречает колонну тракторов в самом начале романа, еще на советской земле, а прощается с ней, уже несущей следы пуль на гусеницах, в Джелалабаде, что расположен у пакистанской границы.

А затем Кабул и пекло борьбы—попытка мятежа в феврале 1980 года. Ивану Волкову довелось стать летописцем одного из трагических моментов истории афганского народа.

«В Кабуле во время контрреволюционного путча, когда враг, укравшись в туннелях, огрызнулся винтовочными и автоматными выстрелами, партийцы, кто в бронелифте, кто в обычной рабочей тулупке, взяв автоматы, шли выбивать врага, подставляя себя под пули, выкрикивая в мегафон призывы к народу, неся в себе идеи того же блага, того же идеального, основанного на добре, справедливости общества, как и русские предтечи—комиссары. Они повторяли наш путь»,—скажет журналист А. Проханов. Слова эти, развернутые во времени и в пространстве, ожили романом. Глазами его героя мы следим за событиями, с ним вместе путешествуем по Афганистану, встречаемся с афганскими рабочими, военными, работниками службы безопасности. С ним вместе мы тоскуем по России.

Мы видим, в каких условиях создавались его репортажи. Журналист встречается с муллами, ходившими в Мекку, внушившими арабскую мудрость. Что заставляет их идти на контакт с революцией? Или это хитрость и тактика?

«Волков смотрел на изрытые старостью лица, на черно-седые клочковатые бороды, чувствовал, какая сила и воля таится в этих лбах и зрачках, какая власть и могущество, воспринятые от проклятых земель, избитых копьями, от синих горящих небес с ледяными хребтами, от пыльных жарких отар, бегущих к ручьям и колодцам, от гончарно-красных наездников, настигающих из длинностовольных винтовок горных орлов и барсов, от согбенных худых земледельцев, бредущих за деревянной сохой по влажным весенним долинам. Та воля и власть, что, как ток, пульсирует в сильном народе. И какие нужны слова, какие истины, чтобы старцы им внимали!»

В своих поездках Волков устремлялся в будущее, искал великое знание о человеке, предчувствовал угрозы и беды афганского народа и сквозь них назревающую великую истину.

И когда тяжело было от встреч, переговоров, новизны, он встречался с получившим сюда назначение майором Мартыновым, северным кондовым мужчиной, в гарнизонной комнате которого висела приколота кнопками фотография мартиновской жены Оли.

Александр Проханов. Дерево в центре Кабула. Роман. «Октябрь», №№ 1, 2. 1982.

«Это Оля, жена моя. Куда ни приеду, первым делом ее на стенку, обязательно. Знаете, чего не случается за день... А на нее глянешь, и будто, знаете, все в тебе побелеет, посветлеет».

Читатель может обратить внимание на яркую описательную риторику нового романа А. Проханова «Дерево в центре Кабула». На «социальный неоромантизм», пропагандуемый его главным героем—журналистом Иваном Волковым. Но что представляет собой сам главный герой? Каков он, откуда, от каких глубин, корней идет его родословная? Он один главенствует в романе. Тем более важно понимание его мыслей, его действий.

Непросто было Ивану в конце произведения поднять свой автомат и, пусть защищая свою жизнь, пусть находясь в обороне, но перевести рычажок на очередь и послать пули вслед горцу в синем тюрбане. Чувствовал Иван «...такое напряжение в душе, такое томление, что взгляд, пробегающий вдоль мушки, превращал ее в вороненый крохотный вихрь, в малую воронку, расширял ее в другое пространство и время, и в этом пространстве возникала другая земля, в травах, цветах, проложенных ветром дорогах...»

Но что и зачем привело его на этот дальний край земли? Во имя каких ценностей снова и снова идет герой романа в зону взрыва?

Ценности те огню не подвластны. Они подвластны миру, земле, любви, созданию. Герой романа Иван Волков хочет понять, что таится за кромкой пограничных холмов, что угрожает его народу, что надо делать, чтобы предотвратить вселенский взрыв. Он хочет понять и свое поколение, своих сверстников. Кто становится на замену героическому племени людей, выигравших самую грандиозную войну?

Сегодняшняя передовая доброта и мудрость—Афганистан проверяет на крепость и пришедших ему на помощь наследников тех солдат и маршалов, что сложили голову фашизму. Герои «равнинного течения времени» ставятся под воздействие гигантских сил. Это важнейшая мысль романа: Иван Волков—кровь от крови, плоть от плоти своих сверстников, таких же ищущих героев прозы В. Маникина, А. Кима, В. Гусева, В. Крупина, только там иные сюжетные площадки: деревня, поселок, столичные НИИ...

Поколение Иванов Волковых многое узнало, успело поспорить о многом, пройти сквозь заблуждения и потери, столкнуться внешне с двумя непримиримыми началами. Дети вчера еще крестьянской России живут и трудятся в современных супергородах. Они стараются понять, как будет жить человечество, какие идеалы собираются осуществлять, что внесет свежего, самобытного, как это в конечном счете приведет к добру...

Танкисты, охраняющие колонну тракторов, строители-архитекторы, журналисты, врачи, неся в себе идеи основанного на добре и справедливости общества, помогают сегодня строить новый мир афганским друзьям. Но это те же самые «амбивалентные», мятежающиеся герои. Иван Волков—тот самый юноша шестидесятых годов с его великим ресурсом любви к Родине. Герои покая, герои передышки, они родились на мирной земле, выросли в мирное время для любви, для счастья. И потому так тяжело Ивану Волкову поднимать огнестрельную игрушку—автомат Калашникова, он поднимает его с великим трудом, но поднимает. Это один из выводов романа, своего рода предупреждение.

Может быть, и среди тех советских солдат, которые помогают сегодня афганской армии защитить революцию, появятся свои прозники, они отразят уже иное понимание нынешних событий. Сегодня мы читаем «Дерево в центре Кабула»—роман журналиста, роман о журналисте, роман, описывающий увиденное в поездке, в себе и на много километров вокруг себя.

Это роман о нашем современном, о сегодняшнем герое, оказавшемся в зоне взрыва. О его мыслях, его состояниях, его нагрузке, его утратах, о нем, жадно всматривающемся в стремительный и грозный поток современного мира.

Владимир БОНДАРЕНКО

НАС МНОГО!

В № 22 «Огонька» за 1981 год был опубликован очерк «Вас много...». В нем говорилось о том, что грубость, невыдержанность, даже хамство зачастую становятся «нормой поведения» многих работников сферы обслуживания.

Материал этот, как видно из писем в редакцию, заинтересовал читателей. Служителей сервиса обвиняют в неуважении не только к клиентам, но и к своему труду. Мы далеки от намерения курить финиш потребителям услуг, но претензии тех, «которых много», столь основательны, в них столько боли и тревоги, что редакция сочла нужным еще раз вернуться к затронутой теме.

Вот что пишет Л. П. Синицына из Коммунарска:

«У нас в городе в сервисе нередко работают невоспитанные, малообразованные люди. Обслуживают грубо, возразить не смей, ибо они умеют так кричать и ругаться, что придешь домой, и — инфаркт! Но самое странное в том, что люди терпеливо сносят это хамство. Почему? Ведь если бы мы не позволяли себя унижать, было бы несравненно лучше».

Вот еще письмо, от москвички Е. К. Соколовой: «У меня больной ребенок. Врач настоятельно рекомендует свежие продукты. В магазине я попросила пять яиц. «Может, тебе только одно дать?» — нехорошо засмеялась молодая продавщица. Чувствуя себя неловко, словно я обязана чем-то, попросила десяток. «Считай сама!» — крикнула продавщица. И, не дав мне полностью отобрать яйца, закричала: «Она украла яйцо!» Пересчитала мою покупку. Там даже одного не хватало. А очередь молчала. Если б не ребенок, что ждал меня на улице, я бы упала. Вечером дома — «неотложка». Может быть, не просто надо писать о хамстве, но попытаться найти общими усилиями способы борьбы с ним?»

Такое после одной обиды не напишешь. Такое говорят, когда натерпелись через край.

И еще, многие пишут, что с пожилыми продавцами общаться легче, спокойней: они доброжелательнее. Вспомните войну. Тогда была нехватка всего, и еще какая! Но в магазинах мы не чувствовали себя «бедными родственниками». Нам всем сопутствовало простое человеческое понимание того, что это беда общая и временная. А вот работники, выросшие в послевоенном достатке, — люди иные: их надменность, грубость рождаются из веры в то, что они, ведающие дефицитом, — хозяева положения. Думается, Министерству торговли следует продумать меры воздействия на таких работников. Слишком небезобидные размеры приняло это всемогущество, мания своей значительности у многих, имеющих доступ к временному дефициту. А ведь помочь положению можно! В сфере обслуживания рядом с калифами на час трудятся славные, работающие, доброжелательные люди. Они прекрасно понимают: уволь завтра грубиянку, и все ее величие рухнет. Вот и хочется, чтобы все духовно здоровые люди, работающие в сфере обслуживания, которых большинство, тщательно присматривались бы к со-

служивцам и при первых признаках «заболевания» наглостью срочно приступали к лечению. А влияние коллектива очень действительно, это ведь прописная истина.

Однако есть, как всегда, и другая сторона вопроса.

Об этом — письмо от работника сферы обслуживания В. В. Ношановой. Она критикует своих коллег, но и к покупателям имеет серьезные претензии: «Я киоскер в «Союзпечати» и своих покупателей уважаю. Я работаю на совесть. Стаж — 25 лет. Покупатели меня любят. На работу иду с удовольствием — когда удовлетворяешь чью-либо просьбу, человек радуется, и тебе хорошо! Недавно была в Москве, гостила у старых друзей. Пошла с ними по магазинам. Молодые продавщицы в галантерейном магазине, почти отвернувшись от покупателей, подавали, вернее, бросали товар.

Я выросла в детдоме, окончила всего семь классов, но нас воспитали хорошими людьми, хотя и было трудное время — шла война. А сейчас редкий ребенок, купив что-то, говорит «спасибо». Я за то, чтобы в учебных заведениях были уроки нравственного воспитания. Чем раньше начнут ребенку прививать хорошие качества, тем большая самому ребенку и обществу будет потом польза».

В очерке «Вас много...» речь шла о бедах, вызванных грубостью, несдержанностью работников в сфере обслуживания. Однако читательская почта охватывает и иные стороны жизни — все те случаи, когда люди не умеют или не желают вести себя достойно, то есть тактично, любезно, выдержанно на работе, на улице, в общественных местах.

Анализируя поступившие письма, мы пришли к выводу: с точки зрения читателей, корень зла — в отсутствии хорошего воспитания. Как ни печально, но сами эти слова звучат теперь чуть ли не архаично. Во всех письмах настойчиво прослеживается определенный мотив: слишком очевидно отсутствие культуры поведения у работников службы быта, особенно у молодежи. Не воспитано умение контролировать свои поступки, совсем не в чести правила поведения, именно правила, а ведь они есть! Их выработала сама жизнь! Где бы людей ни свели обстоятельства, начиная с «коммуналки» и кончая театром, соблюдение этих правил позволяет избежать многих конфликтов и делает сосуществование не просто терпимым, а, если хо-

тите, даже приятным. Конечно, одними хорошими манерами в нашей сфере обслуживания, и в частности в торговле, дело не поправишь — ситуация здесь весьма сложная, однако в сложной ситуации особенно важно умение властвовать собою. Но... Из откликов читателей явствует, что именно на людей воспитанных, тех, что умеют властвовать собою и научить этому других, — дефицит. Тот самый пресловутый дефицит. В редакцию позвонил молодой человек и заявил безотрадно: «Да где вы найдете теперь воспитанных людей! Кто знает, как надлежит вести себя в обществе? Хорошо, если на весь Союз наберется десять человек!»

Эка хватил! Десять! Совсем, бедолага, потерял веру в человечество! Но... вот письмо из Ленинграда. Плохо, оказывается, с вежливостью и в прославленном университетском городе.

Читательница В. И. Таубер пишет: «Совсем недавно ехала в автобусе № 127. Было десять часов вечера, автобус переполнен. Тесноту совсем уж невыносимой делали крик, шум, развязность. Транзистор, включенный на полную мощность, не позволял слова услышать. Ехала школьная молодежь — десятый класс. Ни один пассажир не сделал замечания. А семья да и школа за десять лет не научили их элементарным правилам поведения в общественных местах. Молодые люди даже не знают, что вести себя столь шумно неприлично! Ведь Ленинград всегда славился воспитанностью жителей. Воспитанием в школе надо заниматься всерьез!»

Л. С. Трофимова из Авдеевки, Донецкой области, предлагает, пожалуй, весьма эффективный путь к исправлению манер: «В наше время, когда люди постоянно вместе дома, в трамвае, на работе, в кино, без хороших манер просто невозможно! Ведь ужасно, когда в кино тебе в затылок все время гудят. Сколько пошлых реплик, вульгарных смешков — невыносимо! Вы говорите о воспитании в школе, а я хочу предложить, чтобы этим вопросом занялось кино. Сколько демонстрируется рекламных роликов о пожарах, вреде курения, алкоголя! Но вот о поведении, о манерах — ни одного!»

Мысль о таких роликах заслуживает самого серьезного внимания. Например, на телевидении хорошо бы завести регулярную рубрику, создать серию воспитательных фильмов. Ведь это самый доступный способ наглядного рассказать о правилах поведения. Можно делать это с юмором, весело — и игровые короткометражки и серии рисунков. А что, если поработать скрытой камерой? И потом показать и покупателям, скандальщикам в магазинах, и властительницам прилавка в их неприглядном виде, и разгулявшимся добрым молодцам в фойе кинотеатра или в лесу — сквозь строй бутылок? Словом, подумать есть над чем.

А вот письмо с весьма интересной постановкой вопроса — пись-

мо из Чарджоу от П. Р. Думер: «Все отрицательные черты приходят к нам бесплатно, мы теряем моральные ценности без материальных затрат. А начини общество сейчас искоренять это зло, какие огромные потребуются затраты! Но начинать надо, и чем позже начнем, тем хуже, тем дороже обойдется это обществу!»

Трудно что-либо возразить на это письмо. Все верно. Все мы делаем общее дело. Нет работы менее важной или более. Все равно необходимы обществу. И каждый — всего-то навсего! — должен выполнять свое дело скромно, с максимумом отдачи и уважения к другим. А высокомерие, пренебрежение всегда унижительно для того, кто его оказывает, и для того, кому оно оказывается. И тем, кто этого не понимает, нужно объяснять. Вежливо, но настойчиво! Возрос наш материальный уровень, возросли возможности пользоваться благами. Курорты, например, переполнены. Но посмотрите, как себя ведут, к сожалению, многие и многие на пляжах. Слово он (она, семья) здесь один...

Обратите внимание, как действуют за рулем водители машин. Я уже не говорю о том, что у них нет профессиональной этики, солидарности. Если шофер ведет грузовик, то, чувствуя свою неуязвимость, едет напролом! Бедняги легковушки шарахаются в сторону. Но и они, в свою очередь, не уступают друг дружке... О том, что пешехода нужно любить, забыли еще при Ильфе и Петрове. Ладно, не любите — не надо. Но пожалеть-то можно? Не успеет перебежать он улицу при зеленом свете, машины сразу срываются и едут! Полсекунды не подождут. И стоит бедняга меж потоков и затравленно озирается. А частенько это старики, женщины с детьми.

Таковы соображения, вызванные читательской почтой. Разумеется, проблема требует тщательной разработки. Думается, что Министерство просвещения СССР и социологи должны бы поучаствовать в этом. Жизнь настойчиво требует перемен в сфере обслуживания.

Но все-таки сия ария не так печальна. Хочется успокоить отчаявшегося молодого человека. Послушать его — вроде уж совсем караул! Но нет. Конечно, нет. Свидетельство тому — письма от самых разных людей из самых разных городов. Нас действительно много! Читательница Л. С. Трофимова из Авдеевки пишет: «Грозно надвигается пора культивирования хороших манер!» Хочется внести небольшую поправку: пора надвинулась! Надо действовать!

Р. ЛИХАЧ

Юмор

— Зин, ты меня отвлекаешь, закончится рабочий день, тогда и поговорим!

Рис. Н. Елина

Рисунки Ю. Узбякова

— Мама, не мешай, у меня с Аликом секретный разговор.

Доставка стройматериалов.

Рисунки Н. Беловцева (Белгород).

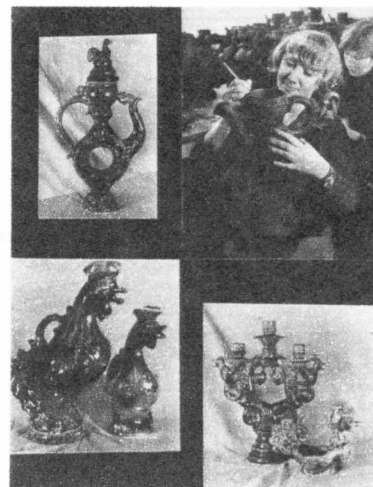

Рис. В. Дубова

С незапамятных времен процесс творчества открылся человеку в труде. Открылся как главное чудо, именно и сделавшее его человеком.

И очень важно нам знать и помнить, что первопричастными к этому творческому труду были вовсе не какие-то великие богатства, не серебро и золото, не бронза и не драгоценные камни, а самые «грубые», первородные, «нехудожественные» материалы, окружавшие такого же первородного человека. Дерево и глина. Это они делали художников: превращали людей в творцов.

ГЛИНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РУКАХ

Возможно даже, что у глины есть в этом смысле перед деревом право некоего старшинства, — она ведь была ближе, доступнее во всех отношениях. Ее легче было взять, проще принести. И взрослые и детские руки могли ее мять, лепить, преобразовывать, нечаянно находя форму для того, что только что было ничем и вдруг превратилось в нечто!.. Обрадовавшись и удивившись найденному, человек однажды сберег, сохранил свою находку. Так она стала предметом искусства. Произведением.

Даль поясняет нам корень слова: преобразование, переход одного в другое... Так произведение природы — глина — превратилось в произведение человека. Да ведь он и сам стал в какой-то мере живым произведением искусства. Стал Художником.

Глину как материал, потребный искусству, не меньше (если не больше!), чем дерево, мрамор, знают все народы земли. Но используют, преобразуют ее люди не одинаково, а всюду по-своему, на свой лад. Они вкладывают в то, что ими производится, свое собственное представление о прекрасном: свои традиции, свои образы сущего, свои легенды, сохраненные с издавна и дошедшие до современности от тех бесконечно далеких предков, которые теперь зовутся пращурами.

Наверное, еще и поэтому глина нигде и никогда не работает утилитарно — без приложения ума и сердца, вне заветных человеческих чувств...

Взглянем же на глиняные изделия из Скопина. Какое богатство фантазии, щедрая выдумка; каким тончайшим мастерством — скромно, а в то же время не так уж и скромно — может похвастать эта удивительная глина!

Город Скопин — одно из самых старых поселений на рязанской, древнерусской земле... Название города, возможно, идет от слова «скопа». Нынче и само это слово и его смысл утрачены потому, что исчезло, ушло из жизни, истребилось, перевелось живое существо — крупная, сильная птица орлик, которую звали еще и скопою... Видно, много скопы гнездовало в то далекое от нас время там, где поселился позднее человек. И, кажется, город вобрал в свою память, в свое название эту легендарную теперь скопу, есть и такая версия.

Главный художник скопинской фабрики А. И. Рожко.

И главный художник знаменитой скопинской фабрики художественной керамики Александр Иванович Рожко создал вот этот удивительный по красоте сосуд, который так и называется: скопа.

Легендарная птица. Посмотрите же, как она хороша! Как величественна и грациозна в одно и то же время. Какая плавность линий; как изобильно и в то же время экономно распорядился художник возможностями глины, пластически формую ее, придавая птице эту горделивую осанку, эти неуловимо, плавно летящие линии готовых к взмаху крыльев, этот настороженный, даже хищный наклон головы... Поистине редкостная работа.

Очень хороши и вещи, сделанные художницей Нелли Кузьминичной Носоновой. «Самовар с чайником», например, так и просится на полку в современную кухню, где станет, наверное, лучшим ее украшением.

В глине воплощено и чувство юмора и добрая улыбка, — словно приглашение к доброму, уютному отдыху в кругу друзей.

Хотя на всякий случай предупредим слишком уж доверчивых потребителей: все эти самовары, как и сосуды для воды — скопы, конечно же, игрушка, сувенир.

Интересные, прекрасные вещи, производимые фабрикой в Скопине и дающие ей немалый доход, — изделия искусства, а не быта.

Точнее, они искусство подлинное.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«ОБЖАЛОВАНИЮ

НЕ ПОДЛЕЖИТ...»

Вл. МИТИН

ФЕЛЬЕТОН

Началась эта история, в общем-то, просто. Москвич А. Гришин развелся с одесситкой Г. Маркеловой. Факт сам по себе прискорбный, но, увы, довольно обыденный. К чести разведшихся, надо сказать, что, убедившись в невозможности дальнейшего совместного проживания, разошлись они корректно, пощадив нервы друг друга и окружающих. Больше того, сразу же произошло и не совсем обычное: Г. Маркелова не захотела остаться в столице и не затеяла изнурительную тяжбу за раздел крохотной московской квартиры...

Наоборот, так как туда должна была вот-вот въехать другая женщина, Маркелова собрала вещи и с малолетним сыном поспешила вернуться на круги своя, к родной матери в родную Одессу. Выразившись формально, на ту площадь, где была вписана в ордер. Впопыхах, верно, Маркелова проявила объяснимую нерасторопность. Она не сразу удосужилась обратиться к одесским властям за разрешением на прописку, дабы, как положено, вслед за этим выписаться из Москвы.

Да и где там было особенно думать о формальностях, если в довершение к разрушенной семейной жизни мать Маркеловой тяжело заболела и умерла. Кое-как собравшись с силами, убитая горем женщина обратилась к одесским официальным лицам с ходатайством о прописке.

— А вы кто такая? — спросили ее.

— Маркелова, — простоудно отвечала просительница. — Урожденная одесситка.

— Одесситка? Ха! Никакая вы, извините, не одесситка.

— Позвольте, — забеспокоилась Г. Маркелова. — Как же не одесситка, если я здесь родилась и вписана в ордер. После развода больше полугодом проживаю у мамы, оплачиваю квартиру и коммунальные услуги. Здесь, наконец, могила моей матери. Да и отец мой, ветеран Великой Отечественной войны, похоронен в Одессе.

— Это уже лирика, — разъярили Маркеловой. — А формально вы одесситкой не являетесь, и площадь будет передана законным жителям нашего города.

И вот тут-то пошли сплошные невероятности. Уже давно и бесспорно не состоя в москвичах, но также и не будучи формально приписанной к числу одесских граждан, Г. Маркелова очутилась как бы в подобном состоянии: без крышки над головой, без работы, без средств и с больным ребенком на руках... Нельзя не отметить, что бывший муж Маркеловой не бросил ее в беде. Несмотря на неприязненные отношения, он помогал ей, чем мог, хлопотал, писал письма в инстанции. Трудно спокойно читать эти строки: «...руководствуюсь не так называемым шкурным интересом. Не маневр это, не борьба за квартиру. Мы с женой охотно бы взяли их к себе, но как можно жить всем на 22 метрах и как эти метры разменять? Да и сыну климат одесский более показан...»

А парадоксы множились. Доказывать право Маркеловой на одесскую принадлежность пришлось... московскому суду! И к чести Октябрьского районного нарсуда г. Москвы, надо заметить, что он тщательно изучил материалы необычного дела и с достоверностью установил, что с августа 1980 года Маркелова проживала не в Москве, а в Одессе. И дальше цитируем: «...все свои вещи Г. А. Маркелова вывезла, на московской площади поселилась, не пыталась, и никаких препятствий к проживанию на этой площади ей не чинили...»

Мало того. Скрупулезно проверив все обстоятельства дела, Октябрьский нарсуд равно установил, что (снова цитируем) «...вместе с сыном Г. А. Маркелова уехала в г. Одессу и поселилась на площади своей матери в кв. 19 дома 27 по ул. Горького, где проживает до настоящего времени. На этой пло-

щади она проживала до регистрации брака с Маркеловым. Установлено, что она подала заявление директору Минералогического музея АН СССР имени А. Е. Ферсмана с просьбой уволить ее по собственному желанию в связи с переездом на другое место жительства...» Добавим, что эта просьба была дирекцией музея удовлетворена.

Казалось бы, ясно — такие обстоятельства дела говорят неопровержимо: Г. Маркелова не москвичка. Она добровольно сожгла за собой мосты, в том числе и московскую прописку. Она одесситка. Со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Подчеркиваем еще раз: казалось бы... Но в народный суд Центрального района г. Одессы обратился с иском о выселении Г. Маркеловой из указанной выше квартиры не кто-нибудь, а... исполком того же Центрального района! Нет нужды приводить здесь путаное и слабо аргументированное решение одесского суда. Отметим лишь мелочные придирки к срокам, к нерасторопности Г. Маркеловой, каковая (опять цитируем) «не принимала никаких мер к выписке с московской площади и не вывезла (?) в г. Одессу принадлежащее ей имущество...».

Ну, что сказать вам, дорогие читатели? Нарсуд Центрального района, а в дальнейшем и другие областные судебные инстанции постановили: Г. Маркелову — выселить. Без предоставления жилплощади. То, что называется: хоть стой, хоть падай.

И тогда произошло уже совершенно не укладывающееся в голове, немислимое. Измученная женщина обратилась все в тот же суд с просьбой хотя бы об отсрочке исполнения. На том основании, что у сына открытая форма туберкулеза и что сама тяжело больна. И для того, товарищи читатели, чтобы вы все-таки поверили в происшедшее, мы полностью приводим определение суда:

«6 апреля 1982 г. народный суд Центрального р-на г. Одессы, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Одессе дело по иску исполкома Центрального р-на г. Одессы к Маркеловой Г. А. о выселении, установил:

Отвечница просит отсрочить исполнение решения о выселении, ссылаясь на то, что у нее болен ребенок, находится в санатории, она сама больна.

Суд считает, что доводы заявительницы необоснованны, так как в соответствии со статьей 366 ГПК УССР отсрочка исполнения решения допускается в исключительных случаях при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение решения. Суд считает, что, поскольку ребенок Маркеловой находится в санатории, решение может быть исполнено. Руководствуясь ст. 366 ГПК УССР, суд определил: отказать Маркеловой Галине Александровне в даче отсрочки исполнения решения.

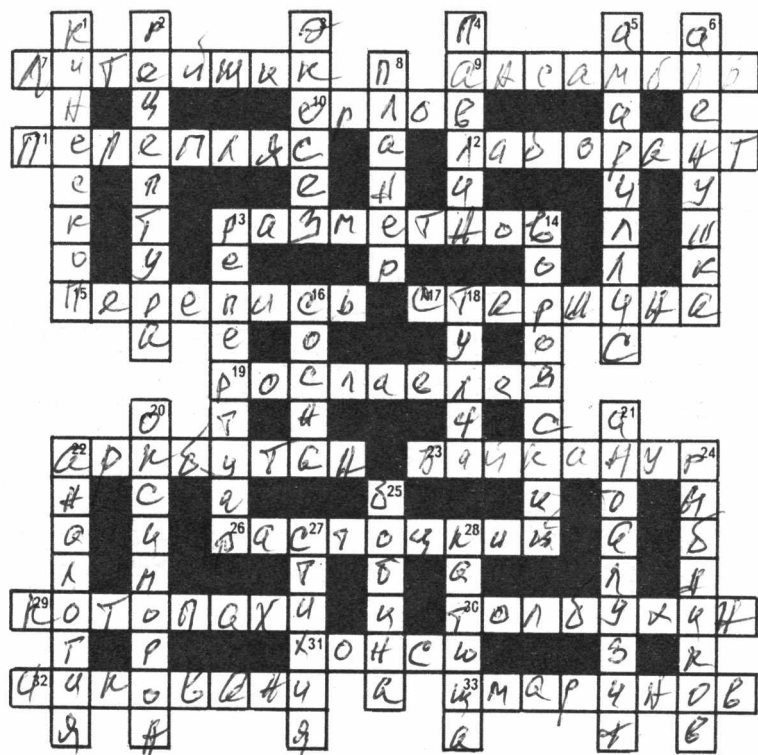
Определение обжалованию не подлежит...»

Что же, по мнению судей Центрального района, действительно является «исключительными случаями»? Что бы, по их предположению, могло помешать судебным исполнителям выбросить в никуда больную женщину с больным ребенком?..

Полночь! Неужели это в самом деле произошло в Одессе? Ведь в этом городе даже говорят так: «Женщин не бьют даже цветком». Нет, не верится, не верится! Не похоже...

Мы, конечно, не дети. Мы многое понимаем, а также и то, что, наверное, квартира Маркеловой кому-то очень нравится. И, судя по неприличной поспешности, с которой Маркелову из этой квартиры выселяют, невольно думается, что уже заказаны грузинки для перевозки мебели. И, возможно, даже рисуется планчик ее расстановки. Там — горка, здесь — стенка, а тут, где висела фотография погибшего капитана А. Маркелова, героического командира подводной лодки, защитника Одессы, защитника всех нас, — вот тут будет поставлен шифоньер...

И совсем чудовищное: срок выселения назначен на 9 мая... Интересно, кто въехал в квартиру капитана?

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Специалист-металлург. 9. Единый художественный коллектив музыкантов-исполнителей. 10. Народный архитектор СССР, автор проектов мощных гидростанций. 11. Соревнование в русском народном танце. 12. Технический сотрудник научного учреждения. 13. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 15. Процесс сбора статистической информации. 17. Воинское звание. 19. Незаконченный роман А. С. Пушкина. 22. Наружная каменная полуарка в готической архитектуре. 23. Советский космодром. 26. Кинорежиссер, народный артист СССР. 29. Действующий вулкан в Южной Америке. 30. Маршал Советского Союза. 31. Наиболее крупный остров Японского архипелага. 32. Грузинский советский поэт. 33. График, народный художник СССР.

По вертикали: 1. Приемная телевизионная трубка. 2. Совокупность правил приготовления лекарств. 3. Шотландский народный танец. 4. Декоративная птица семейства фазановых. 5. Южное луковичное растение, разводимое в комнатах и оранжереях. 6. Картина В. М. Васнецова. 8. Безмоторный летательный аппарат. 10. Пьесы, исполняемые на сцене театра. 14. Стихотворение В. В. Маяковского. 16. Хвойное дерево. 18. Румынский порт на Дунае. 20. Сочетание противоположных по значению слов. 21. Минерал, сырье для огнеупоров, керамических изделий. 22. Сходство предметов, явлений. 24. Русский этнограф и фольклорист XIX века. 25. Катушка для намотки киноленты. 27. Могушественное явление природы. 28. Народное название реактивной артиллерии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 1. Горихвостка. 5. Десна. 9. Аорта. 10. «Книга». 12. Смета. 13. Ермолай. 15. Красное. 17. «Жатва». 19. Алебастр. 20. Увертюра. 21. Фреза. 22. Рутений. 24. Плантаж. 26. Эльба. 28. Вираз. 30. «Демон». 31. Брест. 32. Биссектриса.

По вертикали: 1. Глава. 2. Индекс. 3. Спаржа. 4. Айбек. 6. Существительное. 7. Грим. 8. Гимн. 9. Александров. 11. Азербайджан. 14. Лапхун. 16. Америка. 17. Жираф. 18. Акула. 23. Торт. 25. Темп. 26. Эребус. 27. Арктур. 29. Желоб. 30. Дубна.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парад Победы. Москва. Июнь 1945 года. Поверженные фашистские знамена на Красной площади.

Фото Е. Халдея.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Квасник. Автор Л. А. Масленникова * Мастер по украшению керамики Наталия Герасимова * Петухи. Авторы Н. К. Носорова и С. И. Поляков * Подсвечник и пепельница. Автор А. И. Рожко. (См. в номере материал «Глина в человеческих руках»)

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.04.82. Подписано к печати 05.05.82. А 00366. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1810 000 экз. Изд. № 1314. Заказ № 2270.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В ФИЗКУЛЬТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

Виталий ЗАСЕЕВ

Фото А. БОЧНИНА

...Ректора, доктора медицинских наук Вадима Владимировича Меньшикова мы застали в просторном, залитом светом музее Государственного центрального ордена Ленина института физкультуры (сокращенно ГЦОЛИФК). Чего здесь только нет! Фотографии первых советских чемпионов и спортивные трофеи наших олимпийцев (к слову сказать, из стен ГЦОЛИФКа вышло 68 победителей Олимпийских игр и столько же призеров Олимпиад разных лет), призы и медали участников мировых и европейских чемпионатов, ордена гцолифовцев-фронтовиков. Особое место занимает флаг Олимпиады-80, переданный на хранение студентам советскими олимпийцами.

В. В. Меньшиков говорит:

— Недавно принятое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» ставит перед нами задачу совершенствования подготовки специалистов. В учебном плане и программах педагогического факультета отныне уделяется больше внимания организации и проведению массовой физкультурной работы. Не случайно на первый план партия выдвигает охват физической культурой возможно большего числа людей, ибо занятия физкультурой и спортом стали осознанной и естественной потребностью, одной из важнейших черт образа жизни советских людей. Учитывая это, мы уже в нынешнем году осуществили прием студентов для подготовки специалистов по массовой физкультурно-оздоровительной работе и туризму. У нас создается факультет переподготовки руководящих работников физической культуры, вечерний факультет повышения квалификации тренеров детских и юношеских спортивных школ Москвы.

Какие разительные перемены произошли в облике нынешнего института! Тесные, плохо освещенные аудитории (без электричества здесь порой и заниматься-то было невозможно), узкие, малопригодные для занятий спортивные залы, считанные лаборатории старого здания на улице Казакова вспоминаются сегодня как далекое прошлое. На смену всему этому пришли новые учебные корпуса по Сиреневому бульвару, вместительные, светлые спортивные залы, хорошо оборудованные научные лаборатории.

— В нашем институте пять факультетов,— продолжает свой рассказ ректор.— На этом этапе разместились факультет массовых видов спорта, который готовит тренеров и преподавателей по плаванию, гребле, спортивной и художественной гимнастике, а также специалистов легкой атлетики.

Мы в легкоатлетическом манеже. В одном из секторов идут тренировки студентов, специализирующихся в тройном прыжке. В опытно-терпеливом педагоге узнаю бывшего рекордсмена мира, заслуженного мастера спорта Леонида Щербакова. В другом крыле тре-

нировкой руководит профессор Николай Озолин — тот самый Озолин, который был неоднократным чемпионом страны среди шестовиков.

— Знания нашим студентам передают более четырехсот педагогов,— говорит В. Меньшиков,— каждый второй из них — кандидат или доктор наук, каждый четвертый — заслуженный мастер спорта или мастер спорта.

Мы минуем факультет зимних и технических видов спорта, факультет спортивных игр и оказываемся в царстве силачей. На научном языке это называется факультетом спортивного единоборства. Здесь получают образование те, кто посвятит себя воспитанию будущих борцов, боксеров, тяжелоатлетов, пятиборцев...

— С нашими д'артаньянами занимается заслуженный мастер спорта Давид Тышлер,— поясняет ректор,— а стрелков готовит бывший чемпион мира Ефим Хайдуров.

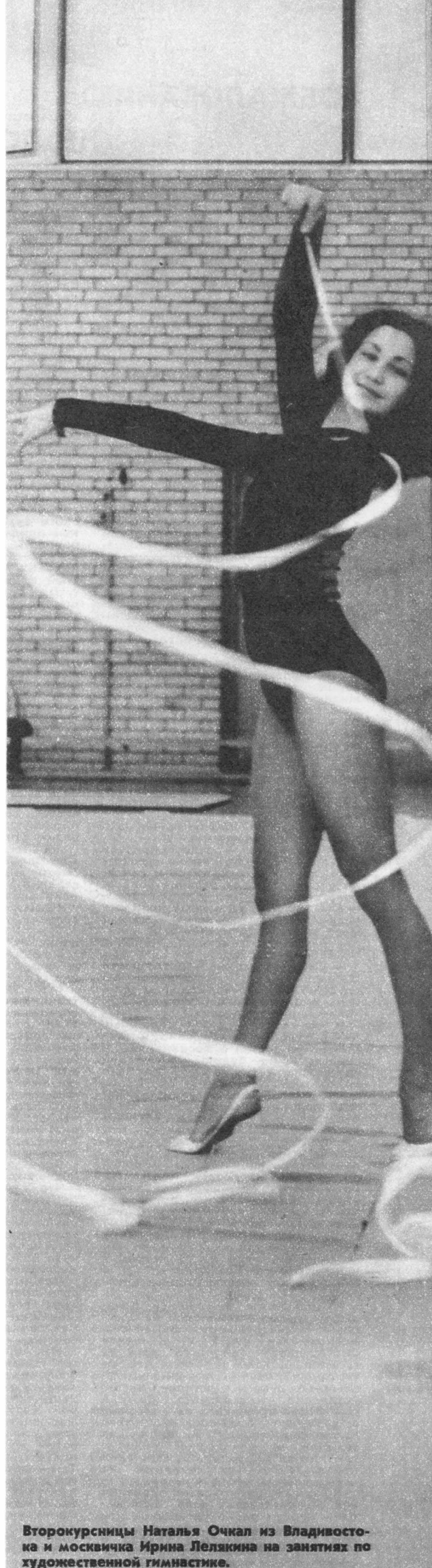
О заслуженном тренере СССР, заведующем кафедрой стрелкового спорта Ефиме Леонтьевиче Хайдурове я был наслышан давно. Великолепный pistolетчик, волевой и энергичный спортсмен, Хайдуров известен во всем мире не только как первоклассный стрелок, но и как отменный оружейник. Не раз садился он за чертежную доску, а потом шел в инструментальный цех, становился за станок и делал новый образец спортивного pistolета, из которого потом стреляло не одно поколение чемпионов мира.

— Стрелковый спорт требует особых условий,— говорит Ефим Леонтьевич.— Все техническое оснащение стрелка, равно как и стрельбища, должно быть самым совершенным. Только тогда можно рассчитывать на наилучший эффект в работе. В этом отношении в ГЦОЛИФКе созданы, что называется, условия «на десятку». Впрочем, сами убедитесь.

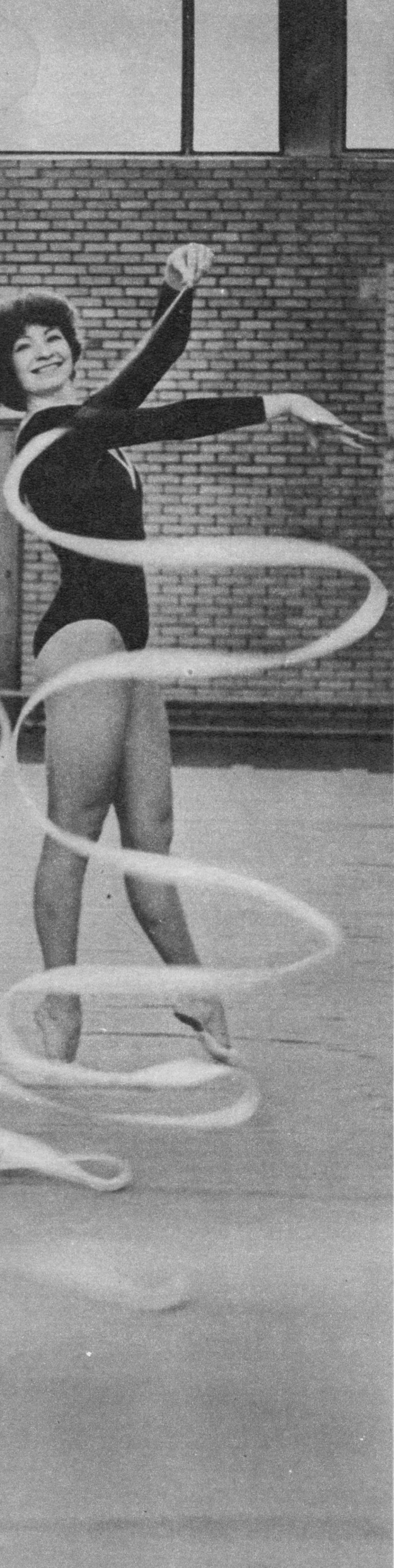
Из-за толстой стены доносятся сухие одиночные выстрелы. Хайдуров распахивает дверь, и мы оказываемся в 50-метровом тире... Несколько третьекурсников ведут огонь из винтовок по движущимся мишеням. Электронное табло тут же фиксирует попадание каждого стрелка. Тир оборудован телевизионными камерами, и любой преподаватель, не выходя из учебного кабинета, может следить за техникой ведения стрельбы, разбирая и поясняя ошибки для всей аудитории.

...Зимние сумерки опустились над Сиреневым бульваром. Закончился очередной учебный день в ГЦОЛИФКе. Студенты покидают стены родного института. На ступеньках, ведущих ко входу в ГЦОЛИФК, ребята сталкиваются с такой же говорливой и веселой группой школьников Москвы, которые этот вечер проведут в спортивных залах старейшей кузницы физкультурных кадров.

— Преподаватели и студенты физкультурного института решили превратить Первомайский район столицы, где расположен ГЦОЛИФК, в настоящий центр научно-исследовательской, учебно-методической, практической и организаторской работы в области массовой физкультуры. Среди первоочередных мер, которые предпринимаются нами в этом отношении,— говорит Вадим Владимирович Меньшиков,— проведение широкого социологического исследования среди населения района, организация народного университета по подготовке и переподготовке физкультурных кадров, инструкторов и судей-общественников, а также создание в одной из школ района методического центра по физкультурно-спортивной работе среди школьников.

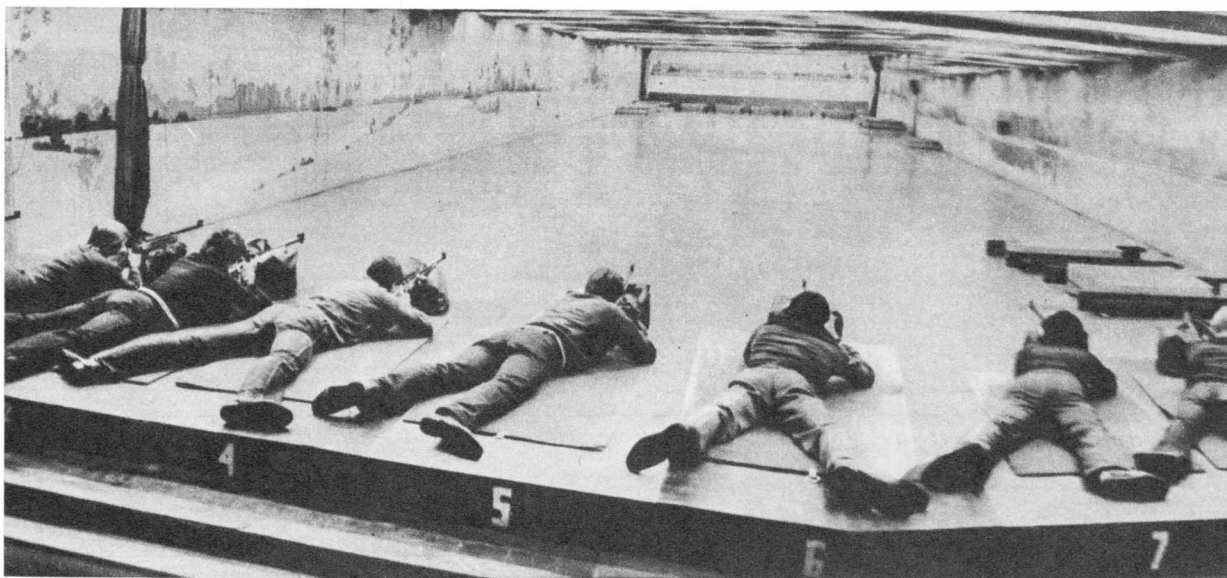

Второкурсницы Наталья Очкал из Владивостока и москвичка Ирина Лелякина на занятиях по художественной гимнастике.

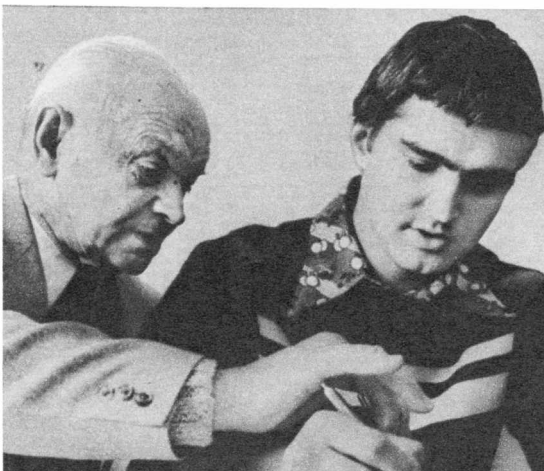
В лаборатории по спортивной метрологии. Занятия ведет Г. Ф. Уголькова.

В студенческом тире.

Доктор педагогических наук, профессор Н. Г. Озолин и аспирант Андрей Матвеев обсуждают диссертацию

Тренируются борцы. Справа профессор кафедры борьбы заслуженный тренер СССР Е. М. Чумаков.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

